

ДЭН СИММОНС
ЗИМНИЕ
ПРИЗРАКИ

Annotation

Жизнь Дэйла Стюарта разрушена.

Лишившись семьи и престижной работы, он возвращается в город своего детства в штате Иллинойс и поселяется в том самом доме, где когда-то жил его погибший в юности друг.

Дэйл собирается написать книгу в память о друге – но оказывается, что он не один в пустом доме. В окнах необъяснимым образом зажигается и гаснет свет, героя внезапно преследуют стаи собак, а на экране компьютера появляются таинственные сообщения на кельтском языке...

К Дэйлу приходят привидения. Но чего же они хотят?

- [Дэн Симмонс](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
-

Дэн Симмонс

Зимние призраки

Посвящаю Карен.

*Угрюмый, бледный, истощенный, Молчал он,
будто пораженный, Дрожащий с головы до ног.
«Песнь последнего менестреля».*

Песнь VI, гл. 26 Перевод Т. Гнедич

Зимние псы Меня гонят прочь.

Стинг. «Гончие зимы»

Dan Simmons

A WINTER HAUNTING

© Dan Simmons, 2002

© Перевод, Е. Королева, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Глава 1

Через сорок один год после моей смерти мой друг Дейл приехал на ферму, где я погиб.

Зима в тот год была очень суровой.

Я знаю, что вы подумали. Есть один старый журналистский анекдот о том, как Уильям Рэндольф Херст ^[1]отправил молодого репортера в Джонстаун, где произошло наводнение, с тем чтобы тот написал репортаж для газеты. Не имевшему большого опыта парню предоставлялся отличный шанс. И на следующий день новичок прислал в редакцию Херста сообщение, начинавшееся так: «Бог восседал на одиноком холме над Джонстауном, скорбно взирая на разрушительное буйство природы».

Ветераны от журналистики уверяют, будто Херст, не колеблясь и десяти секунд, телеграфировал ответ:

«Забудь о наводнении. Бери интервью у Бога».

Я сказал, что умер сорок один год назад, и ваша первая реакция, скорее всего, была примерно следующей: «Забудь о Дейле. Кому он нужен? Расскажи нам, каково быть покойником и что представляет собой жизнь после смерти. Что значит быть призраком? Бог действительно существует?»

Сам я, по крайней мере, спросил бы именно об этом. К сожалению, я не призрак. И ничего не знаю о жизни после смерти. Я никогда не верил в привидения, в существование рая на небесах и Бога, в то, что душа в отличие от тела бессмертна и что возможны воскресение и реинкарнация. Не верю во все это и теперь. Себя в нынешнем состоянии я бы назвал извращением памяти. Дейл обладает невероятно сильным *ощущением* меня, но из-за испытанного потрясения настолько оторванным от остального сознания, что я словно бы существую как нечто большее, чем воспоминание, но меньшее, чем жизнь, – буквально некая черная дыра в монолите памяти, образовавшаяся под сокрушительной тяжестью горя.

Знаю, это не объяснение, но иного у меня нет. Понимаю только, что существую и что некое «оживление» – вот, кажется, самое

подходящее слово – произошло, когда Дейл решил вернуться и провести зиму на ферме, где я когда-то жил и где меня убили.

Конечно же, я не помню, как умер, и знаю об этом событии не больше, чем Дейл. Очевидно, смерть человека, как и его рождение, событие столь важное, что память его не вмещает.

При жизни я был обыкновенным мальчишкой, хотя и весьма одаренным, который, твердо решив когда-нибудь стать писателем, усиленно упражнялся в сочинительстве, однако сознавал, что пройдет еще много лет, прежде чем ему удастся написать настоящий рассказ, не говоря уж о романе. Впрочем, это не мешало мне придумывать зачины своих будущих произведений.

Если выбирать готовое начало для этой истории, я позаимствовал бы его из скучного романа Теккерея «Довел, вдовец», написанного в 1861 году:

«Кому предстоит стать героем этой истории? Не мне, пишущему ее. Я всего лишь Хор в этой пьесе. Я комментирую поступки героев, рассказываю об их незатейливой жизни».

Теккереево вездесущее «я», разумеется, лжет. Любое утверждение создателя, будто он просто Хор, бесстрастный наблюдатель, свидетель поступков своих творений, лицемерно и ложно. Разумеется, я считаю, что это применимо и к Богу, – в те редкие мгновения, когда вообще допускаю возможность его существования. Как-то раз, когда мы с Дейлом и Майком дискутировали в курятнике о Господе, моим единственным вкладом в беседу стала перефразированная цитата из Марка Твена: «Когда мы окидываем взглядом всю боль и несправедливость мира, мы обязательно приходим к неизбежному выводу, что Бог – убийца». Не знаю точно, согласен ли я был с таким утверждением тогда и считаю ли его истинным теперь, но Майка и Дейла мои слова, несомненно, повергли в ошарашенное молчание. Особенно Майка: он в то время прислуживал в алтаре, и весьма ревностно.

Но я отвлекся от темы, даже не успев начать повествование. Всегда терпеть не мог авторов, которые так поступают. Да, сильной завязки у меня снова не получилось. Что ж, начну еще раз.

Через сорок один год после моей смерти мой друг Дейл приехал на ферму, где я погиб.

Зима в тот год была очень суровой.

На пути из западной части Монтаны в центр Иллинойса Дейл Стюарт преодолел более тысячи семисот миль за двадцать девять часов. Горы уменьшались, а затем исчезали в зеркале заднего вида, бесконечные просторы осенней прерии сливались в красно-коричнево-охряное пятно. Дейл ехал сначала на восток по шоссе 1–90, затем на юго-восток по 1–29, на восток по 1–80, на юг по 1–74 и в конце концов снова на восток. Возвращаясь к расчерченной шахматной доске Среднего Запада, он пересек почти полные два часовых пояса и всю дорогу заставлял себя пробиваться сквозь более чем сорокалетнюю толщу воспоминаний – так ныряльщик погружается в глубину, преодолевая боль и давление водной массы. Дейл останавливался, только чтобы перекусить, заправиться и коротко вздремнуть в кемпингах на границе штатов. Он перестал нормально спать много месяцев назад, еще до попытки самоубийства, но так и не выбрал время, чтобы принять прихваченное в дорогу снотворное и как следует отдохнуть: хотел как можно скорее добраться до места, хотя не совсем понимал, зачем туда едет.

Дейл планировал приехать в родной городок в первой половине дня, прокатиться по улицам и еще засветло добраться до фермы Дуэйна, но был уже двенадцатый час ночи, когда на шоссе 1–74 появился наконец вождеденный указатель с надписью «Элм-Хейвен».

Он собирался поселиться в старом доме Дуэйна в начале или середине сентября, чтобы сполна насладиться осенними красками и бодрящими солнечными деньками. А приехал в последний день октября, ночью, на исходе первого в новом столетии Дня Всех Святых, накануне зимы.

«Все вкривь и вкось, – подумал Дейл, свернув с шоссе 1–74 и проехав по пустынной ночной дороге две мили на север, к Элм-Хейвену. – Снова вкривь и вкось. Все, что я не потерял, у меня вкривь и вкось. А все, что потерял, я потерял потому, что все у меня вкривь и вкось».

Он сердито покачал головой, стараясь подавить острый приступ сентиментальной, бьющей через край жалости к себе, ощущая в мозгу туман – следствие многих ночей без сна, и нажал на кнопку, чтобы

опустить боковое стекло. Сильный северо-западный ветер леденил воздух, и холод помог Дейлу немного встряхнуться. Он вырулил на Хард-роуд всего в миле к юго-востоку от Элм-Хейвена.

«Хард-роуд...» Дейл невольно улыбнулся. Он десятилетиями не вспоминал это название, но оно тут же пришло на ум, едва машина свернула на северо-запад и, проехав по федеральному шоссе 150А, медленно вкатилась в спящий город.

Вправо уходила асфальтовая дорога, и он догадался, что так теперь выглядит участок Шестого окружного между Джубили-Колледж и Хард-роуд. Надо же! А в прежние времена это была грязная, изрезанная колеями дорога между высокими стенами кукурузы. Значит, теперь он при желании может поехать прямо на север, к ферме Дуэйна.

С любопытством глядя по сторонам, Дейл приближался к Элм-Хейвену.

С напрасным, как выяснилось, любопытством. Погруженный во тьму город казался печальным и словно бы съезжившимся. Это был совсем другой Элм-Хейвен. Маленький. Мертвый. Забальзамированный труп.

В двух деловых кварталах на Мейн-стрит вдоль Хард-роуд недоставало нескольких зданий, что сбило Дейла с толку – так сбивает с толку знакомая улыбка, лишившаяся зубов. Он вспомнил высокий фасад универмага Дженсена, на месте которого теперь была пустая площадка, равно как и на месте «А and Р», где работала мать Майка. Там, где светились окна паркового кафе, теперь стоял частный дом. Гриль-бар Лаки на противоположной стороне улицы, похоже, превратился в лавку старьевщика, с витрин которого на Хард-роуд пялились запыленными черными глазами чучела животных. Двери продовольственного рынка на углу были заколочены досками. Парикмахерская по соседству с ним исчезла. Парк постигла и вовсе печальная участь: деревья свалили, пни выкорчевали, эстраду снесли, и на крошечном клочке земли теснились теперь железные каркасы сараев, а Военный мемориал был едва различим за стеной сорняков.

Дейл развернулся и поехал обратно на восток, потом свернул к северу, на Брод-авеню. Над головой низко нависли тучи. Холодный ветер взметал листья и гонял их назад и вперед по широкой улице перед самым капотом его «тойоты лендкрузер». Сухой шелест напоминал

царапанье крысиных лап. В какой-то момент Дейл и впрямь поверил, что сотни крыс действительно носятся в пучках света от фар.

На Брод-авеню так и не поставили фонари. Огромные вязы, которые когда-то образовывали над ней арку, много лет назад пали жертвами голландской болезни, а деревья, посаженные после, по сравнению со своими предшественниками выглядели низкорослыми, кривыми и лишенными благородства. Несколько красивых старых домов с широкими лужайками – темные и притихшие – все еще сохранились. Но Дейл, словно вернувшийся домой ветеран войны, замечал и острее воспринимал утраченное, чем то небольшое, что уцелело.

Он повернул направо, на Депот-стрит, и проехал несколько кварталов до дома своего детства, стоявшего напротив того места, где когда-то находилась Старая центральная школа.

Дом, в котором прожил семь лет, Дейл узнал, но с большим трудом. Гигантский вяз, стоявший перед окном их с Лоренсом спальни, разумеется, исчез, новые хозяева давным-давно заасфальтировали короткий подъезд и пристроили современный гараж, который плохо сочетался с архитектурой типичного для Америки квадратного в плане здания. Переднее крыльцо лишилось перил. Старую белую обшивку заменили виниловой. В честь праздника на крыльце стояли тыквы и пузатый соломенный человечек в рабочих штанах с лямками и нагрудником, но свечи внутри тыкв давно погасли, треугольные глаза сделались черными и пустыми, как у черепов, усиливающийся ветер трепал и уносил прочь соломенные внутренности человечка.

От Старой школы, разумеется, не осталось и следа. Лето шестидесятого года Дейл помнил смутно – отчетливо сохранилась в памяти лишь картина пылающей громады и оранжевых искр, летевших по затянутому дымом небу. Сейчас на месте исполинского прямоугольного строения ютилось несколько жалких, темных, похожих на сельские домишек, совершенно не гармонировавшие со старыми высокими зданиями вокруг. О том, что когда-то здесь были школа и большая игровая площадка, не напоминало уже ничто.

Высокие вязы-часовые, охранявшие некогда Старую центральную, конечно, погибли, а новых деревьев не посадили. Маленькие домики, построенные на квадратной площади после 1960-го, казались уязвимыми и беззащитными под черным небом.

Пустые места образовались и в рядах зданий, обращенных фасадами на бывший школьный двор. Дом Сомерсетов по соседству со старым жилищем Дейла исчез, даже фундамента не осталось. Маленький белый домик миссис Мун, стоявший на другой стороне улицы, напротив Сомерсетов, снесли, площадку засыпали гравием и укатали бульдозером. Фермерский, как его называли, дом друга Дейла Кевина, казавшийся в шестидесятом современным и красивым, по-прежнему стоял на небольшом возвышении, но даже в темноте было заметно, что он давно не крашен и нуждается в ремонте. Два великолепных особняка в викторианском стиле севернее дома Кевина снесли, и на их месте возник короткий тупик с несколькими очень дешевыми новостройками, теснившимися там, где когда-то начинался лес.

Дейл медленно проехал на восток, миновал Вторую авеню и притормозил там, где Депот-стрит упиралась в Первую. Дом Майка О'Рурка уцелел. Крошечный, обшитый серым гонтом [\[2\]](#), он выглядел в точности как в шестидесятом, лишь сзади, на месте уборной, была сделана небольшая пристройка. Старый курятник – штаб-квартира «Велосипедного патруля» – не сохранился, но большой огород остался. В парадном дворе перед домом по-прежнему возвышалась статуя Девы Марии. Стоя в некоем подобии наполовину закопанной ванны, Богоматерь простирала вперед руки и печально смотрела вдаль, на сжатые поля, начинавшиеся за Первой авеню.

Взгляд Дейла ничто не радовало. Все дома, мимо которых он проезжал, тонули во тьме, не считая редких огоньков у крыльца. В Элм-Хейвене и в шестидесятом было мало фонарей, а теперь, кажется, не осталось вовсе. В двух дворах на Брод-авеню горели небольшие костры, а чуть дальше, возле дома О'Рурков, тлели оранжевые угли еще одного, оставленного без присмотра. Сильный ветер разносил во все стороны искры. Дейл не помнил, чтобы в их детстве на Хеллоуин жгли костры.

За небольшим зданием средней школы Дейл повернул налево. Оставив Элм-Хейвен позади, он свернул у водонапорной башни на Джубили-Колледж-роуд и поехал на север, к Шестому окружному шоссе, чтобы миновать последние три мили, отделявшие его от фермы Дуэйна Макбрайда.

Глава 2

За одиннадцать лет своей жизни я ни разу не покидал Иллинойс, но, судя по тому, что мне довелось увидеть глазами Дейла, Монтана потрясающее место. Горы и реки там совсем не такие, как на остальном Среднем Западе. Мы с дядей Артом любили рыбачить на реке Спун, протекающей неподалеку от Элм-Хейвена, но по сравнению с широкими, быстрыми и шумными потоками Биттеррута, Флатхеда, Миссури или Йеллоустона ее едва ли можно назвать рекой. Да и наше расслабленное сидение на берегу, болтовня и созерцание поплавка тоже едва тянут на рыбалку по сравнению с захватывающей ловлей на муху в Монтане. Я, понятное дело, ни разу не ловил на муху, но думаю, что все-таки предпочел бы умиротворенное времяпрепровождение в тени прибрежных кустов и беседы под журчание маленькой речушки возможности поймать рыбу. Я всегда с подозрением относился к любым занятиям спортом и активному отдыху, если они превращаются в своего рода религию, усиленно проповедуемую их поклонниками. Кроме того, в больших реках Монтаны вряд ли водится зубатка.

Угловой кабинет Дейла в университете Монтаны, дом в старом районе Мизулы, где он когда-то жил с семьей, его ранчо возле озера Флатхед мне незнакомы, но пленяют воображение. В Мизуле – городке всего с пятьюдесятью тысячами жителей – есть, кажется, все, что понравилось бы мне, стань я взрослым: книжные магазины, кондитерские, хорошие рестораны, концертные залы, очень неплохой университет, кино и драматический театр, оживленные деловые кварталы.

В течение последних десяти месяцев Дейл посещал сеансы психиатра Чарльза Холла. Впервые он обратился к доктору через два дня после того, как приставил к виску дуло своего «саважа», самозарядного охотничьего карабина, и спустил курок.

Кабинет доктора Холла, маленький, но уютный, располагается над одним из букинистических магазинов: кроны деревьев за окном, книги, картины на стенах, письменный стол, два потертых кожаных кресла, между ними стеклянный столик, на котором только кувшин с

холодной водой, два чистых стакана и коробочка с салфетками «Клинекс». Салфетками Дейл воспользовался только раз – во время третьего сеанса: его тогда мучил весенний насморк.

Их последняя встреча состоялась в середине октября, когда листья на деревьях уже покраснели. Доктор Холл был обеспокоен решением своего пациента провести зиму в Иллинойсе, поэтому после настоятельной рекомендации найти другого врача, который обеспечит Дейла всеми нужными антидепрессантами и снотворным, и перечисления телефонных номеров, необходимых в экстренных случаях, беседа в конце концов приняла совсем иной оборот.

– Убедительно не советую вам проводить зиму одному в Иллинойсе, – настаивал доктор Холл. – Вы меня понимаете?

– Приму к сведению, – ответил Дейл.

– И все же поступите по-своему. Разве мои советы ничего не стоят?

– Я плачу за них сто двадцать пять долларов в час, – откликнулся Дейл.

– Вы платите сто двадцать пять долларов за лечение, – возразил Холл. – За возможность выговориться. Точнее, в вашем случае, Дейл, не столько выговориться, сколько получить нужные предписания. И тем не менее вы решительно намерены провести следующие десять или около того месяцев в Иллинойсе, причем в одиночестве.

– Да, – кивнул Дейл. – Но только девять месяцев. Столько обычно длится беременность.

– Вы же понимаете, что это классический сценарий.

Дейл молча ждал продолжения.

– Один из супругов умирает, и оставшийся – чаще всего мужчина – уезжает куда-нибудь и пытается «начать новую жизнь», не осознавая, что в этот момент для него особенно важны привычная обстановка, общение с друзьями, поддержка...

– Моя супруга не умерла, – вставил Дейл. – Энн жива и здорова. Просто я предал ее и потерял. Ее и девочек.

– Но результат тот же самый...

– Все нет, – сказал Дейл. – Не осталось никакой привычной обстановки. И дома здесь, в Мизуле, у меня больше нет. А подконтрольные встречи и воскресные прогулки детей с разведенным

отцом невыносимы. К тому же вы согласились, что еще одна зима на ферме едва ли пойдет мне на пользу...

– Да, разумеется, – подтвердил доктор Холл.

– Поэтому я возвращаюсь на Средний Запад и проведу там часть своего творческого отпуска. Поеду обратно в Веселый уголок.

– Вы так и не объяснили, почему ваш друг Дуэйн называл свой дом «Веселым уголком». Он действительно чувствовал себя там счастливым? Вы говорили, что мальчик жил с отцом-алкоголиком. Неужели он иронизировал? Но свойственно ли это одиннадцатилетнему ребенку? Или иронию привнесли впоследствии вы сами? Дейл колебался, не зная, как лучше ответить. Его смутило, что Холл не уловил аллюзии на «Веселый уголок». Какова же эрудиция этого психиатра, если он не знает Генри Джеймса? Следует ли говорить ему, что Дуэйн рассказывал о «Веселом уголке» не тогда, когда ему было одиннадцать – в одиннадцать Дуэйн умер, – а гораздо раньше, в 1956-м, когда Дейл только переехал в Элм-Хейвен и обоим мальчикам было по восемь лет? Восемилетний парнишка с захолустной фермы знал рассказ Генри Джеймса, а вот эскулап за сто двадцать пять долларов в час никогда о нем не слышал.

– Думаю, Дуэйн Макбрайд был единственным настоящим гением, которого я когда-либо знал, – ответил в итоге Дейл.

Доктор Холл откинулся на спинку кресла, скептически приподнял брови, а затем принял нарочито бесстрастный вид. Психиатру явно не доставало выдержки хорошего игрока в покер.

– Понимаю, – продолжал Дейл, – я слишком сильно выразился. Я редко употребляю это слово... черт, да, можно сказать, вообще никогда его не употребляю! За свою жизнь я встречал немало в высшей степени интеллигентных людей: писателей, академиков, ученых. Но только Дуэйн был поистине гениален.

Доктор Холл кивнул.

– Но вы знали его ребенком.

– Дуэйн прожил недостаточно долго, чтобы выйти из детского возраста, – заметил Дейл. – Но уже тогда он заметно отличался от своих сверстников.

– Что вы имеете в виду?

Врач положил на колено желтый блокнот и щелкнул кнопкой шариковой ручки – эту его привычку Дейл находил неприятной и даже

несколько раздражающей.

Он вздохнул, не зная, как объяснить.

– Полагаю, нужно было знать Дуэйна, чтобы понять. Внешне он был типичный деревенский недотепа: жирный, неряшливый, с небрежно подстриженными сальными волосами. Круглый год, и зимой, и летом, ходил в одних и тех же вельветовых штанах и фланелевой рубашке. А ведь речь, учтите, идет о шестидесятом годе: даже в маленьких захолустных городках вроде Элм-Хейвена, штат Иллинойс, дети тогда не ходили в школу в чем попало. Никаких изысков, но мы понимали разницу между одеждой для школы и одеждой для прогулок – не то что нынешние шалопаи...

Нарочито бесстрастное лицо доктора Холла сделалось слегка хмурым в знак неодобрения, что пациент отвлекся от темы.

– Впрочем, ладно... – продолжал Дейл. – В общем, с Дуэйном я познакомился в четвертом классе – наша семья тогда переехала в Элм-Хейвен – и очень скоро понял, что этот парень не такой, как все, что он жутко умный.

– Жутко? – Доктор Холл сделал заметку в блокноте. – Это как?

– Ну, не то чтобы жутко, – пояснил Дейл, – но это было выше нашего понимания. – Он помолчал. – Ну, вот хотя бы лето после окончания пятого класса. Мы, несколько мальчишек, организовали некое подобие клуба, который назвали «Велосипедным патрулем», – нечто вроде младшего отряда Лиги правосудия...

Дейл ясно видел, что Холл понятия не имеет, о чем он ему толкует. Может быть, психиатры-мужчины никогда не бывают мальчишками. Это многое объяснило бы.

– Ладно, не это важно... Мы собирались в старом курятнике Майка О'Рурка – продолжал он. – Там у нас был пружинный диван, отличное старое кресло с помойки, радиоприемник... и все в таком духе. Помню один летний вечер по окончании пятого класса... Мы умирали от скуки, и тогда Дуэйн начал пересказывать нам поэму о Беовульфе... слово в слово. Вечер за вечером он цитировал нам «Беовульфа» по памяти. Спустя много лет, уже в колледже, я изучал древний эпос и узнал текст... слово в слово... точно как рассказывал Дуэйн тем летом.

Холл кивнул.

– Удивительно, что в таком возрасте он вообще знал о «Беовульфе».

Дейл улыбнулся.

– Самое удивительное то, что Дуэйн читал его на староанглийском.

Психиатр заморгал.

– Но как же вы понимали?

– Он читал нам отрывок на староанглийском, а затем переводил, – пояснил Дейл. – А осенью он читал нам отрывки из Чосера. Мы знали, что Дуэйн со странностями, но любили его.

Доктор Холл сделал очередную заметку в блокноте.

– Как-то мы бездельничали, а Дуэйн читал новую книгу... Кажется, это был Трумен Капоте, не помню, но точно один из тех писателей, о которых я в то время даже не слышал... Так вот, кто-то из мальчишек, по-моему, Кевин, спросил, как ему книга, Дуэйн ответил, что книга ничего, вот только автор никак не вернет своих героев из иммиграции.

Доктор Холл поколебался, а затем сделал очередную заметку.

«Возможно, тебе этого не понять, – подумал Дейл – но я-то писатель, то есть иногда сам пишу что-нибудь, и в жизни не слышал, чтобы какой-нибудь чертов редактор высказал столь же меткое замечание».

– А были еще какие-нибудь проявления его... гениальности? – спросил психиатр.

Дейл потер глаза.

– В то лето, когда Дуэйн погиб, в шестидесятом, мы всей компанией валялись однажды на пригорке за фермой дяди Генри и тети Лины, недалеко от дороги на ферму Макбрайдов. Была ночь, мы смотрели на звезды, и Майк О'Рурк – он прислуживал в алтаре – сказал, что, по его мнению, весь мир существует в сознании Бога, и, наверное, было бы здорово когда-нибудь встретиться с Богом, пожать Ему руку. Нисколько не раздумывая, Дуэйн сказал, что его такая перспектива не вдохновляет, поскольку он подозревает, что Бог проводит слишком много времени, ковыряя Своими ментальными пальцами в Своем ментальном носу...

Доктор Холл не стал ничего записывать, но посмотрел на Дейла почти с упреком.

– Насколько я понимаю, ваш друг Дуэйн был атеистом?

Дейл пожал плечами.

– Ну, в какой-то степени... Нет, погодите... Как-то во время одной из наших первых совместных прогулок – мы с ним в четвертом классе строили трехступенчатую ракету – Дуэйн сказал мне, что, по его мнению, все церкви и храмы модных в настоящее время богов – это он их так назвал: «модные в настоящее время боги» – слишком переполнены, поэтому для себя он выбрал всеми давно забытое египетское божество. Вызубрил старинные молитвы, изучил ритуалы – все как полагается. Помнится, он говорил, что поначалу хотел поклоняться Терминусу, римскому богу межевых камней, но все-таки предпочел египетского божка, поскольку тот пребывал в забвении много столетий и ему, наверное, очень одиноко.

– Весьма необычно, – признал доктор Холл, делая последнюю коротенькую заметку.

Теперь Дейл широко улыбался.

– Если память меня не подводит, именно чтобы молиться этому мелкому божку, Дуэйн научился читать египетские иероглифы. Ничего удивительного, Дуэйн в свои одиннадцать уже говорил на восьми или девяти языках и читал еще на дюжине.

Доктор Холл отложил в сторону свой желтый блокнот – верный знак, что ему наскучила тема разговора.

– А как насчет ваших снов? Они вас все еще посещают? – спросил он.

Дейл тоже считал, что настало время сменить тему.

– Прошлой ночью опять видел тот сон, про руки.

– Расскажите.

– Он ничем не отличался от предыдущих.

– Да, Дейл, в этом и состоит характерная особенность «повторяющихся снов», однако вот что любопытно: когда их обсуждаешь вслух, можно заметить незначительные, но важные отличия.

– Обычно мы с вами не разбирали сны подробно.

– Да, верно. Я, как вы знаете, психиатр, а не психоаналитик. И тем не менее опишите мне сон про руки.

– Все было как всегда. Я снова ребенок...

– Какого возраста?

– Лет десять, одиннадцать, не знаю. Но я в нашем старом доме в Элм-Хейвене. В нашей с Лоренсом спальне наверху...

– Продолжайте.

– Ну, мы с Лоренсом болтаем, горит ночник, и Лоренс роняет книжку с комиксами. Он наклоняется за ней и... эта рука высовывается из-под кровати, хватается его за запястье... Стаскивает брата вниз...

– Бледная рука, говорили вы в прошлый раз.

– Да... Нет... Не просто бледная, а белая... как личинка... мертвенно-белая.

– Что еще вы можете сказать о руке? Или это были руки – во множественном числе?

– Сначала только одна рука. Она буквально впивается Лоренсу в запястье и, прежде чем кто-то из нас успевает среагировать, стаскивает парня с кровати. Рука... белая рука... странная... длинные пальцы... я хочу сказать, ненормально длинные – дюймов восемь-девять. Похожа на паука. Затем я хватаю Лоренса за ноги...

– Он к этому времени уже под кроватью?

– Только голова и плечи. Он все время кричит. И вот тут я вижу обе похожие на пауков руки, утягивающие его во тьму.

– А рукава? Манжеты? Предплечья?

– Ничего. Только белые кисти и чернота... Еще более темная, чем чернота под кроватью Лоренса. Наверное, как рукава черного бархатного платья.

– И вам не удастся спасти брата?

– Нет, руки утаскивают его, и он исчезает.

– Исчезает?

– Да, исчезает.словно в деревянном полу вдруг открылась дыра, и руки уволокли Лоренса туда.

– Но в реальной жизни ваш брат жив и здоров?

– Да, конечно. Он в Калифорнии, руководит агентством по расследованию страховых случаев.

– Вы с ним обсуждали этот сон?

– Нет. Мы редко встречаемся. Лишь иногда общаемся по телефону.

– И вы никогда не рассказывали ему об этом сне?

– Нет. Лоренс... Знаете, несмотря на то что брат производит впечатление этакое большого грубого парня, на самом деле он очень чувствительный... И не любит вспоминать то лето. Да и вообще времена детства. В подростковом возрасте – мы уже переехали в Чикаго – брату нелегко пришлось, а по окончании колледжа у него даже случилось что-то вроде нервного срыва.

– Вы думаете, у него тоже пробелы в воспоминаниях о лете... какого года?

– Шестидесятого.

– Полагаете, у него такие же провалы памяти?

– Нет... Не знаю... Вряд ли. Он просто не любит об этом говорить.

– Понятно. Вернемся к вашему сну. Какие чувства вы испытываете, когда проигрываете в этом... своего рода состязании в перетягивании каната и младший брат исчезает?

– Испуг. Злость. И еще...

– Продолжайте.

– Нечто похожее на облегчение. Оттого что руки утащили Лоренса, а не меня. Доктор Холл, что означает вся эта чертовщина?

– Мы уже говорили о том, что сны не обязательно должны иметь какое-то значение, Дейл. Но, разумеется, приходят они не без причины. Ваш, полагаю, вызван внутренней тревогой. Вы ощущаете беспокойство в связи с предстоящими вам месяцами?

– Разумеется, ощущаю. Но при чем тут этот сон?

– Как, по-вашему, почему беспокойство проявляется через этот сон?

– Понятия не имею. А может он быть чем-то вроде подавленного воспоминания?

– Вам кажется, что вы действительно помните белые руки, утаскивающие младшего брата под кровать?

– Ну... что-то в этом роде.

– Мы говорили с вами о подавленных воспоминаниях. Вопреки тому, что обычно рассказывают в фильмах и телевизионных передачах, в реальной жизни они имеют место крайне редко. К тому же подавленное воспоминание непременно связано с реально произошедшим событием, например с физическим или сексуальным

насилием, а не с фантастическим кошмаром. В чем дело, Дейл? По лицу вижу, что вы взволнованы.

– Дело в том, что прошлой ночью меня разбудил не повторяющийся кошмар.

– А что же?

– Звук. Скребущий звук. Под кроватью. Мое время уже вышло?

– Почти. У меня еще один, последний вопрос.

– Валяйте, – отозвался Дейл.

– Почему непременно нужно ехать в Иллинойс, в дом друга детства, чтобы писать книгу? Зачем покидать привычную обстановку, оставлять все, что вы имеете в жизни, и возвращаться в пустой дом, в штат, где вы не живете вот уже сорок лет?

Прежде чем ответить, Дейл молчал целую минуту.

– Я должен вернуться, – наконец сказал он. – Там меня что-то ждет.

– Что, Дейл?

– Понятия не имею.

В детстве, чтобы добраться до фермы Дуэйна Макбрайда, Дейл полторы мили крутил педали велосипеда на запад по гравию Джубили-Колледж-роуд, поворачивал на север, на Шестое окружное шоссе, потом съезжал на совсем узкий проселок, оставляя слева бар «Под черным деревом», поднимался и спускался по склонам двух крутых холмов, проскакивал мимо Страстного кладбища, где хоронили католиков Элм-Хейвена, а затем ехал еще полмили по прямой ровной дороге до самой фермы.

Джубили-Колледж-роуд заасфальтировали и расширили. Бар «Под черным деревом» исчез. Насколько Дейл сумел разглядеть в темноте, здание снесли, а под деревьями, где когда-то с ветвей свисали желтые лампочки, притулился дешевый фургончик. Шестое окружное тоже покрыли асфальтом и расширили. Когда Дейл жил в Элм-Хейвене, эти два холма были смертельными ловушками: на дороге не могли разъехаться даже две легковые машины, гравий оползал, из-за нависающих деревьев здесь было темно и в яркий солнечный день, обочины отсутствовали и сорняки росли у самого края проезжей части. Было здорово как следует раскрутить педали, потом убрать с них ноги и лететь по инерции вниз по склону, пытаясь удержаться в накатанной сухой колее. Взрослые тоже порой затевали здесь

подобные игры: разгоняли свои легковушки и грузовички, неслись вниз в туче пыли и гравия, чтобы затем с ревом мотора подняться на следующий холм. Оставалось лишь надеяться, что кто-нибудь решивший поразвлечься точно так же не вылетит навстречу. Чаще всего лихачами становились подвыпившие фермеры, возвращавшиеся домой из бара «Под черным деревом». Дядя Генри и тетя Лина, чей аккуратный фермерский домик стоял как раз за этими холмами, частенько шутили, что Страстное кладбище предусмотрительно расположили именно здесь, на вершине, чтобы не тратить зря силы и не тащить жертв аварий обратно в город.

Сейчас на покрытой асфальтом дороге запросто могли разъехаться две машины, деревья по обеим сторонам вырубил, высокую траву скосили.

Дейл направил «лендкрузер» на травянистую площадку перед кладбищем, заглушил мотор, оставив фары включенными, и вышел в ночь.

Ветер усилился, и казалось, что тучи несутся всего лишь в ярде над головой. Звезд не было видно. В свете фар черные железные ворота кладбища и высокая металлическая ограда выглядели так же, как и прежде, вот только на острых, как пики, прутьях откуда-то появились не то черные крылья летучих мышей, не то странные ведьминские балахоны: длинные лохмотья, сделанные из черной гофрированной бумаги, трепетали на ветру. Это не было наваждением. Дейл слышал, как по всей длине ограды и по всему периметру аркообразных ворот бешено хлопают на ветру обрывки разной длины, видел, как неистово рвутся они к востоку.

«Кукурузные обертки, – догадался Дейл. – Это листовое обрамление кукурузных початков мы обычно называли каркасиками». Он наблюдал такое постурожайное явление в детстве и часто вспоминал это зрелище в ветреные дни в Монтане, когда на заборах вдоль шоссе повисали перекасти-поле. Когда Дейл был мальчишкой, к востоку от кладбища, за Шестым окружным шоссе, находилась ферма старого Джонсона. Судя по всему, ее нынешний владелец тоже выращивал кукурузу. После каждой жатвы ветер приносил с полей и развешивал на черной ограде сотни сухих листовых обверток.

«Убраны комбайном с початкоочистителем – такой же машиной, как и та, что убила Дуэйна. Неужели клочья разодранной одежды

Дуэйна и куски его плоти так же неслись по ветру в ночи и застревали в проволочном переплетении чьей-нибудь ограды у дороги?»

Дейл покачал головой. Он слишком устал.

Никто из родственников Дейла не покоился на Страстном кладбище: его предки не были католиками, но он знал, что там похоронены родственники О'Рурков и многих других его друзей из Элм-Хейвена. «Наверное, здесь уже лежит и кое-кто из моих ровесников, – подумал Дейл. – Надо зайти как-нибудь днем, посмотреть». Да, у него теперь будет полно свободного времени. Он уселся обратно в «лендкрузер», завел мотор и покатил вниз по склону второго холма. Летящие по ветру призраки шуршали позади.

До фермы Дуэйна оставалась еще миля. Дейл миновал ферму тети Лины и дяди Генри – дом стоял темный. Интересно, кто живет там теперь? Дядя Генри умер в 1970-м. Что до тети Лины, то она, по дошедшим до Дейла сведениям, теперь живет в Пеории. У нее болезнь Альцгеймера, и вот уже лет двадцать старушка ни с кем не общается. Если это правда, получается, что тетя Лина захватила целых три века. Дейл покачал головой. Каково это – пережить спутника жизни более чем на тридцать лет? Дейл ощутил, как внутри что-то сжалось: он тоже остался без спутницы жизни и до сих пор не может к этому привыкнуть.

Он чуть не пропустил поворот к ферме Макбрайдов. В прежние времена существовали два безошибочных ориентира. Во-первых, по просьбе жены мистер Макбрайд не сажал здесь кукурузу, чтобы высокие заросли не скрывали дом от остального мира и, соответственно, не мешали обитателям фермы любоваться окрестностями. Этому правила он неизменно придерживался и после смерти супруги. Во-вторых, на протяжении четверти мили вдоль подъездной дороги росли и буйно цвели дикие яблони.

Теперь в поле торчали столбики стеблей, оставшиеся от сжатой кукурузы, а большинство яблонь погибло. Дейл достаточно хорошо разбирался в фермерских делах и по оставшимся в поле стеблям понял, что нынешний хозяин предпочитал метод «простой пахоты». Дейл медленно ехал по дороге, и первой мыслью, пришедшей ему в голову, когда в свете фар наконец возник темный силуэт дома, было: «Господи, он меньше, чем мне казалось».

Разумеется, вокруг было темно. Не горел даже фонарь на столбе, обычно освещавший пространство между домом, сараями и амбаром. Ни Дуэйн, ни его отец никогда не пользовались парадным входом, поэтому Дейл подъехал к дому сбоку. Сэнди Уиттакер, агент по недвижимости, сказала, что они никак не найдут ключ, но задняя дверь будет открыта и электричество к приезду Дейла подключат.

Он не стал глушить мотор, оставил фары включенными, чтобы осветить дорогу, и подошел к дому. Обе двери – и наружная, затянутая сеткой, и внутренняя – оказались незапертыми. Дейл вошел в кухню...

И тут же вскинул руки к лицу и зажал пальцами нос, с трудом подавив желание немедленно выскочить обратно. Вонь стояла ужасная: смесь гнили, плесени, разложения и бог знает чего еще. Здесь пахло смертью.

Он щелкнул выключателем. Никакого результата. В доме было темно, как в пещере, только какой-то намек на свет пробивался в единственное кухонное окно.

Дейл вернулся к машине, взял галогенный фонарь и снова вошел в дом.

Кухня выглядела так, словно ее покинули во время обеда. На столе и в раковине громоздились горы тарелок. С каждым новым шагом вонь делалась сильнее. По-прежнему прижимая ладонь к лицу, Дейл вошел в столовую.

«Господи, тут полно детских гробов!»

Он застыл на месте, водя фонариком из стороны в сторону. Вместо обеденного стола здесь было штук шесть или восемь грубо сколоченных скамей на козлах, и на каждой лежал длинный, тускло отсвечивающий металлом ящик, формой и размерами напоминавший детский гроб. Чуть позже Дейл заметил щели для перфокарт, примитивные клавиатуры и небольшие экраны.

«Обучающие машины!» – вспомнил Дейл.

Старик – так его друг с нежностью называл отца – увлекался изобретательством. И странные ящики были «обучающими машинами» доэлектронной эпохи, которые Старик Дуэйна постоянно усовершенствовал и, вечно недовольный результатом, крайне редко продавал.

«Надо же!» – удивился Дейл.

Он знал, что тетка Дуэйна, сестра Старика, приехавшая в 1961 году из Чикаго, жила в доме вплоть до начала нового века, но так и не удосужилась выбросить весь этот хлам. Сорок лет мириться с присутствием таких штук в столовой!

В этой комнате скверный запах был сильнее. Дейл поводит фонариком, нашел выключатель, щелкнул. Никакого результата.

Кто-то здесь умер, это точно. Наверное, мышь или крыса. А может, и более крупное животное. Дейл не имел ни малейшего желания заносить вещи и ночевать в доме, пока не найдет труп, не избавится от него и не проветрит все помещения.

Он вздохнул, вернулся к «лендкрузеру», заглушил мотор, максимально опустил спинку пассажирского сиденья, чуть приоткрыл все окна, вытащил старое одеяло и попытался уснуть.

Дейл был измотан до такой степени, что стоило только закрыть глаза, и перед ним в свете фар потянулись разграничительные полосы шоссе, замелькали «зебры» переходов, понеслись дорожные знаки. Он уже было задремал, но какой-то обрывок сна или мысль заставили его очнуться. Дейл протянул руку и нажал на кнопку, запирающую все двери в машине.

Глава 3

Когда Дейл открыл глаза, в тусклом утреннем свете за окнами машины шел снег.

«Где, черт возьми, я нахожусь?» – мелькнуло в голове.

Он действительно не сразу вспомнил. Все тело затекло и одеревенело. Отдохнуть после долгого переезда так и не удалось. Дейл чувствовал себя растерянным, сбитым с толку и к тому же замерз. Голова болела. Глаза болели. Спина болела. Подобные ощущения он обычно испытывал после первого, самого тяжелого, дня похода, пешего или верхом, с неизбежно утомительной первой ночью, когда пытаешься задремать на холодной земле.

«Где я?»

Снег с шуршанием сыпался отдельными крупинками, стучал по крыше «лендкрузера» – не то чтобы град, но и не настоящий снег. Крупка – вот как называли это на Западе. Ветровое стекло обледенело. Поля сжатой кукурузы покрылись ледяной коркой. «Дом Дуэйна. Иллинойс. Ничего не понимаю. Снег? Сегодня еще только первый день ноября».

Дейл Стюарт привык к тому, что в Мизуле снег может выпасть едва ли не в самом начале осени, а на ранчо возле озера Флатхед, расположенного на возвышенности, еще раньше. Но в Иллинойсе? Он прожил в Элм-Хейвене семь лет и не помнил, чтобы снег выпадал раньше Дня благодарения [\[3\]](#), да и то не каждый год.

«Черт, – подумал он, роясь в дорожной сумке в поисках куртки. – Это все Эль-Ниньо [\[4\]](#). За последние пять-шесть лет мы привыкли обвинять его во всех бедах».

Дейл вышел из машины, натянул куртку, зябко поежился и бросил взгляд на возвышающийся прямо перед ним дом.

Убежденный, что писатель должен хотя бы в общих чертах знать практически обо всем, Дейл неплохо разобрался в основах строительства и архитектуры и ферму Макбрайдов почти сразу определил для себя как «традиционный пирамидальный дом для семейного проживания». Звучало несколько длинновато, но на деле это означало, что дом принадлежит к числу незамысловатых

прямоугольных строений с четырехскатной крышей, во множестве появившихся на Среднем Западе во времена Первой мировой войны. Высокий двухэтажный дом Макбрайдов был лишен каких-либо архитектурных излишеств: ни коньков на крыше, ни оригинальных по форме окон, ни орнаментов, ни выступов на фасадах, за исключением крошечного навеса над задним крыльцом, которым, насколько помнил Дейл, только и пользовались хозяева. Единственным украшением почти всех традиционных домов такого типа было большое парадное крыльцо с несколькими ступеньками и крохотная лужайка перед ним. Задняя дверь выходила на грязный двор между домом и хозяйственными пристройками – курятником и несколькими сараями: в двух маленьких хранились инструменты, еще пара, размером со стандартный гараж, использовалась для разных целей, а в самый большой мистер Макбрайд ставил необходимые для работы на ферме машины.

Дейлу до зарезу приспичило помочиться, и оставалось только надеяться, что, может быть, хоть канализация здесь в порядке. «Канализация? – подумал он в следующий момент. – На кой черт мне нужна вонючая канализация? Я на заброшенной ферме в трех милях от вымирающей деревушки в штате Иллинойс». Дейл бросил взгляд на подъездную дорогу и зашел за «лендкрузер», чтобы отлить. Слабый снег норовил перейти в дождь, но струя мочи оставила небольшой оттаявший кружок в замерзшей грязи двора Макбрайдов.

У него за спиной прогудел автомобильный клаксон.

Дейл быстро, чувствуя себя виноватым, застегнул «молнию», вытер руки о штаны и вышел из-за машины. Оказалось, пока он мочился, к ферме подъехал большой черный «бьюик». Вышедшая из него крашенная блондинка с вьющимися волосами была, наверное, одного с Дейлом возраста, но выглядела старше и весила фунтов на пятьдесят больше. На ней было длинное бежевое стеганое пальто на гусином пуху – из тех, что вышли из моды лет пятнадцать назад.

– Мистер Стюарт? – спросила женщина. – Дейл?

Какой-то миг он пребывал в полной растерянности, но потом в голове словно щелкнул выключатель – и все встало на свои места.

– Мисс Уиттакер?

Грузная дама начала осторожно пробираться по засыпанной снегом колее.

– О, ради бога, – воскликнула она, подойдя к нему вплотную, – зови меня Сэнди.

О том, что дом Макбрайдов сдается внаем, Дейл узнал из Интернета. Он позвонил в местное агентство недвижимости, которое находилось где-то в Оук-Хилле, и минут десять проговорил с сотрудницей офиса, обсуждая условия аренды бесхозного дома, прежде чем оба поняли, что знакомы. Женщина представилась как Сандра Блэр, но, когда Дейл сказал, что в детстве несколько лет жил в Элм-Хейвене, уточнила, что Блэр – фамилия ее бывшего мужа, которую она сохранила после развода, но только ради дела, поскольку мистер Блэр был важной шишкой в Оук-Хилле и Пеории, и что для друзей она по-прежнему Сэнди Уиттакер.

Дейл смутно помнил Сэнди Уиттакер, тоненькую, светленькую, тихую подружку Донны Лу Перри, лучшего питчера в их стихийно созданной, но постоянно действующей летом бейсбольной лиге. И теперь, глядя на эту грузную даму с широкими бедрами и двойным подбородком и надеясь, что она не видела, как он мочился за машиной, он никак не мог связать ее с образом одиннадцатилетней девочки из своего прошлого. Наверное, Сэнди испытывала похожие чувства: пусть он не растолстел так, как она, но пепельно-седая борода и очки тоже не были частью его детского облика.

– Боже мой, Дейл, мы ждали тебя не раньше сегодняшнего вечера или даже завтрашнего утра. Дом немного прибрали, сегодня подключат электричество, но когда ты звонил из Монтаны, то, кажется, сказал, что приедешь в первых числах ноября.

– Да, я так и планировал, – кивнул Дейл. – Но доехал быстрее, потому что нигде не останавливался. Может, уйдем с улицы? Снег все идет.

– Конечно.

Сэнди была в туфлях на высоких, похожих на кинжалы каблуках. Дейл даже не помнил, когда он в последний раз видел такие, тем более на женщине столь внушительных габаритов. Он подал ей руку, помогая пробраться по глубоким промерзшим колеям и островкам снега.

– Какая необычная для осени погода, – сказала Сэнди Уиттакер.

– Вот и мне так показалось, – отозвался Дейл, когда они поднялись на крошечное заднее крыльцо. – Но я решил, что просто

забыл, какой в Иллинойсе бывает ноябрь.

– О нет. Обычно очень хороший. Должно быть, все дело в этом ужасном Эль-Ниньо. Ты уже заходил в дом?

– Вчера вечером, на минутку, – ответил Дейл. – Электричество было отключено, и, должен тебя предупредить, там, похоже, кто-то издох. Мышь или крыса, наверное. Запах стоит премерзкий.

Она остановилась перед дверью, удивленно подняв одну нарисованную бровь. Косметика была наложена так густо, что Дейлу показалось, будто перед ним раскрашенная под человеческое лицо маска театра кабуки.

– Запах? – переспросила она. – Я приезжала сюда вчера вместе с уборщицей и газовщиками. Не было никакого запаха. Может быть, утечка газа?

– Нет, – сказал Дейл, стряхивая с волос снег. – Сейчас сама поймешь.

Он открыл перед ней дверь.

Сэнди Уиттакер щелкнула выключателем – и кухню осветила голая лампочка. Дейл увидел, что чисто вымытые тарелки на столах составлены аккуратными стопками. И не было никакого запаха.

– Странно... Я был уверен, что здесь умер какой-то зверек, – недоуменно сказал он, проходя в столовую, где в холодном дневном свете поблескивали серые ящики обучающих машин.

Но и там ничем не пахло.

Сэнди Уиттакер нервно хихикнула.

– О нет, миссис Брубейкер, это сестра мистера Макбрайда, умерла в больнице в Оук-Хилле, где я живу, то есть я-то, конечно, живу в Оук-Хилле, а не в больнице. Это случилось почти год назад. А мистер Макбрайд умер в Чикаго... Когда же это?

– В шестьдесят первом, – подсказал Дейл.

– Да, верно, зимой, после... того ужасного несчастного случая с маленьким Дуэйном.

Дейл невольно улыбнулся. Друг его детства в одиннадцать лет весил больше двухсот фунтов. Никто никогда не называл его «маленьким Дуэйном».

– Он ведь погиб недалеко отсюда в результате несчастного случая с... с комбайном? Я не ошибаюсь?

Дейл догадался, что Сэнди опасается, как бы он не решил, будто в доме водятся привидения.

– Я только сказал, что вчера здесь пахло так, словно в доме сдохла мышь или какой-то еще зверек, – пояснил он. – Но сегодня от запаха не осталось и следа.

– Понимаю. – Сэнди Уиттакер перешла на деловой тон. – Хочешь осмотреть дом? Фотографии, которые я послала тебе по электронной почте, были плохого качества. У меня, к сожалению, нет современного цифрового фотоаппарата... Я просто сканировала снимки, сделанные маленьким «Инстаматиком» [\[5\]](#).

– Нет-нет, фотографии были вполне сносные, – заверил ее Дейл, бросая взгляд на часы. – А не рановато ли ты начинаешь рабочий день? Хотя... я совсем забыл, что пересек часовой пояс. На моих сейчас семь сорок пять.

Он начал переводить стрелки.

– Нет, подожди. – Сэнди Уиттакер чуть нахмурилась и посмотрела на свои часы. – Сейчас действительно семь сорок пять.

Дейл замер. Он был уверен, что не переводил стрелки, но быстро сообразил, что за время его путешествия произошел переход на зимнее время.

«Вернулся назад...» – мелькнуло в голове.

Он и вправду вернулся назад, в город своего детства, в дом друга своего детства, на встречу со своей одноклассницей, не потратив и не выиграв при этом ни единой минуты.

«Только сорок один год», – подумал Дейл, ощущая легкий приступ головокружения, граничащий с тошнотой.

Сэнди предложила осмотреть наконец дом и начала с кухни.

– Боюсь, что на старой плите работает только одна конфорка. Разумеется, плита газовая. Баллон с пропаном стоит в сарае для инструментов. Уверена, где-нибудь в Оук-Хилле или Пеории есть мастерская по ремонту плит.

– Возможно, мне будет достаточно и одной конфорки, – пожал плечами Дейл. – А вот что мне действительно нужно, так это микроволновка. В последнее время я питался главным образом замороженными обедами «Голодный мужчина». Теперь, наверное, придется грызть их, не размораживая.

Сэнди Уиттакер застыла на месте. Судя по потрясенному взгляду женщины, акции Дейла упали в ее глазах сразу на несколько пунктов.

– Ну-у, какую-нибудь недорогую микроволновку можно приобрести в...

Дейл поднял вверх обе руки.

– Я просто пошутил. Да, признаю, шутка вышла несколько в духе старины Вуди Аллена.

Сэнди хмуρο кивнула.

– Холодильник маленький, но в рабочем состоянии. Тарелки, чашки и все остальное вот здесь, в шкафах. Миссис Брубейкер была очень аккуратной особой, но я все равно заставила Альму – это наша уборщица – все заново перемыть. Вот здесь столовая...

Половицы громко скрипнули под тяжестью мисс Уиттакер. Она остановилась, чтобы настроить электротепловое реле на стене, и Дейл услышал гул и дребезжание допотопного обогревателя. Через несколько секунд в воздухе появился издавна знакомый пыльный запах включенного впервые по осени отопления.

– Что касается этих... машин, – продолжала давать пояснения Сэнди, – то мы просто не знали, что с ними делать. Они оказались слишком тяжелыми, и мы с Альмой не смогли перенести их в курятник или сарай, а газовщики, естественно, были слишком заняты, и мы не решились просить их о помощи. Я понятия не имею, что это за хитроумные механизмы, но, очевидно, мистер Макбрайд работал над ними много лет назад. Наверное, ты заметил, что миссис Брубейкер оставила дом в том виде, в каком он ей достался, хотя чистоту, конечно, навела.

– Зачем она это сделала? – спросил Дейл.

– Что сделала?

– Оставила дом в том виде, в каком он ей достался.

Сэнди Уиттакер пожала плечами.

– Ты же помнишь, какими... эксцентричными были маленький Дуэйн и его отец. Наверное, сестра мистера Макбрайда была на них похожа. Она почти ни с кем не общалась, а в последний год ее жизни сюда и вообще вряд ли кто-нибудь заезжал, кроме курьеров из «Обедов на колесах» [\[6\]](#). Сара, работающая там, говорила, что дом несколько не изменился. Миссис Брубейкер превратила его в некое подобие музея.

– А отчего она умерла? – поинтересовался Дейл.

– От рака.

Под скрип половиц Сэнди пересекла столовую, прошла под небольшой аркой без дверей и остановилась посреди маленькой темной комнаты.

– Это гостиная, – сообщила она. – По-моему, отец с сыном, прежние хозяева дома, редко сюда заглядывали... да и сестра мистера Макбрайда тоже.

Два древних кресла, приставной столик с лампой сороковых годов, пружинный диван и ковер с огромными белыми цветами, посеревшими за прошедшие десятилетия. Ни радио. Ни телевизора. Ни телефона. Портьеры на высоких окнах были такими плотными, что слабый утренний свет почти не проникал в комнату.

Дейл попытался раздвинуть портьеры, но оказалось, что они сколоты булавкой, а когда он после долгих усилий все же отстегнул ее, то обнаружил под ними еще пару полотнищ, скрепленную точно так же.

– Пыль здесь была ужасная, но Альма с дочерью сделали генеральную уборку, – заметила Сэнди.

– Догадываюсь, – отозвался Дейл. Полотнища вторых портьер, как выяснилось, были еще и сшиты между собой.

– Наверное, миссис Брубейкер была вампиром, – пробормотал Дейл.

Он вынул из кармана складной нож, вытащил лезвие и разрезал шов.

Шторы не сразу поехали в стороны по толстой перекладине, но в итоге Дейл все-таки победил. Дневной свет, проходя сквозь некогда белую занавеску, делался водянисто-желтым. Дейл сдернул тюль.

– Мне нужно больше света для работы, – пояснил он, кидая ветхую ткань на старое кресло и поглядывая вверх на тяжелые портьеры.

– Нет, вряд ли, – заметила Сэнди Уиттакер. Дейл сложил нож и вопросительно посмотрел на нее.

– Я о вампире, – сказала она. – Не думаю, что миссис Брубейкер была вампиром.

Экскурсия по оставшейся части первого этажа заняла всего несколько минут. «Традиционный пирамидальный дом для семейного проживания» напомнил Дейлу его собственный, теперь уже бывший,

дом в Мизуле до того, как его перестроили: квадратный, четыре комнаты, узкий коридор и ванная. Если идти по часовой стрелке, то из облицованной плиткой кухни (одно окно, одна дверь) попадаешь в большую столовую (два окна с занавесками и портьерами), оттуда – в маленькую гостиную (два наглухо занавешенных окна), потом в холл при парадном входе и снова в кухню (кухонную дверь украшал витраж – единственный элемент декора, который заметил Дейл на первом этаже). Напротив гостиной, по другую сторону от холла, – «кабинет», маленький, но неожиданно уютный: старый стол с выдвигной крышкой, книжный стеллаж вдоль всей северной стены, одинокое окно, выходящее на подъездную дорогу, кушетка с регулируемой длиной.

– Вот здесь спала миссис Брубейкер, а до нее, насколько я понимаю, мистер Макбрайд, – пояснила Сэнди.

Она стояла так близко, что Дейл отчетливо ощущал запах ее духов и пудры.

– Они не пользовались спальнями наверху?

Сэнди Уиттакер улыбнулась.

– Нет. Мне кажется, я упоминала причину еще в первом своем письме.

Они остановились перед ванной комнатой первого этажа: раковина на подставке, отличная ванна на когтистых лапах. Душ, однако, отсутствовал, а черно-белые плитки пола во многих местах потрескались. Туалет, а точнее, одинокий унитаз за стенкой напомнил Дейлу эпизод из первого «Крестного отца», когда Майкл Корлеоне приходит в уборную итальянского ресторана, чтобы взять пистолет и убить Татталью и капитана полиции, которого играет Стерлинг Хейден.

– А душа нет? – спросил он.

– Душ есть внизу и на втором этаже, насколько мне известно. Но тем, что наверху, они никогда не пользовались.

– А почему? – спросил Дейл.

– Я все покажу, – сказала Сэнди.

Однако второй этаж Дейлу пришлось осматривать самостоятельно. Винтовая лестница, встроенная в стену между ванной и парадной прихожей, была узкой и темной. Не найдя выключателя и представив себе, как Сэнди с ее габаритами будет взбираться по

крутым ступеням, Дейл проявил галантность и сказал, что поднимется один.

Наверху брезжил неясный свет.

Толстый слой паутины покрывал дверной проем, ведущий в коридор второго этажа. Огромное бесформенное существо, похожее очертаниями на паука, но размером с человека, зашевелилось на нитях паутины, искривленные конечности подергивались, стремясь дотянуться до Дейла.

Дейл замер. Потом он был очень рад, что не закричал. Уж эта-то история мигом облетела бы и Оук-Хилл, и Элм-Хейвен: Дейл Стюарт, профессор университета, закаленный житель Запада, автор романов о горце Джиме Бриджере, испугался собственной тени.

Дверной проем закрывали многочисленные слои толстого прозрачного строительного пластика, деформированного и пожелтевшего от времени. Дейл вспомнил: Дуэйн рассказывал ему, что после смерти жены Старик «ради экономии тепла заколотил второй этаж». Должно быть, это было году в пятьдесят втором.

Дейл протянул руку и осторожно коснулся верхнего слоя. Пластик был толстым и ломким. Все пять, если не больше, слоев, приколоченных на одно и то же место, искривились, потрескались и почти не пропускали свет из окна второго этажа. Неудивительно, что ему померещилась здесь паутина. А гигантским пауком, разумеется, показалось его собственное искаженное отражение. Он подошел почти вплотную к пластиковому щиту, но так и не смог разглядеть за ним какие-либо детали.

Дейл раскрыл нож, приставил лезвие к пластику, но передумал и осторожно спустился по крутой лестнице.

– Там по-прежнему все запечатано? – спросила Сэнди Уиттакер.

– Это еще слабо сказано, – ответил Дейл. – Я хотел разрезать пластик, но потом решил выяснить, нет ли какой-то особой причины, заставившей заколотить вход на второй этаж. Вроде лихорадки эбола или еще чего-нибудь в том же духе.

– Господи, о чем это ты? – переспросила Сэнди Уиттакер.

– Я просто пошутил. И все же любопытно, к чему там вся эта пластмасса.

– Разве ты не помнишь? Я же писала тебе, что миссис Брубейкер никогда не отапливала второй этаж и что там все наглухо перекрыто.

– Я решил, речь идет лишь о системе отопления. – Дейл чуть улыбнулся. – Совершенно вылетело из головы, что сам мистер Макбрайд давным-давно намертво забил весь второй этаж.

Они вернулись в кухню, где было светлее.

– Альма отказалась туда подниматься, – сказала Сэнди.

– Почему? – спросил Дейл. – Там водятся привидения? Или в одной из комнат заперта безумная вторая жена мистера Макбрайда? Или еще что-нибудь этакое?

Женщина молча смотрела на него во все глаза. Густо накрашенный рот чуть приоткрылся от удивления.

– Это снова шутка, – поспешно пояснил Дейл, мысленно приказывая себе не шутить больше при Сэнди Уиттакер.

Неужели она и в детстве все воспринимала так же буквально и всерьез? Трудно сказать, он мало общался тогда с девочками.

– Теперь я смутно припоминаю, – продолжал он, – Дуэйн говорил что-то по поводу запертого второго этажа, которым перестали пользоваться из-за счетов за отопление.

Сэнди Уиттакер наконец сумела кивнуть.

– Уверяю тебя, Дейл... вас, мистер Стюарт...

– Дейл.

– Уверяю тебя, Дейл, насколько мне известно, это единственная причина, по которой заперт второй этаж. В пятидесятых старую угольную печь переделали в газовую, и с тех пор она стала греть хуже. Миссис Брубейкер спала в кабинете. Скорее всего, мистер Макбрайд перебрался туда же после смерти жены, и второй этаж оказался не нужен.

– Я просто пошутил, поскольку ты сказала, что Альма – так зовут экономку, да? – не захотела туда подниматься, – неуклюже оправдывался Дейл.

– Альме уже семьдесят четыре года, – сказала Сэнди. – У нее было сломано бедро. Она боится лестницы, а не чего-то другого. Но по контракту снят весь дом, мистер... Дейл. Если ты хочешь пользоваться вторым этажом, я пришлю племянника, и он снимет пластик. А потом Альма или ее дочь помогут мне прибрать и проветрить комнаты. Думаю, что воздух там несколько спертый, раз этаж заколочен почти пятьдесят лет...

Дейл замахал руками и вовремя прикусил язык, с которого уже готова была сорваться шутка по поводу вскрытой гробницы Тутанхамона.

– Пока мне не нужен второй этаж, – сказал он. – Если обстоятельства изменятся, я тебе сообщу. А за сто семьдесят пять долларов в месяц первого этажа с этим милым кабинетом будет вполне достаточно.

– Если ты считаешь, что плата слишком высока... – начала Сэнди. Дейл невольно вздохнул и покачал головой.

– В Мизуле за такие деньги не снимешь даже приличную комнату. Все отлично, Сэнди. Так, говоришь, душ есть в подвале?

Глава 4

В подвале оказался не только душ. За давностью лет Дейл успел забыть, что там же находилось и жилище Дуэйна.

Мальчишкой Дейл боялся подвала их дома в Элм-Хейвене – длинного лабиринта маленьких помещений, в самом конце которого был угольный бункер. Каждый раз, когда приходилось спускаться туда, чтобы набрать ведро угля, он дрожал от страха.

Подвал мистера Макбрайда был совершенно иным. Значительную часть южной половины большого, всегда чисто прибранного помещения занимала огромная печь. У стены стояли верстак и старая стиральная машина с деревянными валиками, лежали мотки бельевой веревки. Здесь же была устроена и просторная душевая кабина. На скорую руку смонтированная система подачи и стока воды была соединена с трубами ванной комнаты первого этажа. Рядом с душевой располагалась темная комната, полностью укомплектованная фотооборудованием, хотя и давно устаревшим. Вот в таком подвале и находился «спальный» уголок Дуэйна.

Дейл вспомнил, как проник в подвал Макбрайдов уже после смерти Дуэйна. Тогда он пробрался через одно из шести узких окон в цементной стене подвала, чтобы отыскать дневники Дуэйна, – они до сих пор хранились у него и сейчас, упакованные, лежали в «тойоте»: тринадцать толстых блокнотов на спиральных, заполненные мелким, почти неразборчивым почерком Дуэйна.

«Комната» Дуэйна сохранилась, один угол подвала был отгорожен лоскутным одеялом, висящим на веревке, и ящиками, поставленными друг на друга и забитыми книжками в мягких обложках. Дейл отодвинул одеяло и ощутил исходящий от него запах свежестыранной ткани.

Дуэйн Макбрайд перетащил вниз старую медную кровать, и толстый матрас на ней выглядел гораздо привлекательнее узкой кушетки на первом этаже. Кровать со всех сторон окружали ящики – импровизированные книжные полки, где среди множества дешевых изданий в бумажных обложках попадались и весьма редкие, дорогие старинные книги в твердых переплетах. Почти на всех ящиках стояли

приемники: примитивные транзисторные модели шестидесятых и более сложные, очевидно собранные из случайных деталей, простые детекторные приемники, несколько экземпляров в корпусах из популярного в пятидесятых бакелита [7]. Огромный напольный радиоприемник фирмы «Филко» [8] по-прежнему возвышался у стены, в изножье кровати. На маленьком столике между кроватью и приемником «Филко» Дейл увидел настоящее коротковолновое радио, способное не только принимать, но и передавать сигналы, проволока антенны тянулась от него вверх и наружу, за узкое окно.

– Я и забыл, что Дуэйн был заядлым радиолюбителем, – негромко, почти шепотом, произнес Дейл.

– Мы не знаем, работает ли все это, – таким же шепотом отозвалась Сэнди Уиттакер. – Но миссис Брубейкер и здесь содержала все в чистоте.

– Да, это заметно, – сказал Дейл. – В этом подвале больше порядка, чем на моем ранчо в Монтане.

Сэнди Уиттакер не нашлась, что на это ответить, поэтому чуть скривила губы и кивнула.

– Нет, правда, – сказал Дейл, обводя жестом огромный подвал, – здесь светлее, чем наверху.

Кроме шести ничем не завешенных окон, казавшихся фонарями, вмонтированными в стену подвала, открытое пространство освещали четыре лампочки под потолком. Еще две маленькие лампочки горели над старой кроватью Дуэйна. В целом подвал выглядел по-настоящему уютно.

Сэнди Уиттакер поглядела на часы.

– Что ж, я только хотела убедиться, что к твоему приезду все готово. Пора возвращаться в офис.

Они остановились в кухне. Снег прекратился, но на улице было пасмурно и холодно.

– Жаль, нечем тебя угостить, – посетовал Дейл. – Может быть, хоть стакан воды?

Сэнди Уиттакер покосилась на кран.

– Мы считаем, что вода здесь нормальная, хорошая, не чета городской, но ты, возможно, предпочтешь покупать воду в бутылках, чтобы не рисковать.

Дейл кивнул и снова улыбнулся. Он не слышал словосочетания «городская вода» более сорока лет, но сейчас память подсказала: в Элм-Хейвене из кранов текла странная сернистая жидкость вперемешку с песком, гадкая, непригодная для питья, поэтому все горожане брали воду из колодцев, выкопанных на задних дворах. Сэнди протянула ему несколько листков бумаги: квитанцию на чеки, которые он присылал ей для оплаты страховки, а также первого и последнего месяцев аренды (он намеревался прожить на ферме девять месяцев), список телефонов, по которым следовало звонить в экстренных случаях (Дейл обратил внимание, что большинство из них зарегистрированы в Оук-Хилле), свой телефон, адреса больницы в Оук-Хилле, стоматолога и различных магазинов.

– Мне нужно купить кое-что из еды, пока не стемнело, – сказал Дейл. – Я заметил, что «А & Р» и углового рынка больше нет. Где теперь отовариваются жители Элм-Хейвена?

Сэнди сделала неопределенный жест рукой, и Дейл про себя отметил, что при столь тяжеловесной в целом комплекции запястья и кисти у нее изящные.

– Ну, большинство ездит в старый бакалейный магазин в Оук-Хилле, в квартале от парка, или в супермаркет «Сейфуэй» ^[9] в Пеории. А если нужно срочно, то в «Быстро и без проблем» фирмы «Квик» ^[10] – придорожный магазин на заправке «Шелл», при выезде на шоссе 1–74. Там можно купить полуфабрикаты, хлеб, молоко и все самое необходимое. Цены возмутительные, зато добираться туда удобно.

– «Квик», – повторил Дейл.

Сетевые супермаркеты и придорожные магазины он ненавидел не меньше, чем телевизионных проповедников и нацистских преступников времен Второй мировой войны.

Дейл проводил Сэнди Уиттакер до ее огромного черного «бьюика». Она остановилась возле машины.

– У тебя сохранились какие-то связи с друзьями детства, Дейл?

– Ты имеешь в виду друзей по Элм-Хейвену? – уточнил Дейл. – Нет. После того как в шестьдесят первом мы вернулись в Чикаго, я еще какое-то время переписывался с ними, но вот уже много лет ничего о них не слышал. Кто-нибудь из них до сих пор живет здесь?

Сэнди на миг задумалась.

– Не из вашей компании. Ты ведь, помнится, дружил с Майком О’Рурком и Кевином Грумбахером, да?

– И еще с Джимом Харленом, – с улыбкой добавил Дейл.

– О, тогда ты, наверное, знаешь, что Джим Харлен был сенатором от Иллинойса.

Дейл кивнул. Джим в течение двадцати лет представлял штат в сенате, но в двухтысячном году какой-то скандал на сексуальной почве лишил его шанса на переизбрание.

– А О’Рурки, его родители, до сих пор живут в том же доме, – продолжала Сэнди.

– Бог ты мой! Им, наверное, уже лет по сто.

– За восемьдесят, – поправила Сэнди. – Я много лет с ними не общалась. По слухам, Майкл был тяжело ранен во Вьетнаме. Он стал священником.

– Об этом я тоже слышал, – сказал Дейл. – Но через Интернет мне не удалось отыскать никаких его следов...

– А Кевин Грумбахер... – продолжала Сэнди, не слушая его. – Его родители умерли. По последним дошедшим до меня сведениям, он работает в НАСА или где-то еще в том же роде.

– «Мортон Тиокол», – уточнил Дейл и, уловив промелькнувшее в ее глазах недоумение, пояснил: – Это компания, разрабатывающая твердотопливные ускорители для «шаттлов». Я нашел несколько старых статей. Надо полагать, Кевин работал на них во время катастрофы «Челленджера» в восемьдесят шестом и был одним из тех, кто не побоялся сказать правду... Он заявил, что в компании знали о неполадках в системе герметизации.

Во взгляде Сэнди Уиттакер застыло недоумение. Дейл пожал плечами.

– Как бы то ни было, в тысяча девятьсот восемьдесят шестом он уволился в знак протеста, и больше я о нем ничего не нашел, никаких сведений. Кажется, он живет в Техасе. – Ему было неловко говорить о старых друзьях с этой женщиной, но хотелось узнать, что ей известно о них. Желая сменить тему, он произнес: – А что случилось с твоими старыми друзьями? Общаешься с Донной Лу Перри?

– Она умерла, – сказала Сэнди. – Убита. Дейл в ответ лишь заморгал.

– Много лет назад, – сказала она. – Донна Лу вышла замуж за Пола Фусснера в... кажется, в семидесятом... А в семьдесят четвертом... да, вроде бы так... пыталась с ним развестись. Он нашел ее и убил. Донна Лу вернулась к родителям, в Элм-Хейвен, и однажды утром Фусснер подстерег ее и застрелил.

– Какой кошмар... – прошептал Дейл.

Из всех знакомых девчонок Донна Лу была, пожалуй, единственной, кого он хотел бы повидать, прежде всего чтобы здесь извиниться за кое-что произошедшее на бейсбольных соревнованиях сорок два года назад. Теперь у него не будет такой возможности.

– Господи... – так же шепотом произнес он. Сэнди кивнула.

– Это случилось давно. С наступлением нового века меня не покидает чувство, будто все мы древние развалины... Говорим о людях и событиях середины прошлого столетия... да и вообще... Кто еще входил в вашу компанию?

– Корди Кук – негромко ответил Дейл, все еще не оправившийся от шока, вызванного известием о гибели Донны Лу.

– О ней я ничего не знаю.

Зато Дейл знал. Он выяснил через Сеть, что круглолицая маленькая Корди из почти нищей семьи давным-давно сделалась миллионершей, несколько лет назад продала самую крупную в Америке компанию по переработке отходов и в данный момент владеет дорогим реабилитационным центром для онкологических больных на Гавайях. Но он не стал тратить время на рассказ об этом.

– С вами был еще один мальчик, – сказала Сэнди. Дейл на минуту задумался.

– Мой младший брат Лоренс?

– Нет. Кто-то еще...

– Дуэйн Макбрайд? – спросил он. Сэнди Уиттакер внезапно покраснела.

– Да, кажется, я вспомнила именно о нем. Она села в машину и включила зажигание.

Дейл шагнул назад, собираясь помахать ей на прощание, но Сэнди опустила стекло.

– О, Дейл, должна тебя предупредить. Услышав, что ты снял этот дом, сын моей кузины Дерек заявил, будто все о тебе знает.

«О господи! – мысленно вздохнул Дейл. – Еще один поклонник горца Джима Бриджера».

– Дерек в некотором роде... скажем так... трудный ребенок. Хотя мальчику уже девятнадцать, и ребенком его можно назвать с большой натяжкой. В общем, по словам кузины Ардит, он узнал твое имя от каких-то друзей по Интернету, которые разослали твою фотографию и твои статьи всем остальным.

– Статьи? – переспросил Дейл. – Может быть, романы?

– Нет, статьи, которые были опубликованы в какой-то газете в Монтане.

– О господи! – не удержался от восклицания Дейл. Ты говоришь о заметках в издании национальной гвардии Монтаны? Мне казалось, они представляли интерес только для неонацистских группировок и скинхедов.

Год назад, находясь на пике, точнее, в нижней точке жесточайшей депрессии, он написал серию статей об экстремистски настроенных вооруженных отрядах.

Сэнди прикусила нижнюю губу.

– Не думаю, что Дерек в полной мере разделяет убеждения наци, но он болтается с какими-то бритоголовыми юнцами. Да что скрывать, он и сам скинхед. Как бы то ни было, должна тебя предупредить: держись подальше от Дерека и его дружков, старайся с ними не пересекаться.

– Похоже, уже пересекся.

«Отличное начало творческого отпуска», – усмехнулся про себя Дейл, складывая руки на груди. Снова начало моросить.

– Позвони мне, если что-нибудь понадобится. – С этими словами Сэнди подняла стекло.

С трудом развернувшись на грязной дороге, тяжелый «бьюик» двинулся прочь под морозящим дождем. В тусклом свете дня дикие яблони выглядели уныло и напоминали уродливые скелеты.

Дейл посмотрел вслед машине, покачал головой и направился к «лендкрузеру», чтобы перенести коробки из багажника – все свое имущество – в дом Макбрайдов.

Глава 5

В последний раз Дейл виделся со своей юной любовницей Клэр больше года назад. Сентябрьское небо над Монтаной было чистым, ярким, пронзительно-синим. Они оседлали на ранчо лошадей: Клэр – бодрую чалую лошадку, которую он купил для старшей дочери (правда, дочь каталась на ней лишь пару раз, а Клэр довольно-таки часто), Дейл – послушного старого мерина, доставшегося ему вместе с остальным хозяйством, и, навьючив двух мулов, отправились на три дня в горы. Погода все выходные стояла изумительная. Ровные бесконечные осиновые рощи, растянувшиеся по склонам, за последнюю неделю успели пожелтеть, а поскольку лето выдалось дождливым и теплым, листья приобрели чудесный золотистый оттенок и теперь, трепеща на ветру под голубым куполом небес, превращали горы вокруг и долины внизу в нескончаемое море танцующего света. Клэр принялась объяснять, что особенное, ни с чем не сравнимое дрожание осиновых листьев вызвано тем, что они крепятся к веточкам под небольшим углом, чтобы в короткий период роста обе стороны каждого листа могли участвовать в процессе фотосинтеза. Дейл напомнил Клэр, что годом раньше сам сообщил ей этот факт.

В первый вечер они разбили лагерь чуть ниже полосы леса и даже позволили себе такую роскошь, как небольшой костер, а после долго сидели возле него, потягивая кофе и болтая обо всем на свете, пока небо не усыпало почти не мерцающие звезды.

Еще когда Дейл только собирался разжечь костер, Клэр протянула ему маленькую коробочку, завернутую в красивую золотистую бумагу.

– Небольшой подарок, – пояснила она в ответ на его недоуменный взгляд.

– По какому поводу? – спросил Дейл.

– Открой, – предложила Клэр.

В коробочке лежала прекрасная золотая зажигалка «Данхилл».

– Красивая, – сказал Дейл. – Но ты ведь прекрасно знаешь, что я не курю.

– И толком разжигать костер ты тоже не умеешь, – сказала Клэр. – Вспомни хребет Духа. Спички у тебя то отсыревают, то теряются, то

что-нибудь еще. Может, в один прекрасный день эта вещица спасет тебе жизнь.

Дейл засмеялся и, дважды щелкнув зажигалкой, поджег собранную ими кучу хвороста и сучьев.

Уже несколько раз по ночам случались заморозки, поэтому комаров не было. С вершин дул холодный ветер, но костер согревал, и им было уютно в кожаных куртках для верховой езды поверх шерстяных свитеров и фланелевых рубашек. Клэр делилась впечатлениями о первых днях в Принстоне, где она училась на последнем курсе. Он рассказывал ей о начатом новом романе, «серьезном» произведении о гибели генерала Кастера в битве на реке Литл-Бигхорн. Причем повествование будет идти от лица коренного американца. Клэр нахмурилась, как и всегда при словах «коренные американцы», но на этот раз удержалась от замечания. Никто из них не заговаривал о том, ради чего она, собственно, совершила столь долгий перелет, почему в такой непростой для нее период решила провести с ним эти выходные, – иными словами, об их намерении прожить этот год вместе, о давно вынашиваемой идее отправиться на Барбадос в рождественские каникулы, о согласии Дейла бросить хотя бы на годик свой университет, перебраться к началу следующего лета поближе к Принстону и заняться исключительно писательством. Никто из них и словом не обмолвился о грандиозных планах, о совместном будущем.

В ту ночь они долго занимались любовью в свете догорающего костра, расстелив на мягкой траве спальный мешок Дейла и укрываясь мешком Клэр как одеялом, когда холодный ветер обдувал разгоряченные тела. Постепенно угли костра почернели, и они немного поспали, а потом наслаждались сексом еще дважды – перед рассветом и после восхода солнца. Дейлу показалось, что на этот раз Клэр предается любовным утехам с не свойственным ей обычно пылом, словно пытается забыть в этой близости, отдалиться таким образом от него... Вывод был почти очевиден: если разговор все же состоится, ничего хорошего ждать не стоит.

Вторую ночь они провели уже выше лесополосы. Распаковав привезенную с собой походную газовую плитку, наскоро приготовили еду и рано забрались в палатку, которую, казалось, так и норовил сдуть ледяной ветер. Здесь, наверху, воздух был особенно чистым, и звезды должны были мерцать еще меньше, но они дрожали сильнее, словно и

их пробирала арктическая стужа, заставившая Дейла и Клэр влезть в пуховые спальные мешки, из которых они периодически выбирались, чтобы заняться любовью. Они достигали оргазма порознь и одновременно, понимая и уважая желания партнера, как это свойственно любовникам с большим стажем. Однако Дейл снова почувствовал растущую между ними пропасть и лежал без сна. Негромкое размеренное дыхание Клэр заглушал ветер, шуршащий непромокаемым нейлоном палатки, но Дейл ощущал на своем голом плече теплое дуновение. Что-то сломалось – теперь он знал это наверняка. Дневные беседы касались лишь отвлеченных тем, тон их был вроде бы проникновенным, но лишенным прежней душевности, изредка речь заходила об их общем прошлом, но ни слова не было сказано об их совместном будущем. Все эти, казалось бы, мелочи тем не менее безошибочно свидетельствовали о трещине в их с Клэр отношениях. Лежа с открытыми глазами и ощущая на плече дыхание юной любовницы, Дейл думал об Энн и девочках, которых потерял, сознательно сделав выбор, о своем доме в Мизуле, о своей работе и долгом, невыразимо пустом учебном годе впереди, если он не возьмет академический отпуск, о котором мечтал вместе с Клэр. Дейл чувствовал, как холод и пустота черного неба проникают внутрь, и в конце концов, несмотря на тепло спальных мешков и близость обнаженного тела Клэр, затрясся в ознобе. Он дрожал и ждал восхода.

Горькую истину Дейл услышал на следующий день, когда они вели нагруженных мулов по ущелью к горному пастбищу, расположенному чуть выше по склону, чем его ранчо.

– Ничего не получится, Дейл.

Он даже не спросил, что именно не получится, понимая, что это и есть Великое Невысказанное всего уикэнда, всей их жизни, и не стал прикидываться непонимающим – какой смысл повергать Клэр в еще большее смущение, ведь ему самому не станет от этого легче.

– Ладно, – кивнул он. – А почему?

Клэр замялась. Стоял теплый день, на ней была старая, самая удобная фланелевая рубашка Дейла, синяя, та, которую она надела в их первый совместный уик-энд больше четырех лет назад и в которой с тех пор неизменно отправлялась в каждый поход. Сейчас рубашка была расстегнута, рукава закатаны, и белая футболка плотно обтягивала полные груди.

– Все вышло... как ты предсказывал, – ответила она наконец.

– Я слишком стар, – вздохнул Дейл.

Они приблизились к краю крутого обрыва, и он непроизвольно подался в седле назад, упираясь ногами в стремяна, чтобы не дать старому мерину сбиться с шага. Клэр точно так же удерживала чалую лошадку.

– Это я слишком молода, – возразила она. Целых четыре года она утверждала, иногда с яростью, что разница в возрасте не имеет никакого значения. Он никогда с ней не соглашался. Хотел бы он, чтобы сейчас она опровергла собственные слова.

– Мне нет места в твоей жизни в Принстоне, – продолжал Дейл. – Там вокруг тебя ровесники, и это естественно.

– Нет, – запротестовала Клэр, но тут же кивнула: – Да.

– У тебя есть кто-то другой, – продолжал он и поразился безжизненности своего голоса и явственно прозвучавшим в нем ноткам отчаяния.

Они въехали в осиновую рощицу, наполненную сухим осенним шорохом трепещущих и мерцающих, похожих на крохотные сердечки листьев.

– Нет, – вновь резко бросила она и почти мгновенно сменила тон: – Точнее, не то чтобы *есть*. Я не влюблена. Наверное, я еще очень и очень не скоро смогу кого-нибудь полюбить. Но есть один человек, который мне приятен. Человек, с которым я проводила время.

– Во время летних подготовительных семинаров? Дейл разозлился на себя за этот вопрос, но не мог не задать его, словно от этого зависела вся его жизнь. Впрочем, возможно, так оно и было. Собственный голос казался ему чужим и мертвым. Под шелест осин и шорох высокой сухой травы они подъезжали к горному пастбищу. Соски Клэр четко вырисовывались под тонким хлопком футболки. Щеки пылали. И в эти минуты она была так прекрасна, что Дейл почти возненавидел ее за это.

– Да, – ответила она. – Там я с ним и познакомилась.

– И ты...

Он вовремя одернул себя, отвернулся и стал всматриваться в даль. Перед ними простирался длинный каньон. Ранчо пока не было видно. Дейл был уверен, что когда оно появится наконец из-за сосен, то покажется ему совсем не таким, как прежде.

– Спала с ним? – завершила за него Клэр. – Да. Мы занимались сексом. Это часть моей новой жизни там. Волнующая часть.

– Волнующая... – повторил Дейл.

Разница поколений выразилась сейчас и в том, что более четырех лет чудесных свиданий, сердечной привязанности, участия для нее определялись словосочетанием «заниматься сексом», тогда как он упорно предпочитал старомодное выражение «заниматься любовью». В конце концов Клэр приняла его версию и тоже стала говорить о занятиях любовью. Дейл считал это большим шагом вперед в их отношениях. И теперь он невольно усмехнулся, хотя не ощущал и намека на веселье.

Мерин начал поворачивать к нему голову, словно Дейл отдал ему какой-то непонятный приказ поводьями или ногами. Но Дейл ударил мерина в бока, чтобы тот не отставал от чалой лошадки, которая, чуя близость ранчо, норовила перейти в галоп.

– Волнующая, – сказала Клэр. – Но ты знаешь меня вполне достаточно и должен понимать, как мало это для меня значит.

Теперь Дейл засмеялся почти искренне.

– Я не знаю тебя, Клэр, – вот это я теперь действительно знаю.

– Не надо все усложнять, Дейл.

– Боже упаси!

– Ты тысячу раз предсказывал такой исход. Не важно, как часто я говорила, что ничего подобного не произойдет, – ты утверждал обратное. Каждый раз я хотела все расставить по местам в наших отношениях... я говорю об Энн и девочках... ведь они были одной из причин твоей нерешительности. Но чего я не понимала, так это...

– Ладно, – сказал Дейл, перебивая ее несколько грубее, чем ему хотелось бы. – Ты права. Я понимал тогда. И понимаю теперь. Просто ты так много раз отрицала очевидное, что я сваял дурака... купился на мечту.

– Я не хочу делать тебе больше, чем...

– Как ты думаешь, не прекратить ли нам сейчас этот разговор и продолжить его позже, по пути в аэропорт? Давай просто насладимся последним часом нашего последнего путешествия.

Разумеется, ничего не вышло. Последние часы, проведенные вместе, не доставили удовольствия ни ему, ни ей. Не удалось и поговорить на обратном пути в Мизулу.

Тогда он видел Клэр в последний раз. Это было за два месяца до того, как он зарядил «саваж», приставил дуло ко лбу, снял с предохранителя и спустил курок. Это было за десять месяцев до того, как он решил взять академический отпуск и уехать в Иллинойс писать роман. Это было за один год шесть недель и три дня до того, как он приехал в дом своего покойного друга Дуэйна – в добровольное изгнание в Иллинойс. Но кто стал бы считать?

Дейлу понадобилось некоторое время, чтобы разгрузить «лендкрузер» и разложить все пожитки. Коробки с книгами и зимней одеждой, естественно, могли подождать, но ему хотелось сразу же найти подходящее место для ноутбука и достать чистые простыни, наволочки, полотенца и прочие предметы обихода, привезенные с ранчо. Все личные вещи, решил он, останутся в гостиной-кабинете, где много лет назад спал мистер Макбрайд и где престарелая сестра Старика прожила, ничего не изменяя, почти сорок последних лет.

Компьютер очень удачно поместился на старом письменном столе. Розетка в стене не имела заземления, но Дейл это предвидел и привез с собой специальный адаптер для защиты от перепадов напряжения. Сэнди Уиттакер предупредила, что телефонную линию в доме отключили еще в шестидесятом году, и Дейл захватил с собой сотовый телефон, функции которого, разумеется, включали и возможность входа в электронную почту. Однако Дейл был старомоден и потому сначала через инфракрасный порт соединил телефон с компьютером, а потом уже набрал номер службы крупнейшего провайдера Интернета «Америка онлайн» в Пеории. Телефон сообщил ему, что «нет сети». Вообще нет. Нельзя даже позвонить.

– Черт! – выругался Дейл.

А ведь он специально связывался с «Иллинойс Белл», его заверили, что в этой части штата со связью все в порядке.

Что ж, наверное, это какие-то местные неполадки... Мертвая зона. А может быть, проблема в самом телефоне. Ладно, всегда можно проехать несколько миль, найти место с хорошим приемом, позвонить всем, кому надо, и принять почту. Его охватила не лишенная приятности дрожь. Он уже много лет не оказывался в подобной изоляции. Даже на ранчо спутниковая антенна ловила десятки телевизионных каналов, причем качество изображения было отменным. Имелись там и две выделенные телефонные линии, одна из

которых предназначалась для факса. Да и мобильная связь не давала сбоев. Теперь он оказался словно во власти безмолвия.

«Надо же, – подумал он, – я же хотел выкроить время, чтобы вволю почитать... заняться исследованиями. Так что ситуация складывается к лучшему».

Однако он сам верил в это с трудом.

В течение серого, хмурого дня Дейл распаковал большую часть багажа. Ему еще предстояла поездка в Оук-Хилл за продуктами – будь он проклят, если станет покупать что-то в придорожном заведении под названием «Быстро и без проблем», – но в дорогу он взял сумку-холодильник, и там еще оставались сэндвичи, три бутылки пива, апельсиновый сок, несколько яблок, апельсины и что-то еще. Вроде бы ничего не испортилось. Он пристроил свои немногочисленные припасы в холодильник и, почувствовав, что голоден, съел один сэндвич с ветчиной и запил его бутылкой пива.

Много лет подряд, развернув в своем университетском кабинете или на пути к ранчо взятые из дома сэндвичи, он обнаруживал всегда одно и то же: откушенный от каждого уголок. Энн делала это со времен пикников их медового месяца. Тогда, двадцать семь лет назад, Дейл впервые получил этот своеобразный привет от жены. Словно Беатриче, напоминая о себе, говорила «salve» ^[11] юному Данте.

Но те сэндвичи, что он взял с собой на этот раз, были целыми и невредимыми. Никто не откусил от них уголок. И не откусит.

Дейл покачал головой. Отдохнуть не удалось, и после сэндвича с пивом он не ощутил прилива бодрости. Но сейчас не время предаваться жалости к себе.

Он перенес из машины последнюю пару коробок. Чистые простыни, пододеяльники, наволочки, полотенца, разумеется, обнаружили в самой последней. Простыни оказались слишком большими для маленькой кушетки в кабинете, и ему пришлось долго подгибать полотнище, прежде чем оно наконец легло ровно, без единой складки. В скромно оборудованной ванной толстые полотенца выглядели неуместно.

На улице темнело. Дейл зашел в гостиную, прошелся по столовой, по кухне... Удивительно, но он вдруг почувствовал острое желание посмотреть телевизор: сначала мировые новости, потом местные, из

Пеории... а еще лучше поймать канал Си-эн-эн или заглянуть на какие-нибудь информационные страницы в Интернете.

Он вернулся к коробке и принялся вынимать из нее оставшиеся полотенца и простыни.

Охотничий карабин «саваж» двадцать второго калибра лежал на самом дне коробки, под полотенцами, завернутый в полиэтилен, разобранный на две части, тщательно смазанный и готовый к делу.

Потрясенный до глубины души, Дейл отшатнулся и сделал шаг назад: он не только был абсолютно уверен, что *не брал* с собой карабин, но даже отчетливо помнил, где его оставил: в подвале дома на ранчо, убранным в мягкий чехол и спрятанным на верхней, самой труднодоступной полке шкафа.

Дрожащими руками Дейл вынул из коробки и осторожно развернул неожиданную находку. Слава богу, патронов рядом не оказалось – ни двадцать второго калибра, ни четыреста десятого, с дробью. Он заглянул в казенную часть.

Там оказался один патрон. Вытащить его Дейлу удалось лишь с третьей попытки.

Это был тот самый патрон – память о событии, случившемся четвертого ноября прошлого года в четыре часа утра, – с четко видимой отметиной, оставленной бойком в его центре.

«Вот дьявол!» – подумал он. Теоретически патрон, которого коснулся боек спускового механизма, мог вылететь когда угодно.

Но ведь он отчетливо помнил, как швырнул этот самый патрон с крыльца в заросли елок и пушистых сосен, – еще яснее, чем процесс упаковки и сокрытия карабина в подвале дома.

«Я свихнулся. Снова совершенно спятил».

Дейл потянулся за телефоном и нажал клавишу быстрого набора номера доктора Холла, но надпись на экране «нет сети» напомнила ему, что немедленная медицинская помощь ему теперь недоступна.

– Господи! – в отчаянии воскликнул Дейл.

Он отложил телефон, взвесил на ладони смертоносный заряд и направился к задней двери. Пройдя несколько метров по грязной дороге, которую усиленно поливал ледяной дождь, он размахнулся и зашвырнул патрон как можно дальше в кукурузную стерню, после чего вернулся в дом и проверил все остальные привезенные коробки: вываливал на пол в столовой и кабинете стопки книг, перетряхивал

одежду и другие вещи, пока не удостоверился в отсутствии других патронов.

Покончив с этим занятием, он отнес заново упакованный «саваж» вниз, в подвал Дуэйна, ярко освещенный лампочками и теплый благодаря работающему обогревателю, где спрятал одну часть разобранного ружья за верстак, а вторую – в небольшую нишу, заставленную стеклянными банками, в которых, как ему показалось сначала, плавали маленькие окровавленные человеческие внутренности. Помидоры, решил он.

Затем он поднялся наверх, почитал пару часов, начав с Дантова «Ада», но вскоре переключившись на забавный детектив Дональда Вестлейка из серии произведений о Дормундере, а в восемь, перед тем как выключить свет, зашел в ванную и принял две таблетки флюразепама и три – доксемина. Уж этой ночью он будет спать.

Где-то часа в три ночи – он не сумел разобрать цифры на часах, потому что зрение и мозг были затуманены лекарствами, – Дейла разбудил вой собаки, доносившийся из кухни. Он осознал, что находится не на ранчо – должно быть, снова заснул в кожаном кресле в своем домашнем кабинете в Мизуле, – и удивился, почему Энн или кто-нибудь из девочек не выпустит Хассо, их пса, на улицу. Вой сделался громче, но вскоре затих. Дейл снова начал проваливаться в сон, но тут девчонки принялись топтать и что-то ронять наверху... Нет, шаги слишком тяжелые для его дочек. Должно быть, у них в гостях какие-то парни. «Так поздно? – смутно подумал Дейл. – И разве Маб не в колледже?»

Пока он пытался собраться с мыслями, недоумевая, почему его кожаное кресло сделалось вдруг таким жестким и бугристым, шум наверху прекратился, зато снаружи завыла еще одна собака. Дейл сознавал, что ему нужно встать и выпустить Хассо на улицу, а потом подняться наверх, в спальню, – Энн отругает его утром за то, что он снова заснул в кабинете, – но чувствовал себя измотанным до предела и совершенно без сил.

В конце концов под скрежет когтей Хассо о плитки пола в кухне он погрузился в тяжелый наркотический сон.

Глава 6

Я сказал, что не помню обстоятельств собственной гибели, и это правда, зато мне отлично – лучше, чем самому Дейлу, – известны подробности его попытки самоубийства.

Перед тем как год назад, в сентябре, Клэр приехала к Дейлу в последний раз, чтобы попрощаться, и улетела обратно в Принстон, он почти пять месяцев провел на ранчо в полном одиночестве. С Энн он объяснился весной, в апреле уехал из своего дома в Мизуле, летом время от времени виделся с девочками, но не на ранчо, потому что Маб наотрез отказалась приезжать туда, а Кэти во всем подражала сестре.

Дейл плохо спал всю весну и лето, а к тому времени, когда тополя и осины на склонах гор и в долине сбросили листья, бессонница окончательно взяла над ним власть. Ночи превратились в арену борьбы с ураганом мыслей, с огненным вихрем безумной и бессмысленной мозговой деятельности. Он мотался по темным комнатам ранчо, неизменно заканчивая кабинетом, ветер грохотал оконными рамами, а он сидел в едва подсвеченной голубым компьютерным экраном темноте и строчил письмо за письмом: по большей части Клэр, иногда Энн, довольно часто Маб или Кэти и время от времени друзьям, с которыми не виделся по многу лет. На рассвете он уничтожал все до единого письма и час-другой пытался забыться в мутной дремоте. Его преподавание в университете – давно уже на автопилоте – пошло псу под хвост. Заведующий кафедрой, не относившийся к числу друзей Дейла, вызвал его к себе, чтобы сделать предупреждение. Декан, старая приятельница, в итоге отреагировала на жалобы и в доверительной беседе сказала Дейлу, что знает о его разводе, о пристрастии к выпивке и что вместе с остальными коллегами готова ему помочь. Однако Дейл отказался от всех предложений.

Он вовсе не пристрастился к выпивке. Алкоголь интересовал его не больше, чем пища. С середины сентября до четвертого ноября он потерял около тридцати фунтов. Его кратковременная память отказывалась сохранять информацию, и в конце концов наступил момент, когда он полностью перестал погружаться в фазу глубокого

сна. Кто-то из коллег по кафедре английского языка сказал, что глаза Дейла похожи на две дырки, прожженные сигаретой в белой простыне. Дейл ни разу не слышал такого сравнения – оно как-то не попадалось ему, пояснил он коллеге, – но теперь вспоминал его каждый раз, когда смотрел на себя в зеркало.

Дейл ездил на своем мерине по долинам и садам вокруг ранчо, иногда пропадал там по нескольку дней, спал под тонкими одеялами и почти ничего не ел – только время от времени грыз галеты и варил на костре жидкий кофе. Он был совершенно уверен, что мерин считает его сумасшедшим. И не в меньшей степени был уверен, что мерин прав.

В третью неделю октября, написав и уничтожив пару десятков писем, сотню раз схватившись за телефонную трубку только для того, чтобы набрать номер в Принстоне и повесить трубку, не дождавшись гудка, Дейл затолкал в холщовый рюкзак смену белья, запасные джинсы, старую синюю фланелевую рубашку и бутылку воды, запрыгнул в половине одиннадцатого вечера в «тойоту» и поехал в сторону Принстона по шоссе 1–90 – через Вайоминг, Южную Дакоту, Миннесоту, Висконсин, Чикаго, север Индианы, север Огайо, захватил часть Пенсильвании и западную часть штата Нью-Йорк... Через шестьдесят три часа бездумной гонки он остановился на транзитной автостраде Нью-Йорка, очнулся, осознал, что затеял что-то ненужное, и медленно покатил обратно в Монтану. К северу от Миннеаполиса он свернул на шоссе 1–94 и двинулся в объезд, через по-зимнему холодную Северную Дакоту.

В последние дни октября он написал поэму на шестьдесят четыре листа – нечто среднее между эпической одиссеей своей поездки и исполненным любви и понимания письмом к Клэр. По моему твердому убеждению, поэма представляла собой шедевр, созданный безумцем: логичное истолкование совершенно не поддающегося логике сумасшествия и одновременно самое выдающееся произведение Дейла Стюарта на любовную тему.

К сожалению, он так и не перенес это патетическое произведение на бумагу, не положил в конверт, не наклеил марку, не бросил в почтовый ящик, а просто послал его по электронной почте. Столь тяжкое для него произведение не обрело реального веса. В три часа двадцать шесть минут утра первого ноября он отправил послание на

новый университетский адрес Клэр, который отыскал в справочнике «Бигфут». Дейл проспал в тот день шесть часов, это был самый долгий непрерывный сон за последний месяц. Одна строчка письма и шестьдесят четыре страницы вложения пришли обратно в тот же день, без комментариев, почти наверняка непрочитанные. Дейл не удивился и уничтожил все копии поэмы.

Следующие семьдесят два часа прошли мимо его сознания – бессонница достигла той точки, когда начинают умирать клетки мозга, – зато я помню каждый час, каждый миг его блужданий по ранчо: он бормотал посреди ночи, то и дело бегал в сарай, словно собираясь оседлать мерина (которого уже отправили на зимнюю конюшню в Мизулу), сотни раз принимался писать письма, порывался позвонить Клэр... Энн... кому-то еще...

Около четырех часов утра четвертого ноября Дейл поднялся с кровати, на которой пролежал без сна шесть часов, отпечатал коротенькую записку: «Не входите. Позвоните окружному шерифу» – там же указал телефон шерифа, приклеил записку к стеклу задней двери, достал из чулана карабин, вынул его из старого холщового чехла, сходил в кабинет, отпер ящик, отыскал в нем патроны четверста десятого калибра, зарядил оружие, немного помедлил, соображая, какая комната подойдет лучше всего, прошел в ванную, опустился на колени, приставил дуло ко лбу, со щелчком загнал на место патрон и без колебаний и лишних размышлений спустил курок.

Механизм сработал. В казенной части щелкнуло. Однако выстрела не последовало.

Дейл простоял на полу несколько минут, выжидая. Было такое впечатление, будто последнее мгновение его жизни неожиданно растянулось, – так воспринимает время человек, падающий в глубокую пропасть, когда каждая секунда превращается в вечность и длится, пока и само время не исчезает навеки. Однако ничего не произошло. Наконец Дейл опустил ствол, переломил карабин и заглянул внутрь: а вдруг некая трусливая часть подсознания заставила палец нажать не на тот курок.

Нет, он все сделал как положено: в центре медного кружка была отчетливо видна отметина, сделанная бойком.

Отец подарил Дейлу самозарядный карабин «саваж», когда мальчику исполнилось восемь лет. Дейл стрелял из него сотни раз,

чистил, смазывал, обращался с ним бережно, хранил правильно. И до сих пор карабин ни разу не дал осечки. Ни разу.

От долгого стояния на плитках у Дейла заныли колени. Он поднялся, вынул патрон, прислонил ружье к стене ванной, поставил неразорвавшийся патрон на книжную полку, снял с задней двери объявление и проспал три часа, а проснувшись, позвонил врачу. Психиатр из Мизулы, доктор Холл, назначил ему прием через два дня. Задуманные беседы с врачом пользы не принесли. Прозак начал помогать месяца через два.

Лично мне показалось самым любопытным не то, что Дейл пытался себя убить, – я могу с большей уверенностью, чем он сам, объяснить мотивы его поведения в течение всего этого сумасшедшего дерганого периода и точно знаю, что его довели до ручки измождение и депрессия, а вовсе не жалость к себе. Удивило меня другое: то, что он вообще решился на самоубийство. Дейл Стюарт всегда был против идеи добровольного ухода человека из жизни и презирал тех, кто пытался это сделать, а особенно тех, кому удавалось совершить столь неприемлемый, с его точки зрения, поступок. Это чувство распространялось и на старую приятельницу по университету, и на еще более старого и близкого друга из Мизулы, и на студента, о котором он постоянно вспоминал.

Еще до того как Дейл сам скатился в яму безумия, он сознавал, что самоубийцы не всегда ответственны за принятое решение. Его давняя приятельница, французская писательница по имени Бриджит, долгие годы боролась с депрессией, но в конце концов заперлась в ванной и приняла два пузырька мощного снотворного, и Дейлу всегда был отвратителен интеллектуальный эгоизм ее решения, нарциссизм самоуничтожения. У Бриджит осталось четверо детей школьного возраста. Его бывший студент Дэвид, надевая петлю на шею, знал, что его тело найдет в гараже беременная жена. По мнению Дейла, ничто не извиняло человека, оставляющего после себя подобный беспорядок. Дейл терпеть не мог любые проявления безответственности – почти так же сильно, как ненавидел чувство жалости к самому себе.

Как-то ему довелось в течение целого семестра вести семинар по творчеству Эрнеста Хемингуэя, и на занятиях разгорелся яростный спор по вопросу о том, имел ли писатель право кончать жизнь подобным образом.

– Эгоистичный паршивец спустил курок своего «босса» прямо у подножия лестницы, – почти кричал Дейл, – поэтому мисс Мэри не оставалось ничего, как шагнуть через лужу крови, мозги и осколки черепа, чтобы добраться до телефона.

– Так это его дражайшая Мэри оставила ключи от футляра с ружьем на видном месте, в кухне, – возразила, не желая сдаваться, самая острая на язык студентка. – Может, он решил таким образом отплатить ей за это.

Дейл уставился на Клэр через стол.

– А вам не кажется, что он заставил ее слишком дорого заплатить за согласие с тем простым фактом, что мужчина имеет право на доступ к собственным вещам?

– После того как он прошел курс шоковой терапии от депрессии? – спросила Клэр. – После того как по пути в клинику он пытался шагнуть во вращающийся пропеллер? После того как за неделю до этого события мисс Мэри пришлось звонить другу в Айдахо, чтобы тот помог отнять у Хемингуэя ружье? Нет, я думаю, он заставил ее платить не слишком дорого. К тому же она получила и держала зубами и когтями права на все его книги, включая и те слабые работы, которые опубликовали после его смерти и которые он сам ни за что не позволил бы напечатать. Думаю, Хемингуэй прекрасно знал, что делает, когда уселся на ступеньку лестницы, чтобы вышибить себе мозги, отлично понимал, что мисс Мэри придется перешагнуть через него, спускаясь вниз к телефону. Они оба получили то, что хотели.

Дейл только заморгал перед лицом такой непреклонности. Ему нечего было ответить.

– Дейл Стюарт!

Дейл едва не выронил очередной пакет с покупками, который заталкивал в багажник. Последнее, что он был готов услышать на стоянке перед городским рынком в Оук-Хилле, это собственное имя.

Две женщины быстро приближались к нему по мокрому асфальту. Та, что его окликнула, показалась смутно знакомой, но кто она, Дейл вспомнить не мог: неопределенного среднего возраста, коротко стриженные рыжие волосы, когда-то белая кожа, покрывшаяся темным загаром, очевидные следы пластических операций на остром личике, шее и бюсте – слишком большом и круглом и слишком твердом на вид даже под толстым свитером – вряд ли такая штучка живет в Оук-Хилле

или Элм-Хейвене. Вторая женщина была маленького роста, угрюмая, коренастая, спортивного телосложения, стриженная под мальчика, похожая на школьную учительницу физкультуры. Дейл, обычно наивный в подобного рода вопросах, как-то сразу догадался, что рыжеволосая матрона и маленькая брюнетка – пара. Дейл, который более двадцати лет провел в академической среде, требовавшей соблюдения политкорректности, потешил себя откровенной мыслью: «Старые лесбиянки».

– Ты меня не узнаешь, да? – спросила женщина с ярко-рыжими волосами.

– Простите... – замялся Дейл. – Я не вполне уверен...

– Мишель Стеффни, – подсказала она. – Но теперь меня зовут Мика Стоуффер.

Дейл словно лишился дара речи и только ошарашенно смотрел на бывшую мечту многих своих приятелей. В четвертом, пятом и шестом классах Мишель Стеффни была своего рода секс-символом Старой центральной школы. С пятьдесят седьмого по шестидесятый год каждый мальчишка в Элм-Хейвене в своих эротических фантазиях видел прежде всего Мишель Стеффни (если, конечно, не был поклонником Аннетт Фуничелло). И вот теперь перед ним стояла потрепанная жизнью костлявая женщина среднего возраста, с фальшивым бюстом и прокуренным, пропитым голосом.

– Мика Стоуффер? – глупо повторил Дейл.

– Я много лет прожила в Лос-Анджелесе, – сказала она, словно это все объясняло. – А какого черта делаешь здесь, в Иллинойсе, ты?

– Я... – начал было Дейл, но остановился. – Как, скажи на милость, ты меня узнала, Мишель... Мика?

Она улыбнулась, эта улыбка отдаленно напомнила ему ту привлекательную девочку с нежным голосом, которую он когда-то знал.

– У одного из продюсеров, с которым я жила, видела твою книгу. Какой-то недотепа-сценарист пытался сделать из нее фильм... что-то вроде второго «Иеремии Джонсона» [\[12\]](#). Они хотели заполучить Боба Редфорда на главную роль, но тот даже контракт читать не стал. А книга так и валялась – не то в ванной, не то где-то еще. Я как-то прочитала биографию под твоим фото и решила, что ты тот самый Дейл Стюарт, которого я знала в Элм-Хейвене тысячу лет тому назад.

– Моя книга? – повторил Дейл. – Не помнишь какая?

– А это имеет значение? – Улыбка маленькой девочки сменилась напряженной гримасой. – Я не читала этой книги, сама не читала, как они там все говорят, но сценарист сказал моему другу-продюсеру, что все твои книги совершенно одинаковы – куски дерьма про большого сильного мужика с гор и экранизировать один роман значит экранизировать и все остальные. О, кстати, познакомься: это Диана Вилланова.

Дейл с брюнеткой обменялись рукопожатием, после которого ему пришлось разминать пальцы.

– Так что же ты здесь делаешь, Дейл Стюарт? – спросила Мишель-Мика.

Ему вдруг захотелось пересказать ей печальную историю последних лет своей жизни, выложить подробности расставания с Клэр и холодного прощания с Энн. Но мгновение безумия миновало, и он лишь сказал:

– Пишу книгу... вроде бы.

– А я думала, ты преподаешь... или что-то в этом роде.

– Да, английский, – подтвердил Дейл, уже сомневаясь, правда ли это. – Я профессор в университете Монтаны в Мизуле. Но сейчас в творческом отпуске.

К собственному удивлению, он уловил в своих словах резкое стакато телеграфного стиля и терялся в догадках, откуда бы ему взяться.

– И ты остановился в Оук-Хилле? – В ее голосе слышалось недоверие.

– Точнее, недалеко от Элм-Хейвена. Арендовал на несколько месяцев ферму Дуэйна Макбрайда.

Мишель Стеффни при этих словах захлопала глазами.

– Дуэйна Макбрайда? Того мальчика, который погиб в какой-то ужасной катастрофе, когда нам было лет по десять?

– Одиннадцать или даже двенадцать, – поправил Дейл. – Летом шестидесятого года. Да, его.

Мишель поглядела на свою подружку, а затем снова на Дейла.

– Как это странно. Впрочем, по-моему, не более странно, чем наша ситуация.

Дейл ждал продолжения.

– Мы с Дианой уже несколько месяцев живем в доме моих родителей в Элм-Хейвене.

– На Брод-авеню, – вспомнил Дейл. – Большой дом с большим амбаром за ним.

– Точно. Он самый. Только когда я была ребенком, это был действительно потрясающий дом... Черт побери, даже амбар был потрясающий. А теперь все превратилось в жалкие развалины. Мы с Ди пытаемся хоть немного подлатать дом, чтобы продать его. Надеемся, что отыщется парочка богатых снобов из Пеории, которые пожелают купить просторный викторианский особняк и не станут слишком придирчиво проверять проводку, отопление и прочее.

– А твои родители? – поинтересовался Дейл, хотя ему всегда казалось странным, когда кто-нибудь из ровесников заговаривал о своих родителях. Его мама с папой умерли молодыми в шестидесятом году.

– Отец умер в... господи, да, в семьдесят пятом, – ответила Мишель. – А мать так и осталась здесь, превратилась в дряхлую развалину, дожила до старческого слабоумия, а потом провела несколько десятилетий в пансионе для страдающих болезнью Альцгеймера, здесь же, в Оук-Хилле. Умерла пару месяцев назад.

– Мне жаль, – сказал Дейл.

– Брось. Для всех было бы большим облегчением, если бы она умерла еще много лет назад. Как бы то ни было, дом долго стоял пустой и нуждается в ремонте, так что у нас с Ди был повод на некоторое время забросить Лос-Анджелес и Производство.

Дейл услышал заглавную букву в слове «Производство».

«Так произносят его все в Лос-Анджелесе», – подумал он.

– Ты имеешь отношение к кино? – спросил он из вежливости. – Продюсируешь что-нибудь?

– Нет, – сказала Мишель, улыбка Мики появилась на миг и исчезла. – Я в основном трахаюсь с продюсерами. За пару из них даже выходила замуж. Я была актрисой.

– Ну конечно, – сказал Дейл, делая осознанное усилие, чтобы не уставиться на выпирающие, явно ненатуральные груди под свитером. – Я мог тебя где-нибудь видеть?

«Ну зачем я это спросил?» – тут же отругал он себя. Дейл ненавидел подобные вопросы. Когда люди спрашивали его: «Я мог

читать что-нибудь из ваших произведений?», его всегда подмывало ответить: «Понятия не имею. Вы вообще читаете что-нибудь стоящее или только писанину Джона Гришэма?»

– Ты видел «Титаник»? – спросила Мишель.

– Ого! – удивился Дейл. – Ты там снималась?

– Не-а. Зато я снималась в «Оно живое – 4», а этот фильм вышел на видео в тот же месяц, что и «Титаник». И еще я была одной из инопланетных танцовщиц в «Пятом элементе» с Брюсом Уиллисом. Той, которая с голыми синими сиськами. Тогда меня приглашали последний раз... Больше четырех лет прошло.

Дейл сочувственно кивнул. «Голые синие сиськи», мысленно усмехнулся он, усилием воли удерживая взгляд на уровне ее лица.

Диана тронула руку спутницы, словно напоминая, что на стоянке холодно и сыро.

– Да-да, – сказала Мишель. – Ну, пока. Черт побери, мы должны как-нибудь собраться и поболтать о старых добрых временах. Мы с Ди, наверное, пробудем здесь до самого Рождества... А может, и дольше, потому что дел еще куча. У тебя есть визитная карточка?

Она достала ручку, нацарапала номер телефона на магазинном чеке и протянула ему.

Дейл выудил свою визитку, взял у Мишель ручку и написал свои телефоны: ранчо, университетский, домашний и мобильного.

– Единственная проблема, – сказал он, – сотовая связь в окрестностях Элм-Хейвена, кажется, не работает.

Мишель удивленно подняла бровь.

– А я только сотовым и пользуюсь. В городе он отлично берет.

Дейл пожал плечами.

– Ну, наверное, вокруг фермы Дуэйна мертвая зона. Мишель, кажется, хотела что-то добавить, но передумала и, похлопав Дейла по руке, заговорила о другом:

– Я серьезно насчет встретиться и поболтать. Заходи, мы приготовим вкусный обед и выпьем по этому случаю чертову прорву текилы.

Обе женщины вернулись к своей «тойоте»-пикапу и уехали.

– Мишель Стеффни, – произнес Дейл, так и оставшийся стоять под дождем. – Господи Иисусе!

Глава 7

Дейл проехал всего несколько миль на юг от Оук-Хилла в сторону Элм-Хейвена, когда его подрезали два пикапа.

Увидев в зеркале заднего вида быстро нагоняющий его белый пикап, он сначала подумал, что это Мишель со своей подругой, но вскоре заметил, что за ним несется не новенькая «тойота», а выдавший виды «шевроле», а вслед за ним ревет еще и старый, потрепанный зеленый «форд».

Дейл сбросил скорость, намереваясь пропустить этих идиотов вперед, но первый пикап, поравнявшись с его «тойотой», так и поехал бок о бок с нею. Дейл покосился через плечо и сумел разглядеть черные кожаные куртки и бритые головы. «Вот дерьмо!» – мысленно выругался он.

Белый «шевроле» обогнал его и поехал медленнее. Зеленый «форд» держался вплоты к заднему бамперу «лендкрузера». Вдруг белый пикап впереди резко затормозил.

Дейл ударил по тормозам, его швырнуло вперед, ремень безопасности впился в плечо, и все равно пришлось свернуть вправо, чтобы не врезаться в «шевроле». К счастью, сбоку от дороги как раз оказалась гравиевая площадка – что-то вроде места для отдыха и пикников. Поскрипев колесами по гравию, «лендкрузер» остановился, а преследователи перекрыли ему выезд на дорогу.

Из белой машины вышли трое парней. Еще двое выпрыгнули из кабины зеленого «форда». Все пятеро были либо очень коротко стрижены, либо обриты наголо. Все пятеро в черных кожаных куртках и армейских ботинках. У самого длинного на тыльной стороне ладони виднелась татуировка со свастикой. Он был еще и старше остальных – наверное, лет двадцати пяти, в то время как самому младшему на вид было не больше шестнадцати. По меньшей мере трое из пятерых превосходили Дейла ростом и весом.

На размышления оставалось максимум секунд десять. Что делать? Отец не стал бы задумываться: под водительским сиденьем их фургончика всегда лежала здоровенная монтировка. Дейл прекрасно знал об этом, но почему-то никогда не спрашивал отца, зачем тот возит

с собой тяжелую железяку. Теперь он знал зачем. Однако, даже путешествуя по дебрям Монтаны, Дейл Стюарт не предполагал, что ему может пригодиться оружие.

А сейчас он отдал бы многое, чтобы иметь под рукой хоть какое-то средство защиты.

Сердце екнуло. Первой мыслью было остаться в «ленд-круизере» и поскорее запереть все двери. На своей полноприводной машине он мог бы даже перескочить через придорожную канаву, пересечь заросшую травой площадку для пикников, а если потребуется, то и промчаться по кукурузному полю, чтобы потом выехать на окружную дорогу. Но гордость восстала против обоих планов.

Дейл вышел и сделал шаг вперед. Пятеро бритоголовых выстроились перед ним полукругом. «Что ж, – подумал он, – все еще существует призрачная надежда, что все они поклонники моего горца Джима Бриджера».

– Это ты иудейский прихвостень, сионистская сволочь? – рывкнул высокий скинхед.

«Значит, все-таки не поклонники». Дейл с изумлением осознал тот факт, что его пульс вновь приобрел почти нормальный ритм и страх куда-то пропал. Возможно, ситуация была для него слишком нелепа, чтобы он смог осознать ее серьезность. Все происходящее походило на плохой современный ремейк «Джентльменского соглашения» [\[13\]](#), сделанный в духе «Освобождения» [\[14\]](#).

Дейл вынул из кармана куртки сотовый телефон и поднял его, держа большой палец на кнопке. Ни один номер, внесенный в список «быстрых клавиш», ничем не помог бы ему, даже если бы телефон вдруг начал работать в этой глуши, но скинхеды ведь могли этого не знать. Стоя вот так, с телефоном на изготовку, Дейл ощущал себя почти капитаном Кирком, готовящимся отразить удар Скотти. «Ах, если бы...» – внутренне посетовал он.

– Есть среди вас кто-нибудь по имени Дерек? – Дейл задал вопрос уверенным и суровым тоном, отчего у всех пятерых парней на лицах появилось выражение «сейчас-этот-большой-мальчик-нам-так-накостыляет-что-мы-через-минуту-окажемся-по-уши-в-дерьме».

Бритоголовые заморгали. Один из младших, сопящий толстяк, явно самое слабое звено этой цепочки, вдруг зарделся под слоем

прыщей и попятился назад. Дейл минуту сверлил Дерека тяжелым взглядом, затем посмотрел на главаря.

– Ты не ответил на наш вопрос, ты, задница, – произнес тот, фашист с впалыми щеками и пустым взглядом. – Этот ты тот иудейский прихвостень, лижущий неграм жопу, который писал всякую фигню для газеты?

– Статьи, – сказал Дейл. – В журналах и газетах публикуют статьи. Вот тебе новое слово в словарный запас. Можешь не благодарить.

Четверо из пятерых тупо глазели на него. Они явно не воображали в своих вонючих скудоумных мечтах, что разговор может пойти в подобном тоне, и неожиданный поворот охладил их пыл. Главарь, злобно зыркая, сунул руку в карман куртки.

«Нож или пистолет?» – мысленно гадал Дейл, взмахивая своим оружием – бесполезным сотовым телефоном. И вдруг услышал собственный голос:

– Дерек я, понятное дело, знаю. – Он поглядел прямо на прыщавого юнца. – Но мне будут нужны все ваши имена, когда я нажму на эту кнопку и вызову полицию. Хотя, подозреваю, они сами прекрасно знают, с кем обычно болтается Дерек.

Четверо бритоголовых поглядели на своего вожака. Тот вынул руку из кармана.

«Ага, – констатировала какая-то непостижимым образом отстраненная часть Дейлова сознания. – Все-таки нож». Он всегда терпеть не мог режущее оружие.

Остальные четверо тоже выхватили ножи, которые прятали под куртками в ножнах. Но это были не складные ножи с выкидными лезвиями, а нелепые длинные кухонные тесаки.

Дейл в тот же миг нажал кнопку, на которой у него был записан телефон Клэр, а услышав звук набираемого номера и первые гудки, незаметно коснулся клавиши «отбой» и поднял телефон повыше.

– Проваливай отсюда ко всем чертям и больше сюда не суйся, – сказал главарь скинхедов и кивнул своим приятелям.

Младшие проткнули два обращенных к ним колеса «тойоты». Дейл даже не пытался их остановить.

Главарь показал Дейлу средний палец – в таких обстоятельствах дурацкий ребяческий жест, решил про себя Дейл, – а затем вся пятерка

запахнулась обратно в свои пикапы и с ревом умчалась прочь, обдав Дейла и его «лендкрузер» градом придорожных камней.

Дейл подождал минуту, удостоверившись, что они действительно уехали, а затем осмотрел повреждения.

В багажнике имелся в аварийном наборе герметик, но шины были проткнуты как следует, на совесть. Оставалось только одно.

Дейл набрал 911. Как ни странно, кто-то ответил.

– Служба спасения округа Кревкер. Что у вас случилось?

Вдруг оробев, Дейл объяснил ситуацию и попросил дать телефон эвакуатора в Оук-Хилле. Девушка из службы спасения не стала отчитывать его за то, что он занимает линию из-за какой-то ерунды. Продиктовав номер телефона гаража с эвакуатором, она сказала, что сама вызовет помощь, и велела Дейлу непременно перезвонить, если воинственные юнцы (так она назвала их) вернуться, а потом приказала ему оставаться на месте, пообещав, что минут через пятнадцать кто-нибудь приедет.

– Мне не нужно... – начал было Дейл, но барышня из службы «911» уже повесила трубку.

Дейл решил не звонить шерифу, но тот приехал сам, опередив эвакуатор. Едва взглянув на толстяка, вылезавшего из зеленой машины полиции округа, Дейл почувствовал, как его сердце учащенно забилось от страха.

Ка-Джей Конгден выглядел совершенно не так, как в шестидесятом: худой, долговязый хулиган здорово разжирел, но глаза, желтые зубы и тупое выражение лица почему-то остались прежними. «Невероятно, чтобы это был он», – решил Дейл, но толстяк подошел ближе, и нашивка с именем над его звездой: «Ка-Джей» – развеяла все сомнения. Дейл попытался вспомнить, когда он в последний раз видел Ка-Джея Конгдена, и в памяти всплыла малоприятная картина: Конгден, шестнадцатилетний паршивец с недобрыми глазами, держит Дейла над водой, перекинув через парапет моста над рекой Спун, а одиннадцатилетний друг Дейла Джим Харлен целится в Ка-Джея из револьвера тридцать восьмого калибра и обещает спустить курок, если этот негодяй бросит Дейла в реку.

«Что за чертовщина?» – удивился Дейл. За прошедшие сорок лет он напрочь забыл об этом эпизоде. Неужели все так и было?

Шериф Конгден осмотрел спущенные шины «ленд-крузера».

– Что, черт возьми, здесь произошло?

Он говорил тем же развязным тоном, только голос огрубел от выкуренных за десятилетия власти сигарет, но все же остался вполне узнаваемым.

Дейлу пришлось откашляться, прежде чем заговорить. Он рассказал Конгдену о скинхедах, молясь про себя, чтобы Конгден его не узнал. «Интересно, такие негодяи помнят своих жертв?»

– Да, я знаю этих ребят. – Пряча глаза за темными очками, шериф явно изучал Дейла и наконец спросил: – А с вами мы встречались?

Дейл молча покачал головой, опасаясь что Ка-Джей Конгден вдруг вспомнит его голос.

Шериф обошел «лендкрузер» сзади, посмотрел на номера.

– Монтана. Так вы у нас проездом, мистер?..

– Миллер. – Дейл мгновенно сообразил, что, если Конгден захочет взглянуть на его права, неприятности будут наверняка более серьезными, чем стычка с бритоголовыми. – Том Миллер, – уточнил он. – Да, я здесь проездом, направляюсь в Цинциннати.

Конгден уставился на него, сунув большие пальцы под портупею. Кожа скрипнула. Грязная серая рубашка шерифа туго натянулась на животе.

«Если он попросит мои права и удостоверение личности, скажу, что забыл их», – решил в панике Дейл и тут же понял, что это не поможет. Пока будут устанавливать его личность, придется сидеть в окружной тюрьме. Он помотал головой. «А какого черта я впал в панику? Я не сделал ничего противозаконного. Наоборот, я жертва». Это было здоровое рассуждение, но Дейл помнил эти злобные свинячьи глазки, глядящие на него, тогда еще мальчишку, сквозь прицел дробовика. Отношения между злодеем и жертвой не имеют срока давности.

Жирный шериф раскрыл рот, собираясь заговорить, но тут в его машине заквакала и зашипела рация. Конгден склонился к открытой дверце, минуту послушал, затем ответил что-то в микрофон, выпрямился и, засунув пальцы под портупею, вновь повернулся к Дейлу.

– Не хотите вернуться в Оук-Хилл вместе со мной? Если вы намерены заявить о случившемся, нужно заполнить кое-какие бумаги.

«Я скорее соглашусь на колоноскопию в компании «Рото-Рутер»^[15], – подумал Дейл, но вслух произнес:

– Лучше я вернусь вместе с эвакуатором. – Он пожал плечами, словно все случившееся его нисколько не взволновало. – Мне нужно забрать из машины кое-какие вещи.

Конгден снова пристально поглядел на него, словно силясь припомнить, где же они встречались.

– Как хотите. Только обязательно зайдите в офис шерифа.

Дейл кивнул.

Бывший хулиган забрался в полицейскую машину и уехал.

Буквально через минуту подкатил эвакуатор. Два механика, Билли и Тук, быстро затащили «лендкрузер» на платформу.

– Мы могли бы поменять вам шины, – сказал Билли, старший из двух братьев. – Но только не сразу. Сомневаюсь, что где-нибудь в Оук-Хилле сумеем найти такие. Наверное, придется везти из Пеории или Гейлсберга. Получится не раньше завтрашнего дня.

Дейл кивнул.

– А где-нибудь в Оук-Хилле можно взять машину напрокат?

Братья замотали головами.

– Погодите-ка, – спохватился Тук. – Мистер Джар-ген с Хэппи-лейнс иногда одалживает машину своей покойной жены.

– Отлично, – сказал Дейл.

Дейл выбрался из Оук-Хилла только в семь вечера. Шины обещали привезти на следующий день, значит, к вечеру он сможет забрать свою машину. Он пообедал в ресторанчике на городской площади – уже не в «Вулвортс»: эта сеть исчезла много лет назад. Мистер Джарген выгнал из кривого переулка «бьюик» своей покойной супруги. Эта колымага, старше всех знакомых Дейла, провонявшая табаком, обошлась Дейлу не дешевле роскошного авто из «Херца» – пришлось заплатить триста долларов залога, – но он был счастлив выложить и больше, лишь бы убраться из Оук-Хилла, пока Ка-Джей Конгден не отправился его искать.

Когда он ехал обратно к ферме Дуэйна, снова пошел снег. Наконец он свернул на длинную подъездную дорогу. По обе стороны высились черные мертвые деревья, снежинки плясали в свете фар. Дейла клонило в сон, но в сотне метров от фермы он мигом встряхнулся и ударил по тормозам.

Отправляясь сегодня днем за покупками, он нигде не оставлял включенных ламп. И сейчас первый этаж тонул во тьме, но на втором...

На втором этаже горел свет.

Глава 8

«Что же, черт возьми, происходит?» – размышлял Дейл, сидя в вонючем «бьюике», глядя на мерцающий в верхнем левом окне свет и слушая, как ударяют в ветровое стекло комки мокрого снега.

Он задним ходом вывел раздолбанный автомобиль по длинной подъездной дороге на Шестое окружное шоссе и поехал обратно на юг. Дейл за свою жизнь пересмотрел немало фильмов ужасов и знал, что по роли ему полагается сейчас одному войти в темный дом, крикнуть: «Эй, есть тут кто-нибудь?», опасливо подняться по лестнице, а затем погибнуть от рук маньяка с топором. Либо так, либо это Сэнди Уиттакер вошла, открыв дверь своим ключом, разрезала слои пластика наверху и теперь в обнаженном виде дожидается на кровати.

«И пусть катится к дьяволу».

Дейл перевалил через второй холм и остановился перед знаком «Стоп» при выезде на Джубили-Колледж-роуд. Он понятия не имел, куда ехать.

«В Монтану», – пришел в голову ответ.

Нет, это не выход. Во-первых, у него не было никакого желания бросить свой «лендкрузер» стоимостью в пятьдесят тысяч долларов и получить взамен этот провонявший застарелым табаком древний «бьюик», а во-вторых, ему некуда было податься в Монтане: ранчо сдано в аренду, дом в Мизуле с некоторых пор превратился во вражескую территорию, в университете не было работы.

«Оук-Хилл?»

Это не лишено смысла, ведь его машина там, и она будет готова завтра днем. Но Дейл не мог вспомнить, есть ли в Оук-Хилле мотель, а если и есть, то, конечно, самого низшего сорта.

Он пересек Джубили-Колледж-роуд, проехал по узкой дороге через замерзшие поля к шоссе 150А и по нему до поворота на восток, на пустынное шоссе 1–74. Через двадцать пять минут он был в Пеории. Миновав Военный мемориал, Дейл свернул к заведению под вывеской «Уютные номера», расплатился чеками «Американ экспресс», попросил у парня за стойкой зубную щетку и отправился наверх. В комнате пахло средством для чистки ковров и еще какими-то

химикатами. Кровать «кинг-сайз» была почти неприлично грандиозна. На телевизоре лежал буклет с предложением новых фильмов, в том числе и мягкого порно.

Дейл вздохнул, вернулся к «бьюику» и достал из него пакет с соками и кое-какой снедью, потом порылся в другом пакете, выудил купленный сегодня тюбик зубной пасты и бросил его к продуктам. На переднем пассажирском и заднем сиденьях и на полу остались пакеты с покупками еще на двести тридцать долларов. Он отнес продукты наверх, сбросил ботинки и свитер, настроил телевизор на канал Си-эн-эн и устроился поудобнее с упаковкой инжира в одной руке и апельсиновым соком в другой. Через некоторое время он выключил телевизор, пошел в ванную и почистил зубы.

А потом лег спать.

Дейл проснулся от некоего всепоглощающего, пробирающего с головы до пят, вызывающего сердцебиение отчаяния, которое неизменно охватывало его в четвертом часу утра. Он бросил взгляд на будильник: три двадцать шесть.

Он сел на кровати, включил свет и провел ладонями по лицу. Руки тряслись.

Из беспокойного сна его вырвал не кошмар, а невесть откуда появившееся ощущение, будто приближается конец света. Нет, не совсем так. Это была твердая уверенность, что конец света уже наступил.

Завершение века и тысячелетия Дейл воспринимал тяжело. Конечно, к этому времени вся его жизнь обратилась в дерьмо, он пытался убить себя, но хуже всего была глубокая и непреодолимая убежденность, что все важное для него остается позади, в прошлом столетии. И вот сейчас эта убежденность сделалась всепроникающей, совершенно опустошающей душу.

«Господи, – спохватился Дейл, – ведь прозак, флюразепам и доксепин остались на ферме Дуэйна». Он невольно улыбнулся. Неведомо кто зажег на втором этаже фермы свет, а профессор Дейл Стюарт с ума сходит оттого, что лишился своих таблеток. «Скверно, – пришла в голову очередная мысль, – “саваж” остался там же».

Дейл покосился на телефон. Можно было бы позвонить доктору Холлу. В Монтане сейчас около половины третьего ночи. Психиатры наверняка привыкли к неурочным звонкам.

«Ну, и что я ему скажу? Что Черный Пес вернулся?» Это определение глубокой депрессии Дейл позаимствовал у Уинстона Черчилля, которого многие десятилетия терзал его личный Черный Пес. Черчилля спасали занятия живописью.

«А почему Черный Пес вернулся?» Дейл зашел в ванную, налил воды из-под крана в один из небольших пластиковых стаканчиков, гигиенически упакованных ради его блага, вернулся, сел в маленькое кресло и задумался: «Я не хочу бежать отсюда. А почему? Ферма Дуэйна, Элм-Хейвен, Оук-Хилл, Ка-Джей Конгден и даже Мишель Стеффни запросто могли нагнать депрессию. Разве так уж плохо уехать прямо сейчас?»

Нет. Мизула и ранчо теперь за пределами его досягаемости. Он это знал. Как и то, что если вернется, то, вполне вероятно, доведет до конца начатое год назад четвертого ноября.

«Но почему именно этот старый дом? Почему Элм-Хейвен?»

Потому что он издавна связан с ними. Потому что здесь все изменилось к худшему, как и он сам. Ему необходимо перекинуть мостик в собственное детство, к Дуэйну, отыскать что-то хорошее внутри себя, найти причину, по которой он стал писателем и преподавателем.

«И еще книга. Это единственное место, где я могу ее писать».

Впервые за последнее время он отчетливо осознал, что собирается потратить свой творческий отпуск на роман о Дуэйне, об Элм-Хейвене, о 1960-м, о лете, оставившем столько печальных воспоминаний, и в конечном итоге – о самом себе.

«Ох уж это тщеславие!»

Но он-то понимал: потребуется огромное смирение, чтобы написать этот роман, душевная скромность, а не академическая, историческая, коммерческая и авторская расчетливость, которую он вкладывал в свои истории о горце Джиме Бриджере. Он будет писать для себя. И чтобы исполнить задуманное, ему необходимы записные книжки Дуэйна и дом, где жил Дуэйн.

Зажужжал обогреватель. Какой-то большой грузовик, рыча на нижней передаче, тащился по проезду мимо Военного мемориала. Дейл выключил свет и снова заснул – без прозака, флюоразепама и доксепина.

– Стюарт! Дейл... Стюарт!

Дейл замер у входа в гараж, где механики заканчивали надевать новые шины на колеса его «лендкрузера». Он мгновенно узнал голос, но, словно не веря собственным ушам, обернулся через плечо.

К нему по заляпанной машинным маслом бетонной дороге, задыхаясь от быстрой ходьбы, шагал Ка-Джей Конгден. Шериф держал руку на кобуре револьвера.

Дейл застыл на месте.

– Миллер, да? – произнес Конгден. – Том Миллер? Ага, как же! Я так и знал, что где-то уже видел твою гнусную рожу.

– Вы что-то хотели, шериф? – В отличие от предыдущего дня, пульс у Дейла несколько не участился. Он был совершенно спокоен.

– Ты зачем мне наврал, Стюарт? – засопел шериф. – Я имею полное право посадить тебя под арест!

– За то, что я не назвал своего настоящего имени? – спросил Дейл с улыбкой.

– За предоставление ложных сведений офицеру полиции, – прохрипел Конгден, постукивая жирными пальцами по рукоятке револьвера. Кожа кобуры скрипела.

Дейл пожал плечами и ждал, что будет дальше.

– Я тебя помню, Стюарт. – Конгден сверлил его злобным взглядом. – Тебя и шайку твоих паршивых дружков.

– Поосторожнее, шериф, – сказал Дейл. – Придержите язык. Вы сейчас представитель власти, а не городской хулиган. Будете хамить, я подам на вас жалобу.

– Да клал я на твои жалобы! – зарычал Конгден, но все-таки покосился в сторону гаража, чтобы посмотреть, не слушает ли его кто-нибудь. Звяканье гаечного ключа, затягивающего гайки на колесах «лендкрузера», полностью заглушало его слова. – И на тебя тоже, Стюарт!

– И вам всего хорошего, шериф, – откликнулся Дейл, наблюдая, как опускают на домкратах машину.

Конгден подошел к открытой двери гаража и остановился.

– Я знаю, где ты живешь.

Дейл и без того был в этом уверен. Округ маленький. Конгден пошел прочь.

– Эй, шериф, – окликнул его Дейл, – есть ли какая-нибудь надежда отыскать тех паршивцев, которые стоили мне больше трех

сотен долларов?

Ка-Джей не обернулся.

Прекрасное утро посрамило ожидания Дейла. Снег еще ночью сделался мокрым, потом перешел в дождь, но утро настало солнечное, теплое, напоенное чудесными ароматами. Дейл вышел позавтракать в блинную за парковкой «Уютных комнат». Еда была вкусной, кофе хорошим, официантка дружелюбной. Дейл прочитал утреннюю «Пеория джорнал стар» и почувствовал себя лучше, чем когда-либо за последние недели.

Проезд Военного мемориала переходил за пределами Пеории в шоссе 150, Дейл гнал «бьюик» обратно в Элм-Хейвен, опустив стекло, чтобы выветрить из машины табачный запах. Удивительно, но на многих деревьях еще держались разноцветные осенние листья. День выдался чудесный.

На западной окраине Пеории, в десяти милях от того места, где во времена детства Дейла заканчивался город, теперь раскинулась площадь с магазинами скобяных изделий и спорттоваров. Дейл зашел в оба и вернулся с тридцатидюймовым лапчатым ломом и бейсбольной битой фирмы «Луисвилль слаггер». Он закинул оба приобретения в багажник «бьюика» и направился к дому Дуэйна.

От полей по обеим сторонам подъездной дороги исходил запах сырости, но, как ни странно, довольно-таки приятный. Дейл остановил машину перед домом, но при таком ослепительном солнце никак не мог понять, горит ли наверху свет. Он подъехал к задней двери, припарковал «бьюик», забрал из багажника бейсбольную битку и подошел к двери.

Дверь была заперта, как он ее и оставил. Дейл вошел и остановился посреди кухни.

– Э-эй!

Услышав слабое эхо собственного голоса, Дейл невольно улыбнулся. Да будь он проклят, если крикнет: «Есть здесь кто-нибудь?» за миг до того, как ненормальный убийца в хоккейной маске выскочит, чтобы перерезать ему глотку.

Дейл обошел первый этаж. Все вроде бы выглядело так, как он оставил. Он спустился в подвал. Никаких убийц в хоккейных масках. Убедившись, что части карабина лежат на прежних местах, он решил

не присоединять «саваж» к прочему арсеналу. Да и какой смысл, если он выбросил единственный патрон.

Дейл поднялся наверх.

Пожелтевший пластик по-прежнему закрывал дверной проем. Дейл осмотрел гвозди и железные скобы по периметру деревянной рамы: их точно никто не вынимал и не забивал заново. Сама рама была приколочена к косякам много десятков лет назад. Дейл ударил в пластик плечом, но тот лишь слегка прогнулся и негромко скрипнул. Если кто-то и был вчера наверху, то проник он туда другим путем.

«Или *он* не человек?»

Дейл намеренно оформил эту мысль в слова, чтобы подбодрить себя, но на темной лестнице подобная идея отчего-то не показалась ему забавной. Он придвинулся ближе, стараясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь пластик. Неясные очертания коридора и стола. Солнечный свет пронизывает плотные шторы. Никакого движения.

Дейл достал нож с несколькими лезвиями и приставил самое длинное к пластмассе. Секунду подумал, затем убрал лезвие, положил нож обратно в карман и слегка постучал по пластиковой преграде бейсбольной битой. «Нет, не стоит будить спящую собаку».

Словно в ответ на эту мысль снизу послышался скрежет когтей по линолеуму.

Дейл развернулся с битой наготове и успел заметить, как совсем маленькая черная собачка перебежала из гостиной в кухню.

– Господи Иисусе! – воскликнул Дейл, сердце бешено стучало.

Он едва ли не кубарем скатился вниз по лестнице, вбежал в кухню и увидел, как захлопнулась уличная дверь. Внутреннюю дверь он оставил распахнутой, и собака, толкнув лапами наружную, выскочила из дома.

Дейл бросился следом и затормозил на крыльце, подняв биту. Он был почти готов к тому, что никакой черной маленькой собачки здесь не окажется, что это было лишь наваждение... Однако та, виляя на бегу черным задом, мчалась во весь опор к хозяйственным постройкам за домом.

Дейл едва не засмеялся. Он ожидал встречи с безжалостным убийцей в хоккейной маске, а нашел лишь безобидную собачонку. Неизвестно, откуда она взялась, но в том, что это, безусловно, была именно собака, черная, если не считать белого или розового пятнышка

на морде, гладкошерстная и очень маленькая, не больше терьера, сомневаться не приходилось. Дейл успел заметить, что уши у нее короткие.

– Эй, песик! – позвал Дейл и засвистел. Маленькая черная собака стремительно неслась прочь, а потом нырнула в дыру в ближайшем сарае – в том, который, по воспоминаниям Дейла, Дуэйн называл курятником.

«Если собака была в доме, почему я не заметил ее, пока все осматривал?» Дейл покачал головой, но пошел в сторону курятника.

Сарай почти развалился. Чтобы открыть дверь, Дейлу пришлось размотать ярд ржавой проволоки. Часть стены у фундамента подгнила, и образовалась эта дыра, в которую и пролезла собака.

«Но очень маленькая собака», – еще раз отметил про себя Дейл.

Он заглянул внутрь.

– Господи Иисусе! – снова воскликнул он, на этот раз тихо, достал из кармана золотую зажигалку «Даниил», щелкнул ею и поднял повыше. Однако при таком свете ему мало что удалось рассмотреть.

Дейл вернулся в дом за фонариком.

Пол курятника был покрыт толстым слоем окаменелого куриного помета с торчащими из него кое-где белыми перьями. Солома давно сгнила. Повсюду виднелись пятна засохшей крови, за долгие годы приобретшей темно-коричневый оттенок. Собаки нигде не было.

– Что, черт возьми, здесь произошло? – сказал Дейл вслух, хотя уже знал ответ: «Лиса. Лиса забралась в курятник. Или собака. – Он снова невольно улыбнулся. – Но только не эта. Куры запросто заклевали бы такую собачонку».

Дейл заглянул во все уголки, но никого не нашел. Зато нашел в противоположной стене еще одну дыру. Псина, наверное, просто пробежала через курятник.

Дейл вышел на солнечный свет и свежий осенний воздух, осмотрел грязь за сараем. Действительно, отпечатки маленьких лап вели дальше, к другим сараям.

«Что ж, это точно не привидение. Призраки не оставляют следов».

Он снова принялся звать и свистеть, но собака не прибежала. Вместо того чтобы занести в дом покупки, Дейл решил осмотреть остальные сараи.

Собачьи следы обрывались там, где начиналась трава, но в следующем сарае дверь оказалась открытой. Дейл осветил фонариком висящую на стенах упряжь, косы, пилы, какие-то мясницкие инструменты. Все давно заржавело.

На следующем сарае висел амбарный замок, но петли вылетели, как только Дейл немного приподнял дверь. Внутри оказался электрический генератор приблизительно сороковых годов выпуска, сплетение черных кабелей, полдюжины канистр для бензина – пустых, за исключением одной, на дне которой оставалось еще немного. Дейл осмотрел генератор, но даже беглого взгляда в свете фонарика хватило, чтобы заметить изгрызенные мышами провода, проржавевшие и сгнившие контакты, отсутствие деталей и пустой топливный бак. За сараем с генератором стояла на закопанной в землю железной опоре огромная овальная цистерна – в ней явно когда-то хранился топливный запас для сельскохозяйственной техники. В отличие от всего остального эта бензиновая цистерна была в рабочем состоянии: ребристые шланги и краники заменены или починены. Впрочем, ничего удивительного, ведь у живущего по соседству мистера Джонсона, который до сих пор возделывает окрестные поля, есть трактор и комбайн. Дейл постучал по двухсотгаллонной цистерне. Судя по звуку, полная. Надо иметь в виду – на случай если в «лендкрузере» вдруг закончится бензин.

Еще три крохотные сараюшки выглядели совершенными развалинами. Черная собака могла оказаться в какой-нибудь из них, но Дейл не собирался туда соваться.

Оставался еще амбар.

Дейл все равно собирался туда как-нибудь заглянуть. Почему бы не сейчас? Зажав в одной руке фонарик, а в другой бейсбольную битку, он приблизился к огромной постройке.

Дейл смутно помнил, что в детстве разок был в амбаре Макбрайдов. Из всех радостей Иллинойса эти гигантские амбары, должно быть, самые интересные места для мальчишек. На некоторых фермах амбары были такие, что там можно было играть в бейсбол: высотой футов тридцать, наполненные сладостным запахом сена.

С восточной стороны в амбар вела большая дверь, но она была заперта на висячий замок и забрана цепью. Огромные ворота с южной стороны не поддавались – не то были заперты изнутри, не то

заржавели в пазах. Дейл сомневался. Он не знал, имеет ли по арендному договору право входить в амбар и прочие постройки на территории фермы. Возможно, хозяйственные строения арендует для своих нужд мистер Джонсон.

Дейл вернулся к «бьюику» и, не удостоив взглядом по-прежнему лежащие в нем покупки, взял вместо бейсбольной биты лом. Расстояние от машины до громадного, нависающего надо всей территорией двора амбара было около шестидесяти ярдов. Дейл остановился перед воротами, убрал фонарик в карман джинсов, просунул лом в щель между створками и, чертыхаясь, налегал на него изо всех сил, пока что-то не хрустнуло – слава богу, в воротах, а не у него в спине. Створки поехали в стороны.

Дейл шагнул в темноту и тут же выскочил обратно.

Огромный комбайн занимал почти все помещение. Длинные, тронутые ржавчиной щупальца тянулись к Дейлу от тридцатифутовой насадки для сбора кукурузы. За сверкающими стеклами кабины, вознесенной, казалось, на головокружительную высоту, было темно. Дейл задыхался открытым ртом, чувствуя, как колотится сердце, и удивился, осознав, что помнит, как называются части комбайна: подборщик, жатка, подъемные цепи, щитки.

«Нет, это не может быть тот же самый комбайн».

Его друга Дуэйна искалечил и сожрал комбайн. Ночью. Когда Дуэйн оставался на ферме один. Обстоятельства той страшной трагедии так и остались невыясненными. У Старика, отца Дуэйна, было надежное алиби (он пьянствовал в Пеории с дюжиной приятелей), да его, конечно, никто и не подозревал.

«Нет, это не может быть тот же самый комбайн». Агрегат был достаточно старым и вполне мог сохраниться еще с тех времен, но он зеленого цвета, а тот, который убил Дуэйна, был красным. «Откуда я это помню?» – недоуменно подумал Дейл. Но он действительно помнил.

Когда комбайн с останками Дуэйна на ходовых частях нашли в поле, металлические щитки, прикрывающие режущий аппарат и подъемные цепи, отсутствовали. Мистер Макбрайд сам снял их за несколько недель или даже месяцев до несчастья, собираясь починить. У этого зеленого комбайна все части были на месте.

Дейл помотал головой, обошел комбайн кругом, освещая фонариком пустую стеклянную кабину и другие части гигантского механизма. Хотя комбайн и был огромным, он занимал всего третью часть площади амбара. Двери и ворота вели в боковые пристройки, деревянные лестницы поднимались не на один, а на дюжину ярусов. Дейл направил луч фонарика на карниз в пятидесяти футах над головой, но разглядел только темноту. Зато услышал переполошенное хлопанье крыльев.

«Летучие мыши», – решил он, но другая часть его сознания подсказала: «Нет, воробьи». Теперь он отчетливо вспомнил тот первый раз, когда побывал в амбаре Дуэйна. Стоял летний вечер. Дейл, его младший брат Лоренс и их общий друг Майк О'Рурк пришли по гравиевой дороге, ведущей от фермы тети Лины и дяди Генри, чтобы пострелять воробьев в амбаре Дуэйна. Сначала они ослепили сидевших на балках птиц светом фонариков, а потом расстреливали их из пневматических ружей. Не все воробьи погибали сразу. Пневматическое оружие не обладает достаточной мощностью. Дуэйн открыл им сарай, но сам не принимал участия в расстреле. Дейл помнил, что старый колли Дуэйна, по кличке Виттгенштейн, стоял рядом с хозяином в дверном проеме, возбужденный исходящей от мальчишек жаждой крови и бешеным хлопаньем воробьиных крыльев, но не отошел от Дуэйна ни на шаг.

– Да пошло оно все к черту, – вслух выругался Дейл.

Он вышел из амбара, со скрежетом сдвинул створки ворот, насколько хватило сил, и отправился разгружать покупки.

Между делом он обошел дом, выясняя, нет ли иного способа попасть на второй этаж, и убедился, что сделать это было бы непросто: шесть окон второго этажа находились в пятнадцати футах от земли. Все плотно закрыты и завешены тюлем или портьерами, а некоторые и тем и другим. Конечно, туда можно забраться с помощью высокой лестницы, но после ночного дождя земля вокруг дома превратилась в жидкую грязь, и на ней не было ни следов обуви, ни отпечатков лестницы.

«Наверное, тот, кто зажигал свет, живет там, наверху», – решил Дейл. Напустить на себя страху при ярком дневном свете под голубым небом было сложно.

Он поставил лом и бейсбольную биту за дверь в кухне и принялся переносить из машины покупки стоимостью в небольшое состояние, стараясь при этом не натаскать в дом слишком много земли.

Глава 9

Отправившись днем за своей машиной, Дейл поехал в Оук-Хилл коротким путем, по Каттон-роуд. В нескольких милях от фермы Дуэйна – в мертвой, как полагал Дейл, зоне – его сотовый телефон снова ожил. Асфальтовое полотно было пустынно. День выдался теплый. Дейл держал руль одной рукой, а другой набирал телефон агентства Сэнди Уиттакер.

– «Недвижимость Хартленд», – услышал он наконец голос Сэнди. Дейл представился, после чего последовал традиционный обмен любезностями. Оба сошлись на том, что день прекрасный, очень приятный, особенно после холода и снега.

– Все в порядке, мистер Стюарт... Дейл? – поинтересовалась Сэнди.

Дейл не знал, как лучше ответить.

Его так и подмывало спросить насчет света во втором этаже – но как? «Не скажешь ли, Сэнди, что тебе известно о таинственных огнях в доме Макбрайдов?»

– Да, в порядке, я только хотел спросить, что за собака болтается по ферме. Ты ее видела?

– Собака? Какая собака?

– Маленькая, – ответил Дейл. – Черная.

На другом конце провода повисло молчание. Дейл ехал мимо чистеньких белых фермерских домов и огромных амбаров. На дороге по-прежнему никого не было.

– Ладно, пустяки, – сказал Дейл. – Глупый вопрос.

– Нет, это не пустяки, – возразила Сэнди Уиттакер. – Ты видел собаку рядом с фермой?

– Точнее, прямо в доме.

– В доме? – переспросила Сэнди.

– Сегодня днем я оставил открытой внутреннюю дверь. Наверное, наружная тоже немного приоткрылась – вот собака и пролезла: она совсем маленькая. Песик убежал, и мне просто интересно, чей он. Ведь у тетки Дуэйна собаки не было, да?

– У миссис Брубейкер? – произнесла Сэнди. – Нет... Нет, точно не было. Она почти не выходила из дому, но все без исключения знали, что миссис Брубейкер помешана на чистоте. Я уверена, у нее не могло быть собаки.

– Может, это собака кого-нибудь из соседей, – предположил Дейл, уже сожалея о своем звонке. – Зашла познакомиться с новым человеком.

– Если она была маленькая и черная, то вряд ли сказала Сэнди. – У мистера Джонсона, который живет южнее фермы Макбрайдов, два охотничьих пса, крупные, коричневой масти. У Бахманнсов, молодой пары, которая живет сейчас рядом с кладбищем, на ферме твоих тети Лины и дяди Генри, был ирландский сеттер, но его прошлым летом сбила молочная цистерна.

«Господи, – подумал Дейл, – в маленьком городе ни от кого не спрятаться».

– Так что это была за собака? – снова спросила Сэнди Уиттакер.

Дейл вздохнул. Несколько коров, пасущиеся в грязном поле, подняли головы при его приближении. «Интересно, – усмехнулся Дейл, – у меня такой же тоскливый взгляд, как и у них?»

– Честно говоря, я не разбираюсь в собаках, – произнес он вслух.

– Зато я разбираюсь, – сказала Сэнди Уиттакер. – У меня своих пять, я выписываю журнал Ассоциации собаководов и каждый год смотрю по спутниковому каналу «Вестминстерское дог-шоу». Опиши собаку, и я тебе скажу, что это за порода.

Дейл потер лоб. Голова начинала болеть.

– Маленькая, – сообщил Дейл. – Наверное, дюймов десять-двенадцать в холке. И в длину не больше. Черная. Я подумал, может, это какой-то терьер.

– А шерсть длинная? – спросила Сэнди.

– Нет, ее вообще не было.

– Не было шерсти? – переспросила Сэнди таким потрясенным тоном, словно он произнес какую-то неприличность.

– Я хотел сказать, что шерсть очень короткая, – исправился Дейл. – Совсем короткая. Черная.

– Ну, у американского стаффордширского терьера, у тойтерьера, у питбультерьера, у бостонского терьера и некоторых других собак того же типа шерсть очень короткая, – задумчиво произнесла Сэнди, – но

только они не бывают черными. Кроме того, ни у кого здесь таких терьеров нет. А морду ты рассмотрел?

– Не очень хорошо, – сказал Дейл.

– Какая она – вытянутая, острая? Или несколько приплюснутая?

– Скорее, несколько приплюснутая, – ответил Дейл и невольно усмехнулся: их разговор походил на допрос свидетеля преступления, проводимый не в меру ретивым сыщиком. – Похожая на бульдожью.

– Ага, – произнесла Сэнди Уиттакер так, словно ей все стало ясно. – Американские и английские бульдоги обычно крупнее, чем ты описал, но если ты видел щенка...

– Вряд ли это был щенок, – вставил Дейл, уже и сам не слишком уверенный, что же он видел.

– Тогда это мог быть мопс или французский бульдог. Собака была поджарая и гладкая, с широкой грудью?

Дейлу хотелось закрыть глаза, чтобы лучше вспомнить, но навстречу ему ехал пикап, так что от этой идеи пришлось отказаться.

– Да, у собаки была широкая грудь, мощная, короткие лапки, но крепкие, не такие, как у этих, похожих на крыс чихуа-хуа.

Пауза длилась несколько секунд.

– Две из пяти моих собак – чихуа-хуа, Дейл. Дейл закатил глаза.

– Вот черт! Спасибо тебе за помощь, Сэнди...

– А какой у этой черной собаки хвост? – Сэнди вновь перешла на деловой тон.

– Хвост? – Он вызвал в памяти картину черного собачьего зада, удаляющегося по направлению к курятнику. – Хвоста я не видел. Мне кажется, его не было.

– У мопсов хвост колечком и завернут на спину. Ну а уши? Они висели или стояли?

– Стояли, – ответил Дейл, мысленно уже махнув на все рукой. – Треугольные. Торчали вверх.

– Значит, это не мопс, – сообщила Сэнди Уиттакер. – У мопсов уши висят вниз. Помнишь еще какие-нибудь подробности?

– У этой собаки на голове, вернее на морде, было какое-то розоватое пятно.

Дейл уже въезжал в Оук-Хилл. Можно было бы просто зайти в контору Сэнди Уиттакер. Но у него не было желания встречаться с ней лично.

– Точно! – выпалила Сэнди. – Это французский бульдог! Они достигают в холке двенадцати дюймов, весят около двадцати пяти фунтов. У них приплюснутые морды, широкая грудь бочонком и стоячие уши. И еще у них широкие короткие носы со скошенными ноздрями, и на морде часто бывают розовые пятна.

– Что ж, спасибо. Сэнди. Ты мне очень помогла и...

– Есть одна проблема, – перебила Сэнди Уиттакер, – французские бульдоги бывают пятнистыми, пестрыми, пятна черные и белые, иногда тигровой расцветки, рыже-черной, красновато-черной. Но никогда – чисто черными. Ты уверен, что собака, которую ты видел, была полностью черная?

«Абсолютно, совершенно, угольно-черная», – констатировал про себя Дейл, не испытывая на этот счет никаких сомнений, но вслух ответил:

– Нет, не уверен. Может, она была и пятнистая. Что ж, Сэнди, еще раз спасибо, ты действительно...

– Есть еще одна проблема, – перебила его Сэнди Уиттакер. – Дело в том, что французских бульдогов здесь нет. Ни в Элм-Хейвене. Ни в Оук-Хилле. Ни на фермах в округе. Иначе я бы знала.

После стычки с Ка-Джеем Конгденом возле гаража Дейл заплатил за новые шины и поехал обратно на ферму. Он терпеть не мог конфликтов, особенно если дело касается любых властей, но почему-то этот разговор не встревожил, а даже слегка позабавил его. И охватившее его предыдущей ночью ощущение полной оторванности от жизни и даже от самого себя словно растаяло. Он получил обратно свой пикап, в доме было полно еды и питья, при желании он мог бы в любой момент отправиться куда угодно, хоть на запад, хоть на восток. Жизнь налаживалась.

В отличие от погоды. С запада напоздали черные тучи. Осеннее тепло медленно, но верно сменялось зимней промозглостью.

Уже подъезжая к Элм-Хейвену, Дейл заметил, что в баке почти не осталось бензина. Делать нечего, придется заскочить на заправку.

Начал накрапывать дождь. По шоссе 1–74 с шуршанием неслись под уклон машины. Дейл залил бензина в бак и протер стекла. Здесь не было автомата, чтобы расплатиться прямо у колонки, поэтому он достал свою карту «Америкэн экспресс» и зашел в магазин.

Бритоголовый Дерек, племянник Сэнди, стоял за прилавком. На нем была коричнево-оранжевая фирменная рубашка и кепка с эмблемой компании «Квик». При виде Дейла его физиономия буквально окаменела.

Дейл громко захохотал.

– Чего тут, черт подери, такого веселого? – поинтересовался юнец.

Дейл помотал головой и вместо кредитки выложил на прилавок наличные.

– Дерек, – выговорил он, – день становится все лучше и лучше.

А день становился все хуже и хуже. Тучи нависали все ниже, небольшой ветерок перешел в ураган, и к ночи температура резко упала. Вечером Дейл рано отправился в относительное тепло подвала, чтобы поудобнее устроиться в старой кровати Дуэйна, почитать и послушать музыку на ретроволне, которую ловил большой консольный приемник. За стенами дома выл ветер.

Внутри дома тоже выл ветер. Дейл отложил книгу и прислушался к звуку, который, начинаясь со свиста, вдруг переходил в басовитое гудение. Дейл ходил от одного высокого окна к другому, высматривая щели или треснувшие доски, но звук шел не от окон. Он доносился со стороны черного угольного бункера, расположенного за печью.

Дейл взял зажигалку «Данхилл», подаренную ему Клэр, щелкнул ею и заглянул в непроницаемо черную дыру. Здесь когда-то висел фонарь, но лампочку из него выкрутили давным-давно. Звук в небольшом пространстве казался очень громким. Дейл просунулся в бункер и поводит зажигалкой, осматривая пол и потолок. На цементном полу до сих пор виднелись следы угольной пыли. Отверстие, где до того, как мистер Макбрайд перешел на газовое отопление, находилась угольная воронка, было заложено кирпичом, как и сам желоб, по которому скатывался уголь. Окон не было. Зато был здоровенный квадратный кусок фанеры, приблизительно четыре на четыре фута, привинченный шурупами к кирпичам левой стены. Вой шел оттуда.

Дейл низко наклонился, чтобы дотянуться до левой стены. Приложил ладонь к толстому квадрату фанеры. Фанера пульсировала, будто кто-то толкал ее с другой стороны. Порывы холодного ветра пробивались сквозь трещины в подгнившем дереве. Снова послышался вой, переходящий в свист.

Дейл за минуту пальцами выдернул шурупы из сухого цемента, скрепляющего кирпичи, и потащил заслонку в сторону. В некоторых местах от листа фанеры отломались куски.

Теперь холодный ветер вырвался на свободу, неся с собой скверную вонь промерзшей земли, сырой запах могилы. Дейл вытянул перед собой руку с зажигалкой, блеклый свет упал вниз, в подобие туннеля фута три в ширину и около четырех футов в высоту. Волнистая красная почва и камни уходили вперед футов на двадцать пять или даже больше, там темнела грязная стена: туннель не то упирался в нее, не то поворачивал вправо.

«Не может он вот здесь и заканчиваться. Ветер же откуда-то дует», – решил Дейл.

Ему понадобилось лишь несколько мгновений, чтобы взвесить все за и против и отказаться от дальнейшего исследования туннеля. Нет, он не станет корячиться в сырой, похожей на пещеру дыре под землей. Дейл нашел на верстаке в подвале отвертку, молоток и гвозди и поставил заслонку на место: ввинтил длинные шурупы обратно в старую штукатурку, насколько это было возможно, а затем забил с десяток самых длинных гвоздей, какие ему удалось найти. Ветер продолжал толкаться и пульсировать за фанерным листом, со свистом врываться в щели.

Положив на место инструменты и вымыв руки над раковиной в подвале, Дейл задумался: «Что за чертовщина? Куда ведет этот туннель?»

Спустя час, когда ветер стих и шум его сменился шорохом дождя вперемешку с мокрым снегом, Дейлу в полудреме вдруг вспомнилась пещера бутлегеров.

Каждое лето Дейл вместе с братом Лоренсом, с Майком, Кевином, Джимом Харленом, Бобом Маккоуном и другими городскими ребятами исследовал уголья дяди Генри и тети Лины севернее Страстного кладбища в поисках легендарной пещеры бутлегеров: чего-то среднего между пещерой с сокровищем и складом алкоголя, который, по слухам, существовал во времена сухого закона где-то неподалеку от Шестого окружного шоссе. Никто из мальчишек не знал толком, что такое сухой закон, но это не помешало им перекопать в поисках таинственной пещеры все холмы за фермой дяди Генри и тети Лины. Многие старожилы божились, утверждая, будто бутлегеры,

ускользая от инспекторов налогового управления, выбирались из своей пещеры по подземному туннелю, а выход из него был прямо возле Шестого окружного. Никто из мальчишек даже отдаленно не представлял, чем занимаются инспекторы налогового управления и что это за управление такое, но слова эти звучали жутко заманчиво. К тому времени, когда в пятьдесят девятом мальчишки из «Велосипедного патруля» начали перекапывать земли дяди Генри и тети Лины, легенда о пещере бутлегеров превратилась в быль и обросла множеством подробностей, включая и баснословные сокровища, зарытые где-то под этими холмами, несколько погребенных там же авто времен сухого закона, сотни бочонков с виски и, вероятно, парочку мертвых бутлегеров. Ребята перелопатили тонны земли, но все их усилия оказались бесплодными.

А вот Дуэйн никогда не ходил с ними на раскопки. Дейл поначалу думал, что толстому парнишке просто лень копать, но после убедился, что на самом деле Дуэйн работал на ферме больше любого городского мальчишки. И вот как-то летом Дейл спросил, почему Дуэйн не ходит вместе с ними на поиски пещеры бутлегеров.

– А вы не там ищите, – ответил приятель.

Дейл в тот день прикатил на ферму Дуэйна в одиночестве – Лоренс лежал в постели с простудой, – и Старик велел Дейлу лезть на верхний, нагретый солнцем ярус амбара, где Дуэйн занимался тем, что чертил на стене знаки, сильно смахивающие на египетские иероглифы. Оказалось, что это и правда египетские иероглифы, Дуэйн решил поклоняться какому-то египетскому богу или богине – тогда Дейл совершенно этим не заинтересовался – и устроил под потолком амбара богатейший алтарь с черепами птиц и животных. Дейла волновали только поиски пещеры бутлегеров.

– Что ты имеешь в виду? Почему это мы ищем не там?

– И не то, что есть на самом деле – продолжал Дуэйн, обводя белой краской цепочку иероглифов, изображавших неведомых птиц, волны и странные глазки.

– Что ты имеешь в виду?

– У бутлегеров не было никакой пещеры. Они жили на одной из ферм и прокопали оттуда подземный ход. И этот подземный ход не очень длинный.

– А ты откуда знаешь? – спросил Дейл.

– Они жили на нашей ферме, – пояснил Дуэйн.

– И ты видел подземный ход?

– Я туда не ходил.

– И где же нам тогда копать?

– Да не надо вам копать. Ход начинается прямо в подвале «Веселого уголка».

– А там есть их автомобили и все остальное? А покойники?

Дуэйн засмеялся и почесал нос кисточкой.

– Вряд ли. Там все больше крысы и дерьмо. Сомневаюсь, что гангстеры сумели бы выкопать хороший подземный ход. Он должен проходить как раз там, где когда-то стоял старый сортир.

Дейл сморщил нос.

– Тогда это никакая не пещера бутлегеров. Настоящая пещера огромная, в ней машины и полно всякого добра и виски. Мы совершенно уверены, что она за ручьем на ферме дяди Генри и тети Лины.

Дуэйн пожал плечами, и на этом разговор закончился. Дейл никогда больше не спрашивал друга о пещере.

И вот теперь, сорок лет спустя, Дейл заснул, улыбаясь пришедшему воспоминанию. Он не слышал царапанья, которое теперь вместо воя доносилось из темноты, царившей за печью, – оттуда, где находился угольный бункер.

Глава 10

Следующие три недели ноября Дейл наслаждался жизнью на ферме. Это была короткая передышка перед началом кошмара.

Оказалось, что все отрицательные моменты его местопребывания и ситуации в целом так или иначе оборачиваются для него в положительную сторону. Паршивая погода – было еще два теплых осенних денька, а потом снова набежали серые тучи и пошел снег – не выпускала его из дому, заставляя все глубже погружаться в себя тем непостижимым образом, который так важен для писателя. И превыше всего была работа, ради которой он и отправился в свой «творческий отпуск». Дейл пользовался моими записными книжками, чтобы уловить ощущения себя одиннадцатилетнего – в Элм-Хейвене, в лето шестидесятого. До приезда сюда он так и не сформулировал для себя самого цель, с какой пишет книгу о том лете, даже когда наконец ясно вспомнил все события, но старался сделать это с самого момента приезда в «Веселый уголок».

Поначалу отсутствие связи с внешним миром – телефона, Интернета, телевидения – доводило его чуть ли не до головокружения. Несмотря на то что Дейл был прежде всего писателем и ученым, он привык находиться в гуще жизни. Но по мере того как дни складывались в недели, спокойствие, особенно умственное, душевное, обусловленное отсутствием электронной почты и телефонных звонков, сделалось сначала приятным дополнением к работе, а затем переросло в необходимость. Время от времени он порывался позвонить в Оук-Хилл, в Элм-Хейвен, своему агенту, дочерям, но не ощущал необходимости в этих звонках и вскоре вообще перестал думать об этом.

Дейл отыскал в Элм-Хейвене газетный киоск и покупал там «Теория джорнал стар» – якобы ради политических новостей, хотя это была местная газета и редко какая новость действительно вызывала у него интерес. Гораздо чаще, особенно после нескольких часов работы, он спускался в подвал, где я когда-то ночевал, и включал какой-нибудь из приемников, а потом ложился на мою кровать и слушал джазовые передачи из далекого Сент-Луиса, как я слушал когда-то жаркими

летними ночами трансляции матчей между «Кардиналами» и «Щенками», когда голоса, проносясь в наэлектризованной атмосфере ионосферы Земли, становились то громче, то тише, порождая смутное ощущение расстояния и пространства.

Но больше всего Дейл Стюарт радовался своей изоляции. Необычность дома, таинственный свет на заколоченном втором этаже, стычки со скинхедами и бывшим городским хулиганом скорее развлекали его, чем наводили на мрачные размышления. Эти события придавали всему привкус необычности, не неся при этом грубого запаха настоящей опасности. И это способствовало его погружению в себя и обретению уверенности в будущем успехе.

Он начал выходить на прогулки. После десятилетий, прожитых на американском Западе, где все проявления природы представляют собой грандиозные зрелища, Дейл получал огромное удовольствие, обнаружив какой-нибудь скромный вид, открывающийся с невысокого холма в четверти мили от амбара, – долину, где сорок лет назад я похоронил свою собаку, Виттгенштейна, хотя Дейл понятия об этом не имел, – или уголок в лесочке Джонсонов, куда он попадал, прошагав еще три четверти мили на юг по замерзшему ручью. Серые небеса и плоский ландшафт скрадывали масштаб местной природы, делали ее ближе, понятнее, обозримее, и вскоре Дейл начал выходить на прогулки каждый день – на час или на два, в любую погоду. Иногда, шагая по гребню холма обратно к ферме или срезая путь через промерзшие поля, Дейл даже не видел дома, пока до него не оставалось всего лишь несколько метров. Первым из снега и мглы выдвигался амбар, затем поднимался на железной решетке заржавленный овал цистерны с бензином, а уже потом в неярком свете вырисовывалась умытая непогодой белая коробка дома.

Он готовил себе ленч: обычно суп, французский батон и кусок сыра, – а затем возвращался в кабинет моего Старика, к столу с выдвижной крышкой, к книжным полкам, к кушетке и тусклому свету. Там он работал, еще несколько часов набирал текст на компьютере, часто распечатывал написанное за день на компактном лазерном принтере, который привез с собой, редактировал, чтобы вечером или следующим утром внести исправления в файл на жестком диске. Затем наступало время обеда – обычно это было что-нибудь посущественнее супа и хлеба, – а после он еще часа два писал, прежде чем посвятить

вечер чтению или же отправиться в подвал слушать джаз по неуклюжему на вид, но отличному консольному приемнику.

Дейл писал быстро, но не очень хорошо. И университетская подготовка, и опыт работы на заказ научили его начинать от внешнего к внутреннему, то есть структурировать сюжет, обрисовать характеры и обстоятельства, а уже потом углубляться в тему – так резчик извлекает форму из куска деревяшки. Я погиб еще ребенком, но уже тогда выяснил одну важную вещь, касающуюся литературы: чтобы писать хорошо, необходимо двигаться от внутреннего к внешнему. Тогда у произведения появится непоколебимый стержень, заключенный либо в характерах героев, либо в сюжете, и все начнет закручиваться по спирали от этого стержня. Дейл же по-прежнему вгрызался внутрь, стараясь при этом не повредить текстуру материала и надеясь обнаружить в дереве прекрасные формы.

Его ощущение места действия ненаписанного романа было очень сильным. В конце концов, что для нас более зримо, чем география нашего детства? Время от времени он садился в «лендкрузер» и медленно кружил по Элм-Хейвену, чтобы освежить в памяти некоторые топографические моменты, но на самом деле описывал в романе вовсе не тоскливый и обшарпанный город гнусного нового века. Дейл погрузился в атмосферу тысяча девятьсот шестидесятого года и, проезжая по улицам, видел вокруг себя постройки и людей, которых здесь больше не было, которые уже никогда не появятся здесь вновь.

Дейл не испытывал чувства вины из-за того, что пользовался моими записными книжками с набросками и заметками, с коротенькими описаниями-портретами мальчишек из лета шестидесятого, включая его самого. После моей смерти Дейл пообещал себе стать писателем, каким хотел стать его покойный друг Дуэйн, поэтому казалось вполне естественным, что он выстраивает свой новый роман, основываясь на моих зарисовках и наблюдениях.

Но только это были мои наброски и наблюдения, а вовсе не Дейла. Он так до сих пор и не нашел собственного ключика к дверце, за которой скрывалось это почти забытое лето. Поэтому, давая в первых главах портреты одиннадцатилетних персонажей романа – Майка О'Рурка, Кевина Грумбахера, Джима Харлена, Донны Лу Перри, Корди Кук и остальных, – он передавал мое восприятие, верное или неверное,

а не восприятие Дейла. Это касается даже образов самого Дейла и его младшего брата Лоренса. Возможно, он не до конца доверял собственной памяти.

Черная собака снова появилась через девятнадцать дней после его приезда.

День клонился к вечеру, Дейл шел своим любимым маршрутом: сначала на запад по пологому подъему вдоль ручья в южной части леса мистера Джонсона, затем на северо-восток по оврагу, чтобы у Страстного кладбища выйти на Шестое окружное шоссе. Отсюда было меньше мили по гравиевой дороге до подъезда к ферме.

В тот день он только добрался до леса и собирался перейти ручей, прежде чем двинуться на восток, когда в двадцати ярдах позади себя заметил собаку. Дейл застыл на месте. Собака тоже остановилась.

Какой-то миг ему казалось, что загадка решена: если собака бродит по лесу Джонсонов, значит, это собака мистера Джонсона. Но тут Дейл сообразил, что пес движется за ним со стороны фермы Макбрайдов.

Он сделал несколько шагов по направлению к песику. Тот отбежал на несколько шагов, затем развернулся и стал ждать, что будет дальше. Дейл замер, стараясь разглядеть его получше и сожалея, что не захватил с собой бинокль.

Черная собака показалась ему несколько крупнее, чем он помнил, но в остальном данное Сэнди Уиттакер описание было верным: относительно небольшая, совершенно черная, если не считать розового пятна на приплюснутой морде, торчащие уши, широкая бочкообразная грудь, хвоста не видно. Он попытался вспомнить, какую породу назвала ему Сэнди Уиттакер: французский бульдог?

Как только Дейл двинулся дальше, собака последовала за ним. Дейл соскользнул с крутого берега ручья и перепрыгнул через узкий, почти замерзший поток. Собака прошла еще ярдов двадцать на север и побежала вверх по склону высокого холма.

Дейл продолжал идти своим обычным маршрутом к Шестому окружному шоссе, держась старой коровьей тропы, которая тянулась по краю узкого хребта, зажатого между двумя оврагами. Ручей, бегущий по дну южного оврага, Дейл и его компания сорок пять лет назад прозвали Дохлым. На восточной стороне гравиевой дороги, где ручей тек по широкой трубе, был пруд глубиной фута три – мальчишки

любили прятаться в этом месте, – и туда часто сбрасывали животных, сбитых машинами на Шестом окружном шоссе. Вот почему ручей получил такое название.

Черный песик держался ярдах в двадцати от Дейла, пробираясь по замерзшей траве с тем опасливым видом, какой появляется у некоторых собак на улице. В какой-то момент Дейл остановился и бросил в сторону собаки камень – не для того чтобы причинить ей боль, а только пытаясь прогнать ее прочь. Она уселась и уставилась на Дейла.

Потом собака облизнула морду и показала зубы, но это был не оскал, а что-то, как показалось Дейлу, вроде собачьей ухмылки.

Дейл ощутил, как по спине пробежал холодок. Он знал, это шутка, сыгранная большим расстоянием и угасающим светом, но ему вдруг показалось, что зубы у черной собаки какие-то необычные...

Как будто человеческие...

Дейл покачал головой, злясь на себя за чрезмерное воображение, а когда взглянул на собаку еще раз, та уже не скалилась. Он перелез через проволочный забор Джонсона в том месте, где сетка примыкала к крепкому столбу, и вышел на асфальт Шестого окружного перед холмом, на котором располагалось Страстное кладбище. День был холодный и ветреный. Обычно во время послеобеденных прогулок Дейла кладбище было пустынно, и он вздрогнул, осознав, что метрах в тридцати-сорока от него кто-то стоит. Одинокая фигура, мужчина, странно одетый: на нем было что-то вроде высоких кожаных сапог, одежда цвета хаки, похожая на старую военную форму, и широкополая шляпа, какие носят бойскауты. «Какой-нибудь ветеран?» – подумал Дейл. С такого расстояния невозможно было определить возраст человека, но, судя по стройному и гибкому силуэту, он моложе Дейла.

На заросшей травой стоянке перед черной железной оградой не было ни одной машины.

Человек поднял голову от надгробия, которое внимательно рассматривал, и поглядел в сторону Дейла. Дейл помахал незнакомцу, гадая, местный ли он. Может, это глава того молодого семейства, которое поселилось на ферме дяди Генри и тети Лины, или кто-то еще, живущий достаточно близко от кладбища, чтобы прийти сюда пешком. Было бы приятно познакомиться с нормальным обитателем Элм-Хейвена или его окрестностей.

Человек посмотрел на Дейла, но не махнул в ответ.

Дейл мысленно пожал плечами и двинулся дальше на север по крутому спуску, удостоверившись, как всегда, что никакая легковушка или грузовик не мчится вслед за ним по узкой асфальтовой дороге.

Черная собака исчезла.

Примерно через час, когда Дейл доел томатный суп и вернулся в кабинет, к своему компьютеру, он понял, что в доме кто-то побывал.

Он оставил свой портативный компьютер включенным. Последнее набранное Дейлом предложение по-прежнему было на экране:

«Лето ждало впереди, словно роскошный обед, – дни, богатые медленно текущим временем, когда есть возможность насладиться каждым блюдом».

Дейл размышлял над этим предложением во время прогулки и решил, что сравнение слишком уж цветистое, но в данный момент его занимали вовсе не возможные варианты. Под его предложением было набрано:

gabblerechetsyethwishthounds hehaefdehundeshae fod amp;
hisloccaswaeronofer gemetside amp;
hiseaganscinonswaleohteswamorgensteorra amp;
histethwaeronswascearpeswaeoforestexas

Он не обратил ни малейшего внимания на эту тарабарщину. Гораздо важнее было выяснить, кто ее написал. Дейл нырнул под раздвижную кушетку и вытащил новую бейсбольную биту, которую припрятал там заранее. Лом, конечно, тяжелее, но он лежит в кухонном шкафу.

Подняв биту и стараясь двигаться бесшумно, Дейл прошел от гостиной к кухне, потом через кухню на крыльцо. Снова начался дождь, но было еще достаточно светло, чтобы разглядеть следы на земле. До того как он ушел на прогулку, уже было сыро и грязно. Единственные отпечатки колес вели к его «лендкрузеру». Единственные человеческие следы оставил он сам, уходя на прогулку, и возвращаясь с нее.

Не убежденный до конца, Дейл вернулся в дом, взял вместо биты лом, запер дверь и пошел из комнаты в комнату, везде включая свет. Он посмотрел за мебелью, за занавесками, под кушеткой, открыл шкафы, спустился в подвал, проверил, нет ли кого за печью и под старой медной кроватью Дуэйна. Заглянул в пустой бункер для угля.

Снова поднявшись наверх, он еще раз обошел все комнаты первого этажа. Затем он поднялся по лестнице на второй.

Толстый пластик был надежно прибит на прежнем месте. Коридор второго этажа неясно просматривался за пожелтевшим щитом.

Дейл проверил все еще раз. Ничего. Никого. Дом был настолько пуст и молчалив, что от звука заработавшей системы отопления Дейл подскочил и вскинул лом на уровень груди.

Снова взяв в руки бейсбольную битку, он вернулся в кабинет, надеясь, что странная абракадабра за это время исчезла с экрана компьютера. Нет, она была все там же.

Дейл вздохнул, сел в старое крутящееся кресло и распечатал слова на бумагу.

Он глядел на них, понимая, что существуют только два вероятных объяснения: либо кто-то побывал в доме, пока он гулял, либо он сам набрал эти слова, не сознавая, что делает. Оба предположения приводили его в ужас.

Он посмотрел на первую строчку: gabbleretchetsyethwisht-hounds. Из ряда выделялось слово «hounds», гончие. Кто бы ни набирал этот текст, он не утруждал себя нажатием на пробел.

Дейл прошелся по листу бумаги синей ручкой, ставя разделительные черточки там, где, по его мнению, должны быть пробелы. И вот что у него получилось:

gabble retchets yeth wisht hounds he haefde hundes haefod
amp; his loccas waeron ofer gemet side amp; his eagan scinon
swa leohte swa morgensteorra amp; his teth waeron swa scearpe
swa eofores texas

К несчастью, большинство этих слов были понятны университетскому преподавателю английского языка.

Дейл Стюарт занимался литературой двадцатого века, но в свое время изучал Чосера и с удовольствием ходил на семинары по

«Беовульф». Эти староанглийские строки по стилю были близки «Беовульф». «Gabble retchets» что-то ему напоминали, но сразу не поддавались переводу. Он засомневался, староанглийский ли это. Может, валлийский? «Yeth» означало «вересковая пустошь», значит, в последней строке говорилось что-то о гончих на вересковой пустоши. Надо будет уточнить, что такое «wisht».

Оставшиеся слова были точно староанглийскими.

«He haefde hundes haefod» – «У него была голова пса».

Дейл отложил лист бумаги и потер щеку, прислушиваясь к шороху пальцев по отросшей щетине. Рука чуть заметно дрожала.

«amp; his loccas waeron ofer gemet side» – «и шерсть у него была чрезвычайно длинная».

Дейл улыбнулся. Увидев напечатанный текст, он испугался, что это Дерек с остальными скинхедами или даже шериф Ка-Джей Конгден проникли в дом, чтобы нагнать на него страху. Теперь он понимал, что спокойно может сбросить их со счетов. Вряд ли кто-нибудь из местных жителей настолько сведущ в староанглийском языке. «Осторожнее, Дейл, старина, – мысленно предостерег он себя, – зазнайство крайне опасно для интеллектуала».

«amp; Ms eagan scinon swa leohte swa morgensteorra» – «и глаза его сияли так ярко, словно утренняя звезда». Некто с песьей головой, длинной шерстью и горящими глазами. Мило.

«amp; Ms teth waeron swa searpe swa eofores texas». Texas. Техас. Хотел бы Дейл, чтобы в этой строчке речь шла о Техасе. Но строчка переводилась так: «...и зубы его были такие острые, как клыки кабана». Да уж, вот тебе и Техас.

Дейл стер строчки на староанглийском и попытался вернуться к своему роману, но из попытки снова перенестись в насыщенные событиями летние каникулы шестидесятого года ничего не вышло. Через некоторое время он сдался, достал из холодильника остывшее пиво, захватил с собой потрепанный экземпляр «Антологии» Нортон, раскрыл на «Беовульфе» и спустился в подвал, где было теплее и светлее.

Он включил консольный приемник, чтобы послушать джазовые мелодии из Сент-Луиса. Пока он пробежал глазами страницы «Беовульфа», дневной свет в окнах окончательно погас. Чуть позже зажужжал и зарычал обогреватель. Но Дейл с головой погрузился в чтение, чтобы обращать на все это внимание.

Троль-убийца Грендел и его мать, не говоря уже о волках, рыщущих вокруг осажденного врагами замка, были несколько раз названы одним и тем же словом «wearg» или его вариантом «wearh». На полях Дейл увидел нацарапанное собственной рукой примечание: «Германская форма *warg*, варг, волк, также означает изгоя, человека, совершившего преступление, которое невозможно простить или искупить». И потом рядом с его примечанием косым почерком Клэр: «Тот, кто изгнан из своего племени и обречен скитаться в одиночестве и умереть в одиночестве. *Warg* = пожиратель трупов (от индоевропейского *wergh to strangle* = тот, кто заслуживает удушения). Изгнанного из общества человека-варга можно открыто и безнаказанно убить».

Руки у Дейла снова задрожали, когда он откладывал в сторону тяжелую «Антологию». Он и забыл, что одалживал книгу Клэр, когда четыре года назад она в группе его студентов сдавала зачет по «Беовульфу».

Медленно, с трудом, Дейл осознал, что из старого приемника доносится блюз. Ощущение было такое, словно кто-то прибавил вдруг громкость. Он уронил книгу и перевернулся на кровати от изголовья к ногам, придвигаясь ближе к светящейся шкале настройки.

Звучал мощный классический блюз. Ходила легенда, будто композитор и исполнитель Роберт Джонсон продал душу дьяволу, чтобы научиться сочинять и исполнять эту музыку. Сам Джонсон никогда не опровергал этих слухов.

Дейл закрыл глаза и слушал старую запись: Джонсон выводил мелодию «Гончих ада, идущих по моему следу».

Глава 11

Через две недели после того, как Клэр Харт начала посещать семинар Дейла, посвященный американским писателям двадцатого века, и за неделю до того, как они стали любовниками, Дейл (доктор Стюарт) задержал ее на несколько минут после одного из занятий. Стоял чудесный осенний день, больше похожий на летний. Все окна кабинета были открыты, и за ними виднелись зеленая листва и синее небо.

– Вы Клэр Ту-Хартс, – сказал Дейл. – Дочь Моны Ту-Хартс.

Клэр хмуро поглядела на него.

– Откуда вы узнали?

– Из университета Флоренции прибыли копии документов, в которых стоит ваше настоящее имя... не то, что указано в бумагах, полученных ранее. В одном из документов была и фамилия вашей матери.

Клэр стояла и молча глядела на доктора Стюарта. Вскоре ему довелось узнать, какой выдержанной и невозмутимой может быть эта молодая женщина. Через секунду Дейл прочистил горло и продолжил:

– Прошу прощения... Я, собственно... Словом, я ничего не собираюсь вынюхивать. Просто мне интересно, почему...

– Почему я утаила свою настоящую фамилию? Дейл кивнул.

Клэр холодно улыбнулась.

– Доктор Стюарт, поймите, не так-то просто быть дочерью знаменитой оперной дивы. Даже в Италии. К тому же эта подробность моей биографии никак не влияет на мою учебу здесь.

Дейл кивнул.

– Я знаю, ваша мать росла в резервации «черноногих» индейцев на севере...

– На самом деле это не так, – возразила Клэр свойственным ей тоном «нечего-нести-всякую-чушь», который он уже успел полюбить на семинарских занятиях. – Во всех статьях о маме вечно пишут, будто она выросла в нищете, в резервации, где-то под Сент-Мэри, но в действительности она там только родилась, а росла в Кат-Бэнк, в Грейт-Фоллс, в Биллинге и еще в дюжине мелких городишек, пока не

поступила в театральную школу «Джуиллиард», а потом переехала в Европу. – Клэр смотрела ему прямо в глаза. – Мать моей матери вышла замуж за белого, которому было стыдно жить в резервации. Так что я не чистых кровей.

Дейл при этих словах только покачал головой.

– Мисс Харт... Поверьте, я отнюдь не собирался выяснять подробности вашей личной жизни. Просто заметил разницу в фамилиях и вспомнил имя вашей матери. Мне показалось, что стоит рассказать вам о прибывших документах.

– А кто-нибудь еще знает? – спросила Клэр.

– Не думаю. Я совершенно случайно увидел папку в тот же день, когда пришли копии, мы как раз проставляли зачеты выпускникам, которые уходят от нас без степени. – Он достал из ящика стола папку, вырвал из нее несколько листов и протянул ей. – Я заново подошью оставшиеся бумаги, – пояснил он. – Копии здесь необязательны.

Клэр сунула бумаги в свой рюкзак, даже не заглянув в них, и повернулась, чтобы уйти. У двери она остановилась и снова обернулась к Дейлу. Он ожидал услышать «спасибо», но вместо этого она произнесла:

– Я в Мизуле уже месяц, но мне так и не хватило духу доехать до резервации.

– Каждую осень я езжу в парк Глейшер и в резервацию, – к собственному изумлению, ответил Дейл. – Могу показать вам эти места, если захотите.

Клэр поглядела на него пристально и холодно, резко развернулась и молча вышла. Позже, когда Дейл узнал ее лучше – не исключено, что настолько хорошо, насколько это вообще было возможно, – он догадался, что именно в тот момент она, скорее всего, решала, стоит ли заводить с ним роман.

Дейл просыпается от громкого стука.

Оглядывается вокруг. Он в кабинете – заснул в кресле. Во всем доме, если не считать единственной настольной лампы, темно. Он не помнит, как задремал, вообще не помнит, что работал здесь, перед тем как заснуть. Компьютер выключен.

Стук доносится сверху.

«Да пошли они все к черту». Дейл внезапно впадает в ярость. Он оглядывается в поисках бейсбольной биты, но она то ли осталась в

другой комнате, то ли закатилась под кровать.

Стук все усиливается.

Дейл выходит из освещенного кабинета и идет по темному коридору, поднимается по узким ступенькам.

Блеклый свет пробивается сквозь пожелтевший пластик.

Дейл достает складной нож, выбирает самое острое лезвие и сильным ударом пробивает пластик, режет его крест-накрест, по диагонали. Потом голыми руками отрывает от него куски, пока не образуется дыра. Он расширяет дыру, выламывая куски пластика из рамы двери.

Ветер, вырывающийся из-за пластика, несет с собой запах сирени и гниения. «Гробница Тутанхамона какая-то...» Дейл шагает в дыру, ощущая, как острые края пластика цепляются за одежду, словно пытаются удержать его... И вот он стоит на выцветшей дорожке в коридоре второго этажа, обдуваемый потоками спертого воздуха, которые затем устремляются вниз по лестнице... Словно он выдернул пробку из горлышка сосуда...

Справа от него одна открытая дверь, слева еще две. Свет выбивается из дальней комнаты слева.

Стук прекращается.

По-прежнему сжимая в руке маленький походный ножик, Дейл идет по коридору, останавливается, чтобы заглянуть в первую комнату слева – это небольшая спальня – и в открытую дверь справа – там ванная, еще меньше. В обоих помещениях темно. Свет в дальней комнате мерцает, словно там горит свеча.

Дейл останавливается в коридоре и заглядывает в открытую дверь.

Высокая кровать, массивный комод, низкий туалетный столик с мутным зеркалом, на столике мерцает керосиновая лампа, в углу самодельный шкафчик, выкрашенный в бледно-желтый цвет, – он кажется Дейлу странно знакомым. Окна так плотно занавешены портьерами, что пробиться сквозь них не в силах ни лунный, ни солнечный свет. Выставив перед собой жалкий маленький ножик, Дейл идет к кровати.

На потускневшем от возраста лоскутном одеяле что-то темнеет. Сначала Дейл думает, что это чье-то тело, потом, что это просто

вмятина, а когда подходит ближе к высокой кровати, видит, что это не просто вмятина.

В середине кровать провисла, и в этом месте образовался глубокий провал, по форме напоминающий очертаниями человека. Как будто на этом месте долгое время лежал труп. Даже на подушке остался след – овальный, словно от головы человека. Дейл слышит, что на дне провала что-то шуршит. Он склоняется над кроватью, стараясь не обращать внимания на отвратительный запах – тот самый запах разложения, который он ощутил в первые минуты пребывания в доме, – и жалеет, что не захватил с собой фонарик.

На дне провала в матрасе кипит жизнь. Личинки... Черви...

Дейл отскакивает назад, прижимает руку ко рту, оборачивается и всматривается в темный коридор.

Старая керосиновая лампа вспыхивает, словно от сильного порыва ветра, огонь едва не гаснет, но затем успокаивается и вновь горит ровно.

Стук возобновляется – громче, яростнее, настойчивее. Он доносится из самодельного шкафчика в углу.

Дейл смотрит на шкафчик и неожиданно понимает, что это большой гроб, грубо сколоченный, выкрашенный в желтый цвет и поставленный вертикально.

Крышка трескается и начинает открываться...

Дейл проснулся от громкого стука.

Сел. Он был не в кабинете, а в подвале, рядом с ним на старой кровати Дуэйна лежал тяжелый том «Антологии» Нортон. Консольное радио тихонько шипело, едва слышались звуки музыки. Ночь была уже на исходе. Утренний свет проникал в узкие окна под потолком.

Стук возобновился.

Дейл поискал глазами лом или бейсбольную битую и вспомнил, что вечером оставил их наверху. Он помотал головой, пригладил руками всклокоченные волосы, поднялся по лестнице и пошел через кухню на звук.

В заднюю дверь колотила Мишель Стеффни.

Дейл потер лицо и открыл внутреннюю дверь.

Она оглядела его с головы до пят.

– Дейл, надеюсь, ты не против, что я заскочила.

Дейл отрицательно помотал головой и шагнул назад, приглашая ее войти в кухню.

– Что ты, – пробормотал он. – Извини за мой внешний вид – видимо, прошлой ночью я уснул. Я был в подвале... то есть, я хочу сказать, что так и не дошел вчера до постели. Заснул, читая книгу и слушая музыку. А сколько сейчас времени, а, Мика?

– Можно и Мишель, – ответила рыжеволосая женщина, чуть улыбнувшись. – Сейчас около половины десятого. Наверное, ты здорово устал.

– Ага, – согласился Дейл. Он прошел через кухню к холодильнику. – Хочешь апельсинового сока?

– Хочу.

– Снимай пиджак. Можешь повесить прямо здесь на стул. Может, позавтракаешь?

– Нет, спасибо, Дейл. Я уже завтракала. Просто хотела передать тебе приглашение. Я бы позвонила, только...

Дейл протянул ей стаканчик, наполовину заполненный апельсиновым соком.

– Ага, – сказал он. – Тут проблемы с сотовой связью. – Вкус апельсинового сока немного ослабил гул в голове. Он чувствовал себя будто с похмелья, хотя помнил, что накануне вечером выпил всего-навсего одну бутылку пива. – Приглашение? – повторил он.

– На День благодарения – уточнила Мишель Стеффни.

Дейл доплелся до кухонного стола, и они уселись напротив друг друга. За окном слабо брезжил утренний свет. Начинался еще один серый день.

– День благодарения? – снова повторил Дейл.

– В следующий четверг, – кивнула Мишель. – Я не собиралась задерживаться здесь, но, судя по всему, придется. Я не знаю никого из соседей, вот и подумала, что мы могли бы... ну, черт его знает, приготовить вместе индейку, что ли. Выпить винца. Не знаю, что еще.

– Так вы с подружкой устраиваете вечеринку... извини, забыл, как ее зовут, – сказал Дейл.

– Диана Вилланова, – ответила Мишель и уставилась в стол. – Нет, Диана вчера уехала обратно в Калифорнию. Я подумала, что неплохо бы нам с тобой вдвоем... в смысле, чтобы не оставаться в День благодарения в одиночестве... Но ты, наверное, уже приглашен к

кому-нибудь или ждешь кого-нибудь в гости... Извини, Дейл, это была неудачная мысль.

– Да что ты! – поспешно воскликнул Дейл. – Я даже и не сообразил, что День благодарения уже так скоро. Я тут живу без календаря. А ты уверена, что это следующий четверг?

– Совершенно уверена, – сказала Мишель.

– Было бы здорово вместе приготовить индейку, – сказал Дейл, а про себя подумал: «Нет, не очень-то здорово». Это просто напомнит ему об Энн и девочках – дочери приедут из колледжа, – о праздниках прошедших и навсегда потерянных.

Должно быть, что-то такое отразилось на его лице, потому что Мишель поспешно заговорила:

– Нет, это и в самом деле дурацкая идея. Дело в том, что у меня кухня в ужасном виде, и не знаю, успею ли привести ее в порядок до Дня благодарения. Мы с Дианой собирались... да, пожалуй... дурацкая идея. Дейл понятия не имел, что произошло между двумя женщинами и почему Мишель осталась здесь, в Иллинойсе, но понимал, что ведет себя по-хамски. Он поднялся, демонстрируя бодрость и душевный подъем, которых совсем не чувствовал, подошел к огромной старой плите и похлопал по ней ладонью.

– Давай приготовим все здесь, – предложил он, всем своим видом излучая счастливый энтузиазм. – Иначе я так ни разу и не воспользуюсь духовкой этой проклятой штуковины. Мне уже до чертиков надоел суп. Я с удовольствием поужинал бы с тобой в День благодарения.

Мишель кивнула, но как-то рассеянно.

– У тебя все хорошо, Дейл?

– Отлично. Разве я плохо выгляжу?

– Ну, я, конечно, тебя почти не знаю... Мне кажется, ты какой-то... усталый.

Он пожал плечами.

– Давно уже мучаюсь бессонницей, а еще прошлая ночь... странная такая.

– У меня есть снотворные таблетки. – Мишель явно готова была ими поделиться. – Рецепты. Полным-полно.

Дейл замахал руками.

– У меня у самого есть рецепты. Таблетки валят меня с ног мигом, только вот снится всякая дрянь...

«Например, желтый шкаф-гроб...» Теперь он вспомнил, где его видел: в старом доме в Элм-Хейвене, в их с Лоренсом спальне.

– Дейл? – Мишель встала и подошла к нему.

– Прости. Просто вспомнил кошмар, который снился перед самым пробуждением.

И вдруг неожиданно для себя Дейл во всех подробностях пересказал ей свой сон, стараясь, однако, чтобы голос звучал непринужденно.

– Боже мой! – воскликнула Мишель, совершенно не удивившись. – А там наверху все действительно заколочено, как ты описал?

– Идем, – предложил Дейл. – Покажу.

Когда они двинулись к лестнице, ему вдруг явственно представилось, что пластик сейчас окажется разрезанным и оторванным, тусклый свет будет мерцать в конце коридора, воздух, пахнувший могилой, будет вырываться из дыры в пластмассовой заслонке, а наверху лестницы их будет ждать темная фигура.

Пластик, нетронутый, оставался на прежнем месте. Лишь блеклый солнечный свет пробивался сквозь желтую завесу.

– Действительно, кошмар какой-то, – прошептала Мишель и попятилась вниз по лестнице, держась одной рукой за перила, словно не желала поворачиваться к заколоченному дверному проему спиной. – Как ты думаешь, что там? – спросила она, когда они вернулись в кухню.

Дейл пожал плечами.

– Может, мы с тобой соберемся с духом после ужина в четверг, выпьем вина, а потом поднимемся туда, разрежем эту пластиковую стену и исследуем второй этаж?

Мишель улыбнулась, и Дейл вдруг вспомнил, как безнадежно страдал по ней с четвертого по восьмой класс.

– Чтобы так расхрабриться, мне потребуется что-нибудь покрепче вина.

– Я это устрою, – пообещал Дейл, улыбаясь.

«Что я несую? – мелькнуло у него в голове. – Последнее, что мне сейчас нужно, флиртовать с кем бы то ни было».

Мишель направилась к двери, надевая на ходу пиджак.

– Я позвоню тебе, прежде чем покупать индейку... Ой, я совсем забыла, что сотовый здесь не ловит.

– Я сам тебе позвоню, – сказал Дейл. – Для этого нужно просто выехать с фермы. Только напиши мне еще раз свой номер.

Он взял со стола ручку и желтый блокнот и протянул ей.

Мишель нацарапала номер, кивнула на прощание и пошла к своей машине. Она завела мотор, а потом опустила стекло. Дейл наклонился с крыльца, чтобы лучше слышать. Начинаял накрапывать дождь.

– Совсем забыла, – сказала Мишель. – Я чуть не задавила твоего черного песика, когда ехала сюда. Он стоял прямо на подъездной дороге, смотрел на дом и даже головы не повернул, когда я ему посигналила. Пришлось объезжать по траве.

Дейл покачал головой.

– Это не мой черный песик. Он болтается здесь сам по себе. Черная собачка с розовым пятном на морде, да? Совсем небольшая, дюймов десять-двенадцать в холке?

– Черная, с розовым пятном на носу, – подтвердила Мишель. – Но не такая уж маленькая. Наверное, пару футов в холке. Широкая грудь.

– Слишком крупная для моего знакомого пса, – заметил Дейл. – Наверное, старший брат.

Мишель кивнула.

– Что ж, увидимся в День благодарения. Теперь, после того как они все обсудили, ее голос отчего-то звучал неуверенно. Дейл улыбнулся.

– Я тебе позвоню накануне.

Она помахала ему и поехала под дождем по дороге. Черного пса нигде не было видно. Дейл вернулся в дом и зажег газ, чтобы соорудить какой-нибудь завтрак. Он решил превзойти самого себя и приготовить бекон. Он как раз подсушивал бекон на разогретой сковороде, собираясь промокнуть лишний жир бумажным полотенцем, когда из кабинета раздался громкий голос:

– Вам письмо!

Глава 12

>С возвращением, Дейл!

Дейл стоял посреди кабинета, глядя на экран ноутбука. Ничего удивительного в пришедшем письме не было, за исключением нескольких моментов: а) модем не был соединен ни с сотовым телефоном, ни с телефонной линией, б) сообщение пришло не на его адрес в «Америка онлайн», в) система Windows даже не была запущена, компьютер каким-то неведомым путем сам вышел в DOS.

«Тогда откуда, черт возьми, взялся этот голос: «Вам письмо»?» Это был, несомненно, механический голос оповещения «Америка онлайн».

Дейл подошел поближе к столу и оглядел компьютер. Он что, сам того не сознавая, включил его накануне вечером? Или все-таки выключил, перед тем как пойти в подвал и заснуть там под звуки радио? Он не помнил.

Слова светились белым на фоне черного экрана. Не касаясь клавиатуры, Дейл проверил все порты, все входы и прочие варианты соединения. Он знал, что в наши дни все больше компьютеров обходятся беспроводной связью, но, насколько ему было известно, его старенький ноутбук был лишен подобных новшеств. А даже если бы они и присутствовали, все равно необходимо было сначала войти в Windows и набрать его номер в «Америка онлайн», а уж потом отсылать или принимать почту. Дейл ни на что не подписывался и уже давно удалил из компьютера прочие соединения с Интернетом.

«А это означает, что кто-то набрал слова прямо с клавиатуры». Дейл сел, убрав руки подальше от клавиш, и поглядел через плечо. «Не заходила ли сюда Мишель, пока была в доме?» Они вместе поднимались вверх осмотреть пластиковую преграду, и Дейл не помнил, чтобы хоть на минуту оставлял ее одну.

«Кто-нибудь мог забраться в дом ночью. Утром дверь не была заперта». Последнее предположение казалось более вероятным. Но что это за дурацкое приветствие? Можно было просто украсть компьютер – и дело с концом. И откуда, черт возьми, взялся этот механический

голос: «Вам письмо»? Дейл не слишком хорошо разобрался в технике, но все-таки давно работал на компьютере, пользовался Интернетом и прекрасно понимал, что все подобные фразы хранятся в звуковых файлах в самой машине, поэтому, если кому-нибудь захочется запустить такой файл, достаточно лишь...

«Но зачем? Что это за шутки такие?»

Дейл просидел еще несколько минут, тупо глядя на экран в ожидании, не появится ли новая строчка. Ничего не менялось.

Он вздохнул, нажал клавишу Enter и набрал в следующей строке:

>Спасибо!

Потом он вернулся в кухню, чтобы заново подогреть бекон и приготовить тосты. Он только поставил на стол тарелку с беконом и тостом и отхлебнул кофе, когда снова раздалось:

– Вам письмо!

На этот раз он промчался по всем комнатам нижнего этажа с ломом в руке и только после этого вошел в кабинет. Даже с расстояния в два метра надпись на экране прекрасно читалась:

>Хорошо, что ты приехал, Дейл.

Дейл услышал собственное ускоренное дыхание и почувствовал, как сильно колотится в груди сердце. Он набрал в грудь побольше воздуха, сел и написал:

>Кто ты?

Он просидел так минут десять, глядя на экран и выжидая, но ответ так и не появился. «Как с чайником», – решил он, поднял лом, прошел обратно в кухню и запер входную дверь. Кофе и еда остыли, но он все же позавтракал, все время прислушиваясь.

Минут через пять Дейл снова заглянул в кабинет. На экране так и не появилось ничего нового.

Однако как только он поставил в раковину тарелку и начал мыть ее, как раздалось:

– Вам письмо!

Дейл рванул в кабинет, забыв про лом.

>barguest

Дейл громко захохотал. Ну, какой уважающий себя призрак станет называться завсегдаем бара? Это какой-то глупый псевдоним хакера, технического гения, любителя вламываться в чужие компьютеры. Он напечатал:

>Откуда ты мне пишешь, Завсегдай?

На этот раз он упорно ждал минут пятнадцать, когда слова начнут возникать на экране, но так ничего и не дождался. В конце концов Дейл выкатил из-под кровати бейсбольную битку и пошел с ней вниз – проверить подвал. Едва он закончил осматривать все темные углы и укромные закутки, знакомый голос наверху объявил о доставке письма.

Правило «чем лучше знаешь, тем меньше считаешь» работает не всегда, но осведомленность уменьшает опасения. Дейл был полон скорее любопытства, чем страха.

>thaere theode thaer men habbath hunda haefod amp; of
thaere eorthan on thaere aeton men hi selfe

Дейл ощутил, как по спине прошел холодок. Прозвище Завсегдай бара вполне могло принадлежать какому-нибудь хакеру-подростку. Вопрос в том, сколько хакеров-подростков знают староанглийский. Дейл посмотрел на слова, усилием воли заставив себя вспомнить собственные академические навыки.

«Из того края, где у людей головы псов, из той страны, где люди пожирают друг друга». Мило. Дейл не знал, откуда эта цитата, и цитата ли вообще, но он точно знал, что она не из «Беовульфа» и не из других эпических произведений, которые ему доводилось изучать. «Из той страны, где люди пожирают друг друга...»

Размышляя о «Беовульфе», он вспомнил о слове «bar-guest». Он не признал в нем никакой староанглийской формы, но в слове явственно ощущались германские корни. «Geist» означало дух или призрак, а «bar» могло бы быть вариантом «bier», «погребальные дроги». Он положил пальцы на клавиши и несколько раз глубоко вздохнул, прежде чем написать:

>Что ж, ты умен, но груб, Barguest. Не очень-то вежливо выступать из засады. Я буду с тобой говорить, только когда и только если ты расскажешь, как взломал мой компьютер и кто ты такой. Кстати, ты предпочитаешь общаться на старом или на современном английском?

На этот раз ему не пришлось совершать долгий обход. Он едва успел дойти до кухни – и знакомый голос сообщил о новом письме.

>С возвращением, Дейл. Но будь осторожен. Мы обязаны найти то, что мы потеряли. Cerberus der arge/und alle sine warge/die an hem heingem.

Дейл медленно выдохнул. Если он ничего не путает, последняя часть текста на средневерхненемецком. Дейл почти не говорил и не читал даже на современном немецком языке. Что уж говорить о средневерхненемецком. Но в период работы над диссертацией ему приходилось иметь дело в том числе и с материалами на этом языке. К тому же один из коллег буквально заставлял его изучать германский эпос и давать студентам некоторые отрывки в качестве прелюдии к «Беовульфу». Дейл хотел распечатать страницу, но принтер включался только при запуске Windows-98, а Дейл был уверен, что стоит только это сделать – и страничка DOS исчезнет. Поэтому он взял обычный блокнот и карандаш и слово в слово переписал все, что было на экране. Ниже на том же листе он сделал перевод.

Цербер arg (arag? древнорвежское argr?) И все те wargs (волки? изгой? пожиратели трупов?) Которые следуют за ним.

Удивительно то, что староанглийское слово «warg», пришедшее из германского, он узнал только вчера вечером: увидел его и в своих собственных заметках, и в заметках Клэр на полях «Беовульфа» в «Антологии» Нортон. Его руки чуть подрагивали, когда он снова принялся набирать текст:

>Хватит уже! Кто ты, черт возьми, такой? Откуда меня знаешь? И что мы такое потеряли?

Он вернулся обратно в кухню и подождал, но механический голос больше не позвал его получать новое письмо. Несколько раз он возвращался в кабинет, видел на экране те же самые строчки, снова выходил, метался по столовой, где стояли похожие на гробы обучающие машины, застывал посреди гостиной, глядя в окно на серый дождь, даже спускался в подвал. Голоса не было. Нового сообщения не приходило.

В итоге Дейл вернулся в кабинет и запустил Win-dows-98. Он щелкнул «мышью» на значке «Америка онлайн» и ввел свой пароль. Встроенный модем хрюкнул, но на экране появилось окошко «Нет сигнала на линии». Уже разозлившись, Дейл дошел до своего «лендкрузера», взял сотовый телефон, подсоединил его к модему и попробовал еще раз. Модем загудел, но на экране снова появилось сообщение: «Соединение с номером AOL невозможно». На экране самого телефона продолжала светиться надпись «Нет сети». Он вышел из Windows в DOS. После буквы С экран был пуст. Он снова загрузил Windows и попытался войти в «Америка онлайн», но так и не смог дозвониться.

После двадцати минут безрезультатной возни Дейл отсоединил телефон, вышел из папки «Америка онлайн» и захлопнул проклятый ноутбук. Потом еще раз посмотрел на слова, скопированные в бумажный блокнот. Цербер *argn* все те *wargs*, которые следуют за ним... Цербера он, понятное дело, знал: трехглавый пес, охраняющий вход в подземное царство мертвых, в inferнальный мир. Но он никак не мог догадаться, что может означать вся фраза.

Кто бы ни был этот паршивец-хакер, он, несомненно, умен и начитан, но от этого не перестает быть паршивцем.

Слишком взбудораженный, чтобы писать, Дейл схватил куртку, вернулся в кабинет за бейсбольной битой и вышел из дома. Дождь прекратился, и воздух даже потеплел, но начал клубиться туман. Видимость была меньше пятидесяти футов. У подъездной дороги виднелся черный силуэт мертвой яблони, а вот амбар и остальные постройки будто исчезли. Белый «лендкрузер» покрылся капельками воды и казался полупрозрачным в сумеречном свете. С карнизов капало.

Где-то по направлению к невидимому курятнику взвыла собака. Потом еще раз.

Дейл даже ухмыльнулся. Подняв бейсбольную биту, он пару раз хлопнул ею по ладони, натянул на голову капюшон и отправился охотиться на пса.

Туман превратил заурядную маленькую ферму Иллинойса в неведомую страну. Собака прекратила выть за миг до того, как Дейл сошел с заднего крыльца, и он не знал, в каком направлении ему идти теперь, поскольку движущаяся стена тумана заглушала и искажала звуки. Он пошел к курятнику. Дом и машина исчезли в клубящейся за спиной серой пелене.

«Мы должны найти то, что мы потеряли».

Дейл спросил у тумана вслух, подражая голосу Джея Силверхилза: [\[16\]](#)

– Кто это «мы», ты, белый человек?

Его голос звучал странно и потерянно в серой пустоте. «Мы должны найти то, что мы потеряли...»

– Песик, песик, сюда, ко мне, – позвал Дейл, помахивая битой.

Он не собирался бить собаку, ибо в жизни не ударил ни одно животное и даже человека. Он просто устал бояться этой псины. Энн много прочитала о собаках, прежде чем они завели Хассо, маленького терьера, и говорила, что, поскольку собаки до сих пор являются стайными животными, они подчиняются иерархии стаи, демонстрируют либо доминирующее, либо подчиненное поведение. Например, им так и не удалось отучить Хассо лизаться – классический образчик подчиненного поведения, который многие хозяева ошибочно принимают за выражение любви. Подчиненная собака в стае вылизывает вожака или тех собак, которые стоят выше нее в иерархии, чтобы взамен получить пищу. Этот черный пес вроде бы еще не демонстрировал Дейлу доминирующего или подчиненного положения. Дейл решил, что вполне без этого обойдется.

«Мы должны найти то, что мы потеряли...» Отставив на миг в сторону это монаршее «мы», Дейл обдумал предложение. Он приехал сюда, на ферму Дуэйна, потому что ощущал, что потерял нечто важное: Энн и девочек, Клэр, работу, уважение коллег, самоуважение, способность писать, – но в глубине души понимал, что это ощущение идет исключительно от жалости к самому себе и самолюбования. У него оставались деньги на счете в банке. Ранчо снова станет его через десять месяцев, когда истечет срок аренды. Пусть он и не совсем в

академическом отпуске, но в университете благожелательно воспримут его возвращение на кафедру, если только он сам решит вернуться. В грязном дворе фермы у него стоял отличный «автомобиль повышенной вместимости для активного отдыха» стоимостью в пятьдесят тысяч долларов, причем кредит за него был полностью выплачен. У него было написано почти шестьдесят страниц нового романа, и редактор пока что не отказался с ним работать. Нет, он потерял далеко не все. Пока еще не все.

«Мы должны найти то, что мы потеряли...» Может, дело было в этом «то, что мы потеряли»? Не он лично, а все в новом столетии. По крайней мере, его поколение. Каждый раз, когда Дейл садился писать об одиннадцатилетних детишках из лета девятьсот шестидесятого, у него начинало ныть в груди, но не из-за тоски по полузабытому лету, прошедшему много лет тому назад, а из-за некоего почти невыразимого чувства потери, от которого ему хотелось рыдать.

– Ко мне, собачка, – позвал Дейл, открывая дверь курятника и жалея, что не захватил фонарик.

Он шагнул внутрь и замер: в нос ему ударил мощный запах.

«Это не запах гнили, – констатировал Дейл. – Гораздо сильнее. Пронзительный. Свежий». Он заморгал в тусклом свете и поднял бейсбольную битку, словно дубину.

«Запах свежей крови».

Дейл едва не выскочил обратно, но желание собственными глазами увидеть, что же здесь все-таки такое, удержало его от позорного бегства. Через пару минут глаза достаточно адаптировались, и он разглядел длинное низкое помещение с пустыми насестами, старой соломой и забрызганными стенами.

Когда он заходил сюда в первый раз, стены и пол были забрызганы старой засохшей кровью. Они были забрызганы кровью и теперь, но даже в тусклом свете он явственно видел, что это свежая кровь, стекающая по грубым доскам.

«Пора уходить», – решил Дейл.

На улице он привалился спиной к стене курятника и снова поднял битку. Туман подползал ближе. Света стало еще меньше. Дейл чувствовал, как прыгает в груди сердце, и напрягал слух, чтобы не упустить ни одного постороннего звука, вроде тихого чавканья грязи под подошвами или шагов четвероногого животного. С карниза капала

вода. Откуда-то с севера донесся громкий, странно знакомый скрежет дерева, катящегося по металлу. «Неужели открываются ворота большого амбара?»

«Пора уходить. Не обратно в дом, а вообще отсюда – прочь из Иллинойса, прочь от его грошовых тайн. Обратно в Монтану. Или еще дальше на запад, в Нью-Гемпшир или Мейн. Куда-нибудь...»

Но тут же в голову пришла другая мысль: «Нет. Именно здесь мы можем найти то, что мы потеряли». Он остановился, но не потому, что мысль возникла не к месту и не была связана с происходящим, а потому что она была произнесена мысленным голосом, который принадлежал не ему.

Дейл шагал быстро, стараясь не увязнуть в грязи, напряженно прислушиваясь к звукам вокруг.

Он почти дошел до дома и вдруг увидел два огромных красных глаза, глядящих на него из тумана.

Миг спустя заработал мотор автомобиля.

«Это не глаза! Это габаритные огни!»

Дейл побежал с битой в руке, уверенный, что кто-то угоняет его машину. Габаритные огни на миг вспыхнули бордовым светом, а затем исчезли: машина быстро укатила в туман.

Дейл, останавливаясь, заскользил подошвами по грязи. Его «лендкрузер» стоял там, где и накануне. Дейл проверил сигнализацию. Машина была заперта. Но, кажется, она как-то осела в грязи...

– Черт бы все подрал, – прорычал Дейл, подходя ближе.

Все четыре шины были спущены. Дейл был уверен, что их снова проткнули.

Он вышел к парадной двери дома, вскинув биту на плечо, как для удара. По Шестому окружному двигался тяжелый автомобиль, причем слишком быстро для такого тумана.

На подъездной дороге остались следы колес. Судя по ним, здесь побывал какой-то пикап.

– Не смешно, Дерек, – проорал Дейл в туман. – Ни на грош, мать твою, не смешно! На этот раз ты со своими паршивыми друзьями пойдешь в тюрьму.

Дейл забежал в дом и осмотрелся.

«Я прожил здесь – сколько? – три недели, и за это время десятков раз обшарил этот проклятый дом!»

Дейл обшарил его еще раз.

Никаких грязных следов, кроме его собственных. Вроде бы все на месте и в том же виде, в каком и было.

Если не считать чертова компьютера. Ноутбук снова был включен, экран черный, если не считать трех строк белых букв, горящих после литеры С. На сей раз Дейл точно помнил, что перед уходом закрыл ноутбук.

Возмущенный, он подошел ближе, чтобы выключить компьютер и даже не собираясь читать очередную возмутительную шифровку. Но послание явно было стихотворной строфой, и он невольно прочел его, а когда прочел, то буквально застыл на месте. Это был уже не средневерхненемецкий и не староанглийский. Дейл Стюарт, ученый-филолог, даже узнал источник. Это был отрывок из «Песни последнего менестреля» сэра Вальтера Скотта, из песни шестой, если он ничего не перепутал. Клэр бы сказала точно. Она ходила на семинар по литературе восемнадцатого века, когда он в последний раз рассказывал об этой поэме. Клэр всегда все помнила. Но Клэр не было здесь, чтобы подсказать ему правильный ответ, и едва ли она когда-нибудь снова окажется рядом с ним.

>Угрюмый, бледный, истощенный, Молчал он, будто пораженный, Дрожащий с головы до ног.

Дейл буквально кипел от возмущения, ибо знал, что придется пройти несколько миль в тумане, чтобы его сотовый телефон нашел сеть, позвонить в гараж в Оук-Хилл и договориться о ремонте машины. Его приводила в ярость мысль, что снова придется объясняться с Ка-Джеем Конгденом, бесила внутренняя уверенность в том, что этих хулиганов никогда не поймают и никогда не накажут. Перед этими нагло вспоротыми шинами даже загадка появления в курятнике крови отступала на второй план. Дейл устал от попыток проникнуть в смысл галиматьи, которую писал неведомый хакер.

Дейл выделил строку «Выключить компьютер» и убедился, что на экране сначала осталось лишь слабое свечение, а затем он полностью почернел.

Глава 13

– Слушай, я терпеть не могу такие фильмы!

– Какие «такие» фильмы? – спросил Дейл.

Был поздний вечер Дня благодарения. В фермерском доме Дуэйна пахло фаршированной индейкой и витала дюжина других кухонных ароматов. Дейл сам купил индейку и вино, а Мишель Стеффни взяла на себя почти все хлопоты по приготовлению. К началу вечера Дейл с Мишель съели по хорошему куску от двенадцатифунтовой индейки, до обеда выпили по паре бутылок пива, и теперь приканчивали вторую бутылку белого вина. Они перемыли посуду и вернулись в столовую. Дейл накануне перенес в сарай все допотопные обучающие машины, но обеденного стола здесь все равно не было – только скамьи, на которых раньше покоились машины. Дейл сделал все возможное: перетащил скамьи в подвал, ради великого дня перенес в гостиную кухонный стол, застелил его древней льняной скатертью, которую обнаружил в чуланчике в коридоре. К этому времени солнечный свет уже погас, но во всем доме горела лишь пара огней. От подвала вверх по лестнице плыла музыка, доносившаяся из консольного радио.

– Ну, ты знаешь, – сказала Мишель, сжимая свой бокал обеими руками. – Ненавижу все эти стандартные фильмы ужасов. Ужастики. Хоррор. «Мясорубки». Все это.

Дейл нахмурился. Он пересказал ей все события прошлой недели: как обнаружил кровь в курятнике, как его машина осталась без колес, как другая машина скрылась в тумане, – он вряд ли стал бы так откровенничать, если бы не выпил столько вина.

– Так ты сравниваешь мою жизнь с каким-то «ужастиком»? – спросил он, делая вид, будто обижен, и на самом деле ощущая легкую обиду под навеянным выпивкой благодушием.

Мишель улыбнулась.

– Нет, что ты! Только я всегда терпеть не могла те моменты в этих фильмах, когда герои понимают, что происходит нечто жуткое, но все равно остаются. А потом какое-нибудь чудище приходит и приканчивает их. Ну, знаешь, как в старом «Полтергейсте», или в

дурацком ремейке «Привидений», или в тех кровавых фильмах, где бегают парень в хоккейной маске.

Дейл покачал головой:

– Я хотел уехать. Но эти кретины, как я тогда думал, снова порезали мне колеса.

– Но они же этого не сделали.

– Верно, – кивнул Дейл. – После того как я протопал в тумане до Элм-Хейвена, позвонил в Оук-Хилл, в гараж, прождал больше двух часов, пока приехали эти механики на своем эвакуаторе и отвезли меня обратно на ферму, мы с ними обнаружили, что кто-то просто выпустил из шин воздух.

– Но ты-то думал, что их снова порезали.

– Угу. – Дейл жалко улыбнулся и отхлебнул вина. – Я болван. Механики из гаража помогли мне накачать колеса. Хорошо, что хоть обошлось без шерифа Конгдена.

Мишель подлила вина в оба бокала. Теперь она тоже качала головой.

– Подумать только! Ка-Джей Конгден – шериф! Я помню его по старшим классам. Такое дерьмо! – Рыжеволосая собеседница уставила на Дейла наманикюренный палец. – Но ты все равно остался. Тебе починили машину... но ты все еще здесь.

Дейл пожал плечами.

– Ну-у... Показалось глупым уезжать после того, как я так злился из-за проколотых колес, которые вовсе не оказались проколотыми... Чья-то идиотская шутка. К тому же я сейчас работаю над романом, и, кажется, это самое подходящее место, чтобы писать его. – «Единственное место», – мысленно уточнил Дейл и посмотрел на Мишель. – И мы ведь условились вместе отметить День благодарения.

Мишель улыбнулась. В шестом классе ее улыбка была ослепительной. Сейчас, после сорока лет и тысячных счетов от голливудских дантистов, она сделалась просто великолепной.

– Так их арестовали? Этих бритоголовых? Уверена, это они спустили тебе колеса.

– Нет, – ответил Дейл. – Оказалось, что у одного из парней, которого я знаю по имени, у Дерека, алиби. Он был в Пеории вместе со своей теткой, Сэнди Уиттакер.

– Сэнди Уиттакер?! – воскликнула Мишель. – Господи! Неужели здешний народ до самой смерти не уезжает от дома дальше чем за пять миль? Сэнди Уиттакер! Бьюсь об заклад, она разжирела и вышла замуж за агента по недвижимости.

Дейл медленно покачал головой.

– Не совсем. Она разжирела и *сама* стала агентом по недвижимости. В любом случае помощник шерифа, с которым я на следующий день говорил по мобильному телефону, не слишком горел желанием искать мелких хулиганов, которые всего лишь спустили шины чужаку. Так что я не стал ничего предпринимать.

– А как же кровь? – спросила Мишель.

Когда она наклонялась вперед, вот как сейчас, Дейл видел в низком вырезе зеленой шелковой блузки круглые, плотно прижатые одна к другой груди. Ее калифорнийский загар начал бледнеть, и веснушки почти не выделялись на нежной светлой коже.

– Кровь? – переспросил Дейл.

– Ты говорил, что в местном курятнике все было в крови. Думаешь, эти скинхеды, которые спустили тебе шины, забрызгали ею курятник?

Дейл поставил бокал и развел руками.

– Кто знает? Помощник шерифа, с которым я говорил, заявил, что в обязанности полиции не входит отлавливать лис и бродячих собак, которые режут кур.

– Так ты считаешь, это лиса или бродячая собака?

– Нет, – ответил Дейл. – Это была не куриная кровь. Кур там не было уже лет сорок.

– Было бы здорово, если бы кто-нибудь сделал анализ крови на ДНК, – сказала Мишель. – Ну, чтобы определить, куриная это кровь или... чья-то еще.

После этой фразы повисла тишина.

– Так, значит, тебе не нравятся логические просчеты в этих фильмах? – после паузы заговорил Дейл. – В «ужастиках», в триллерах...

Мишель внимательно рассматривала свой бокал, обдумывая вопрос. В свете лампы у нее за спиной коротко остриженные волосы сияли, словно охваченные огнем.

– Мне не нравится, когда сценаристы и режиссеры, чтобы поэффектнее ухлопать своих персонажей, заставляют их вести себя как полные идиоты.

– Так ты считаешь, я поступил по-идиотски, когда остался здесь?

– Нет – ответила Мишель. – Я рада, что ты остался. Рада, что мы вместе приготовили индейку. Возможность провести День благодарения в компании стала для меня приятным сюрпризом.

Она снова подалась вперед, и какой-то миг Дейл был уверен, что она сейчас возьмет его руку, лежащую на белой скатерти, в свои. Вместо этого Мишель указала на потолок.

– Кстати, о сюрпризах... Не пойти ли нам наверх, чтобы убрать пластик и посмотреть, что скрыто за ним?

Дейл проглотил залпом остатки вина и посмотрел на потолок.

– То есть ты не против тех эпизодов в «ужасниках», где герои отправляются в какое-нибудь место, от которого им советовали держаться подальше?

– Откровенно говоря, – сказала Мишель Стефф-ни, – мне нравятся такие повороты сюжета. Обычно на этом этапе фильма я перестаю печалиться по поводу судьбы героев и начинаю сочувствовать чудовищу, психопату – или кто там еще есть. И все-таки, мне кажется, нам стоит узнать, что находится наверху.

– Зачем? – спросил Дейл. – Этаж стоял пустой несколько десятилетий. К чему теперь смотреть, что там?

Мишель снова одарила его ослепительной улыбкой. Дейл невольно удивился про себя, почему она не стала знаменитой актрисой.

– Это нас не было там несколько десятилетий, – усмехнулась она. – Лично я просто не смогу уехать из Элм-Хейвена, так и не выяснив, что скрывается за слоем пластика.

– О, – многозначительно произнес Дейл. – Я уже знаю, что там, наверху.

Первое, о чем спросила Клэр Ту-Хартс, когда Дейл взял ее с собой на длинный уик-энд в национальный парк Глейшер и в резервацию «черноногих», было:

– А ваша жена знает, что мы уехали вдвоем?

Дейл был готов к подобному вопросу, но не к откровенности, с какой он был задан. Он даже залился краской, прежде чем ответить:

– Энн привыкла к моим частым вылазкам на природу вне сезона. И я часто беру с собой студентов, если им это интересно. Она не возражает. У нас весьма благополучный брак.

Последнее утверждение было правдой, а вот все сказанное выше – почти ложью. Он никогда не выезжал на север в обществе только кого-то одного из студентов. Обычно в парк с ним отправлялись несколько парней-выпускников, любителей лазать по горам и ночевать у костра. Энн, загруженная бесконечной чередой дел, просто никогда не спрашивала, кто сопровождает его по осени на природу.

Клэр глядела на Дейла, словно читая все невысказанное по выражению его вспыхнувшего румянцем лица. Затем она кинула свой рюкзак на заднее сиденье «лендкрузера» и забралась на кожаное сиденье рядом с водительским.

У обоих в пятницу не было занятий – ничего удивительного, если учесть, что по неведомым для куратора причинам мисс Клэр Харт почему-то посещала только те занятия для первокурсников, которые вел доктор Стюарт, – поэтому они решили выехать в четверг вечером и сделать первый привал на озере Флатхед, прежде чем отправиться дальше через национальный парк, а потом на восток, в резервацию. Было начало октября, и, хотя Дейл привык с недоверием относиться к погоде в Глейшере и к северу от него в любое время года, эта осень (и наступившая за ней зима) была поразительно теплой и почти без снега. Тополя и осины стояли во всей красе.

Дейл проехал несколько миль на запад от Мизулы по шоссе 1–90, вывернул на шоссе 93 и двигался по нему около шестидесяти миль на север, к Полсону и южной оконечности озера Флатхед. Чтобы объехать небольшой городок Равалли, они немного отклонились на восток, а затем поехали уже строго на север. Дейл упомянул о Национальном бизоновом ранчо, расположенном к западу от шоссе, но Клэр в ответ только молча кивнула. Они проехали Сент-Игнатиус, печальный маленький городишко резервации флатхедов. Дейл украдкой покосился на свою пассажирку, однако Клэр внимательно всматривалась в мелькающие за стеклом пейзажи умирающей резервации и ничего не говорила.

Дорога к озеру Флатхед, а затем вдоль него всегда была прекрасна – острые зубцы Миссианских гор подпирали собой небесный свод слева, – а особенно хороша в свете осеннего послеполуденного солнца,

когда осины от легкого дуновения ветерка превращались в живое золото; только Клэр Ту-Хартс ехала в молчании, и Дейл решил, пусть он будет проклят, если первым заговорит об ошеломляющих красотах, окружающих их со всех сторон.

Когда они подъезжали к Полсону, настало время обеда, но Дейл знал одно прелестное местечко, где можно было поесть: в старом деревянном городке Сомерсе приблизительно в двадцати милях от Полсона, поэтому он хотел проехать Полсон насквозь, а затем по шоссе 93 свернуть на западное побережье озера Флатхед. Но приблизительно в двух милях от Полсона Клэр вдруг сказала:

– Погодите! Мы не могли бы здесь остановиться?

«Здесь» оказалось в «жемчужине американских музеев», как хвастливо утверждала выцветшая вывеска «самого большого музея на западе Монтаны». Дейл останавливался здесь год назад с Энн и девочками, но потом уже не обращал внимания на это место.

– Старая пыльная дыра, – сообщил он Клэр, съезжая на стоянку. – Танки, тракторы, коллекция тракторных сидений... скорее какая-то свалка старья, а не музей.

– Прекрасно, – отозвалась Клэр.

Они больше часа провели в обшарпанном музее и добрую половину этого времени слушали музыкальные записи в местном «Зале скрипичной славы». Клэр улыбалась всему: коллекции сидений из тракторов, пушкам танков, оставшихся от трех войн, моторизованным саням, пожелтевшим газетам под стеклом, старым игрушкам, с которых осыпалась краска. Дейлу пришлось признать, что все это довольно любопытно – в своем, непритязательном, кичевом, роде.

Почти стемнело, когда они снова пустились в путь, миновали Полстен и поехали на север вдоль озера. Здесь поднимающиеся на востоке острые горы были особенно прекрасны – ранчо Дейла находилось как раз на другом берегу озера, рядом со станцией микробиологических исследований, но он решил упомянуть об этом, только если Клэр скажет что-нибудь о виде или окрестных горах. Она ничего не сказала, он тоже промолчал.

Они пообедали в пабе Тибекера, в Сомерсе, на северной оконечности озера. Клэр съела только салат и, отклонив предложение Дейла, заплатила за еду сама. После обеда они проехали еще несколько

миль на восток, где Дейл знал отличное место для привала, прямо на берегу, на территории Вейфарерского национального парка. Они почти на два часа отставали от расписания, которое он себе наметил, поэтому разбивать лагерь пришлось уже в полной темноте при свете фонариков и фар «лендкрузера». Клэр, кажется, нисколько не переживала по этому поводу.

Люди, увлекающиеся туризмом, обычно многое могут сказать о своих спутниках по виду их экипировки. На Дейле были старые прочные ботинки, но в своем походном рюкзаке фирмы «Грегори» он нес дорогую альпинистскую палатку «Норд-Фейс», спальный мешок на гусином пуху, новинку сезона, и еще высокоэкономичную газовую плитку в чехле, а к ней кучу замороженной или засушенной провизии в пакетиках. У Клэр был только старый швейцарский военный рюкзак из парусины. Вместо палатки – кусок непромокаемого брезента, который она установила меньше чем за минуту: просто подперла в центре альпенштоком, а по краям придавила камнями, – и старый военный спальный мешок, выглядевший так, словно его и вправду оставил в Италии после Второй мировой войны кто-то из солдат Десятой горной дивизии. А запас провизии состоял из бутылки воды, фруктов и крекеров.

Дейл предложил развести костер – вечерний ветер становился все холоднее, – но Клэр заявила, что устала, и скрылась под своим брезентом. Дейл немного посидел снаружи, любуясь звездами, однако вскоре заполз в свою палатку стоимостью в семьсот долларов и попытался заснуть.

На следующее утро – ясное и холодное – они выпили кофе в своем лагере, а по-настоящему позавтракали в кафе летнего театра в Биг-Форке, после чего отправились на север, в западную часть национального парка Глейшер.

Они собирались проехать через парк Глейшер до резервации «черноногих» индейцев, затем на юг вдоль Боба и Передового хребта до маленького городка Харт-Батт в резервации, где родилась мать Клэр. В субботу они хотели отправиться напрямиком в Мизулу, по шоссе 2, идущему на юг вдоль озера Флатхед. Дейл настоял на экскурсии в Глейшер – это входило в обязательную программу его ежегодных осенних вылазок на природу, хотя главной его целью на этот раз было поразить юную спутницу видами Монтаны.

Пятьдесят две мили по «Дороге к Солнцу» были потрясающими, только нужно видеть все своими глазами, чтобы понять, насколько величественно это зрелище. Примерно восемь миль они ехали на восток вдоль узкого, но чрезвычайно глубокого озера Макдоналд, затем начали подниматься по горной дороге к перевалу Логана. Дейл время от времени поглядывал на Клэр. Молодая женщина смотрела на все внимательно, но не выражала восхищения невероятными видами.

Отъехав от озера мили на четыре, Дейл свернул на дорогу к палаточному лагерю Эваланш.

– Не хотите немного прогуляться пешком? – спросил он. – Я знаю чуть выше по дороге отличную кольцевую тропу, не очень длинную.

– С удовольствием.

«Кедровая тропа» была проложена специально для туристов и вилась между двухсотфутовыми тсугами ^[17]и красными кедрами. Частично она представляла собой деревянный настил, который защищал нежные папоротники и мхи. В то прекрасное октябрьское утро на тропе, кроме них, не было никого. Мягкий ветерок шевелил ветки высоко над головой, их шуршание казалось Дейлу таким же умиротворяющим, как шепот морского прибоя. Солнечные лучи пробивались сквозь кроны деревьев, и воздух наполнялся ароматом разогретых на солнце хвоинок и перегноя. В том месте, где деревянный настил пересекал ручей Эваланш, вода стекала по поросшим мхами каменным ступеням и исчезала в глубоком узком ущелье.

– Вы не жалеете, что у нас с собой нет фотоаппарата? – спросил Дейл.

– Нет, – ответила Клэр Харт.

– Нет?

Она отрицательно покачала головой.

– Никогда не путешествую с фотоаппаратом. Иногда беру с собой альбом, но никогда – фотоаппарат. Мне всегда жалко видеть туристов, которые всю дорогу щелкают камерами или смотрят на все через глазок видоискателя, с нетерпением дожидаясь момента, когда окажутся дома, чтобы наконец рассмотреть все то, что могли увидеть собственными глазами.

Дейл кивнул, делая вид, что согласен.

– Но вы не можете не признать, что это одно из самых прекрасных мест в мире.

Клэр пожала плечами.

– Очень эффектное.

Дейл улыбнулся.

– А это не то же самое, что прекрасное?

– Не совсем, – ответила Клэр. – Эффектное зрелище просто более доступно притуплённому восприятию. Во всяком случае, я так это понимаю. А подобные пейзажи трудно оставить незамеченными. Точно так же, как арии Вагнера.

Дейл нахмурился при этих словах.

– Так вы не находите парк Глейшер прекрасным?

– Я не нахожу его утонченным.

– А утонченность так уж важна?

– Иногда – сказала Клэр – некоторые вещи должны быть утонченными, чтобы стать по-настоящему прекрасными.

– Приведите пример утонченного прекрасного места, – потребовал Дейл.

– Тоскана, – не задумываясь ответила она.

Дейл никогда не был в Тоскане, поэтому ничего не ответил. Через минуту, сойдя на тропинку за дощатым настилом, он заметил:

– Ваш народ почитал эти горы священными.

Клэр улыбнулась при словах «ваш народ», но промолчала. Лишь когда они вернулись на стоянку, она спросила:

– А вам известны хотя бы какие-нибудь горы в мире, которые примитивные народы не считали бы священными?

Дейл задумался и ничего не ответил.

– Горы всегда являлись принадлежностью богов, собственностью какого-нибудь Иеговы, разве не так? – продолжала Клэр. – Далекое, неприступное, опасное... место, откуда нисходят потоки холодного ветра и налетают карающие бури... всегда молчаливо присутствующие, всегда заметные, подминающие под себя все и никогда не бывающие по-настоящему дружелюбными. Дикие племена преклонялись перед ними, но им хватало ума держаться от гор подальше. Пришельцы с Запада лезут на них и умирают от холода и нехватки кислорода.

– О господи! – Дейл закатил глаза. – Теология. Социологический комментарий.

– Простите, – сказала Клэр.

Они продолжали подниматься к фантастически прекрасному перевалу Логана. Дейл рассказал Клэр, что этот перевал обычно закрыт уже в начале осени, но в этом году снегопады что-то задержались. Она кивнула, не сводя глаз с горного козла, застывшего на скале в сотне метров от них.

Выбрав дорогу с запада на восток, Дейл приберег «на сладкое» самый впечатляющий вид: озеро Сент-Мэри с высокими пиками на западном берегу и крошечным островом Дикого Гуся на переднем плане. Он подумал, глядя на пейзаж, что если бы вдруг получил хотя бы по десятицентовику за каждую фотографию, сделанную именно с этой точки, ему бы никогда больше не пришлось ни преподавать, ни писать. Однако Клэр никак не отреагировала, словно и не заметила открывшейся взгляду красоты. Они миновали восточные ворота парка еще до ленча.

Выехав из парка, они пересекли маленький городок Сент-Мэри, уже в резервации, и направились на юг по плоскому печальному ландшафту, держа путь на Харт-Батт. Дейл поймал себя на том, что своей заносчивостью, своим нежеланием восхищаться тем, что заслуживает восхищения, отказом от собственных корней спутница вызывает в нем раздражение. Он жалел, что ему придется провести в ее обществе еще целый вечер и весь следующий день, прежде чем он сможет вернуться к Энн, к дочкам, к своей работе. Он жалел, что пригласил эту испорченную дочку оперной дивы в поездку, которая в течение всей жизни в Монтане неизменно успокаивала его и приводила в отличное расположение духа. Он жалел, что вообще заговорил с Клэр Ту-Хартс о ее настоящей фамилии.

Всего несколько часов отделяло его от того момента, когда он станет любовником Клэр Харт и, хуже того, влюбится в нее по уши.

– Дейл?

Он поглядел поверх бокала на Мишель Стеффни.

– Ты еще здесь, Дейл?

– Конечно, – ответил он. – Просто немного задумался.

– Ты собирался рассказать мне, что находится за слоем пластика на втором этаже и как ты об этом узнал.

Он кивнул и поставил бокал на заляпанную вином скатерть.

– «Веселый уголок», – ответил он. Лицо Мишель не выразило понимания.

– Когда мы были детьми, Дуэйн называл свой дом «Веселым уголком», – продолжал Дейл. – Так называется рассказ Генри Джеймса. История с привидениями.

– Как «Поворот винта»? – спросила Мишель. Она закурила сигарету и выдохнула облачко дыма через тонкие ноздри.

Когда еще днем Мишель спросила, можно ли ей будет курить после обеда, он ответил: «Конечно», но удивился, что она до сих пор не избавилась от этой привычки. Теперь его удивило, что она знает «Поворот винта». «Нечего судить о людях по первому впечатлению», – упрекнул он себя и словно вновь услышал голос Энн, произносящий эту фразу: она сотни раз за время их брака предостерегала его от поспешных выводов.

– Не совсем как «Поворот винта», – ответил он, – более утонченный вариант того же сюжета.

«Утонченный... Некоторые вещи должны быть утонченными, чтобы стать по-настоящему прекрасными».

Мишель стряхнула пепел в маленькую вазочку, которую использовала в качестве пепельницы. Она ждала продолжения.

– В «Веселом уголке», – продолжал Дейл, – типично джеймсовский герой, пятидесятишестилетний человек по имени Спенсер Брайдон, возвращается в Нью-Йорк, точнее, вообще в Америку после нескольких десятилетий, проведенных в Европе. Ему предстоит привести в порядок кое-какую свою недвижимость, в том числе и многоэтажный старый дом на Манхэттене, в котором он вырос...

– И это место в его семье называли «Веселым уголком», – догадалась Мишель.

– Именно. Дом стоит пустой, никакой мебели, но в рассказе Брайдон становится одержим этим домом, приходит туда каждую ночь, поднимается по лестницам, бродит в темноте с фонариком или свечой по пустым комнатам... и все ищет чего-то... или кого-то.

– Привидение, – вставила Мишель.

– Типично джеймсовское привидение, – согласился Дейл. – Потому что Спенсер Брайдон совершенно убежден, что в «Веселом

уголке» живет призрак его второго «я».

– Второго «я»? – В сиянии свечей глаза Мишель казались совсем зелеными.

Дейл пожал плечами. Запах сигаретного дыма породил в нем желание покурить, хотя он бросил это занятие больше двадцати пяти лет назад.

– Человека, каким Брайдон мог бы стать и стал бы, останься он в Штатах, – пояснил он. – Если бы он начал зарабатывать деньги, вместо того чтобы посвящать свое время в Европе более утонченным занятиям.

– У-у – насмешливо протянула Мишель. – Звучит жутко. Прямо в духе Стивена Кинга.

– Это и в самом деле жутко, но по-своему, – возразил Дейл, пытаясь вспомнить, была ли Клэр на его семинаре для первокурсников, посвященном «Веселому уголку». Нет, кажется, ее тогда не было. – Когда он в итоге встречается с призраком своего второго «я», – продолжал Дейл, – тот оказывается ужасным: грубый человек, без пальцев, этакий мистер Хайд высокоинтеллектуального доктора Джекила – Спенсера Брайдона. – Дейл на секунду прикрыл глаза, пытаясь вспомнить цитату из Джеймса. – «Застылый, но одушевленный, призрачный и вместе с тем реальный – мужчина того же состава и той же стати, что и он сам, ждал его внизу, чтобы насмерть помериться с ним силами».

– Здорово, – восхитилась Мишель. – У тебя отличная память.

Дейл покачал головой.

– Просто я столько раз повторял эту фразу за годы преподавания... несколько десятилетий рассказывал своим студентам эту историю. – Он нахмурился. – Но вернемся к рассказу. Спенсер Брайдон встречается среди ночи с призраком себя самого и...

– Погибает?

– Теряет сознание, – ответил Дейл. Он улыбнулся. – Все-таки это Генри Джеймс.

– И чем заканчивается рассказ? – спросила Мишель, затаптывая сигарету в пепельнице и глядя на него с сомнением: продюсер, которому не особенно нравится то, что принес ему сценарист. – Он теряет сознание? И это все?

Дейл потер подбородок.

– Не совсем. У читателя создается впечатление, будто Спенсер Брайдон умер. Он много часов лежит без сознания, но в дом приходит его старая приятельница, леди Алиса Ставертон – кажется, так ее зовут, – которая предчувствует, что он попал в беду. Она просит поденщицу, миссис Малдун или миссис Мелдун, не помню ее имени, впустить ее в дом, и, когда Брайдон приходит в себя, его голова покоится на коленях Алисы. Он ощущает, как утверждает Джеймс, «необычайную мягкость и легкое освежающее благоухание».

– Сексуально, – заметила Мишель. Дейл вдруг покраснел.

– Я не думаю, что он... то есть, я хочу сказать, он не стал бы намеренно... Как бы то ни было, в финале у читателя складывается впечатление, будто от второго «я» героя спасает любовь доброй женщины...

Мишель вежливо хмыкнула.

– Любовь доброй женщины, – повторила она негромко. – Подобных фраз я не слышала уже лет сто.

Дейл кивнул, все еще по-идиотски заливаясь румянцем.

– И в самом конце Алиса Ставертон говорит Брайдону: «Он не вы, нет, нет, он все-таки не вы» – или что-то в этом роде – и прижимает Брайдона к своей груди.

Дейл умолк, жалея, что вообще взялся все это рассказывать.

Мишель снова улыбнулась и посмотрела вверх.

– Так мы тоже найдем там их? Наши вторые «я»? Кем бы мы оба стали, если бы не уехали из Элм-Хейвена?

– Жуткая мысль, а? – Дейл улыбнулся в ответ.

– Кошмарная, – согласилась Мишель. Она встала, потянулась к сумочке, которую повесила на спинку стула, достала оттуда нож для разрезания картонных коробок и большим пальцем вытянула лезвие с одного конца. – Я пришла не с пустыми руками.

– Это чтобы отбиваться от привидений? – поинтересовался Дейл, поднимаясь вслед за ней.

– Нет, глупый. Это чтобы разрезать пластик.

Глава 14

Я не смог бы сказать Дейлу, что ждет его на втором этаже. Потому что и сам понятия не имел. Старик забил второй этаж, когда мне было три года – это произошло вскоре после смерти матери, – и я даже не помню, чтобы хоть раз был там. Может быть, это покажется странным: восемь лет прожить в доме, где вход на второй этаж намертво замурован пластиком, но мне в то время это вовсе не казалось чем-то необычным. Мой Старик на какие только ухищрения ни шел, чтобы сэкономить деньги, и я знал, что отапливать весь дом ради нас двоих слишком дорого. К тому же на втором этаже была их спальня – Старика и моей матери, – и я довольно скоро понял, что он не хочет ночевать там без нее. И не потому, что она умерла в той комнате. Она умерла в больнице в Оук-Хилле. Как бы то ни было, у нас не наблюдалось нехватки спальных мест: Старик спал в кабинете, а я устроил себе комнату в подвале еще до того, как перестал ходить в детский сад.

Что же до названия фермы, я окрестил ее «Веселым уголком» из чистого тщеславия, когда в семь лет прочитал рассказ Джеймса. По большому счету, мне просто нравилось, как это звучит. Правда, ферма был чем угодно, но только не веселым местом, когда Старик уходил в очередной запой – он становился злым, если напивался – и мы оба жили в основном каждый сам по себе. Если там и были какие-нибудь «вторые «я», бродящие тенью по дому, все они принадлежали Старика. Мой отец был весьма одаренным человеком, но в нем отсутствовал некий человеческий ген, позволяющий людям доводить начатые дела до конца. Он бросил Гарвард перед Второй мировой войной без всякой причины – так и не смог объяснить мне почему, – и даже льготы, предоставляемые Солдатским биллем о правах, не заставили его вернуться в высшую школу. Его брат, мой дядя Арт, закончил не только колледж, но даже несколько курсов в университете. Скорее, это мой дядя Арт был тем самым вторым «я» из «Веселого уголка», с которым предстояло столкнуться моему отцу: дядя Арт не пил, писал книги, преподавал, путешествовал, часто менял жен – в

общем, наслаждался жизнью. Вероятно, гена радости моему Старикуну тоже не досталось.

Навеянный «Веселым уголком» вопрос, кем бы он мог стать и что растерял по дороге, сверлил мозг Дейла Стюарта не один месяц. Пытаясь написать свой роман о мальчишках Элм-Хейвена и лете шестидесятого, Дейл вглядывался, не отрываясь, в чистоту и размах того потенциала, о котором лучше было бы вовсе не вспоминать.

Потенциал, решил Дейл, этот в точности тот вид проклятия, о котором как-то говорил Линус из «Арахисовых орехов». Он являлся бременем, пока не был осознан, и вечным наваждением, если был оценен неверно. И каждый день, каждый час, с каждым самым маленьким принятым решением большой кусок потенциала уменьшался, пока – в конце пятидесятых, по мнению Дейла, в последние годы жизни в семье – этот потенциал не истощился до полного нуля.

Клэр однажды обрисовала топографию бытия в схожих терминах: перевернутый конус, сходящийся к полному нулю. Теперь Дейл был согласен с этим определением.

Серьезность их намерения открыть второй этаж несколько протрезвила Дейла. Он оставил Мишель ждать, а сам сходил в кабинет и вернулся с бейсбольной битой.

– Это что, должно защитить нас от призраков? – спросила она.

Дейл пожал плечами. Он захватил с собой еще и фонарик и направил его на заслон из пожелтевшего пластика, пока Мишель доставала свой нож.

– Не окажете ли мне эту честь? – поинтересовалась она.

У Дейла руки были заняты битой и фонариком, поэтому он согласно кивнул:

– Давай.

Мишель не стала раздумывать. Она решительно вспорола первый слой пластика, проведя линию футов в пять длиной от правого верхнего угла в левый нижний. Затем она провела еще одну диагональную линию в другом направлении. Зазубренные обломки упали на пол, когда она потянула на себя первый слой. Оставались еще второй и третий.

– Пока еще есть возможность отказаться от нашей затеи, – усмехнулась она. Глаза ее ярко блестели.

Дейл отрицательно покачал головой, и Мишель разрезала оставшиеся слои, выдергивая их из рамы с таким азартом, будто открывала рождественский подарок.

Дейл и сам не знал, чего он ждал – наверное, дуновения спертого воздуха, ветра, который вырвется из-за стены пластмассы. Но пластик упал, а если что-то и было в воздухе второго этажа, кроме холода, Дейл этого не почувствовал. Зато холод, словно бурная река ворвавшийся через дыру в пластике, он ощутил мгновенно. Мишель со щелчком убрала лезвие своего ножика и поежилась. От холода ее соски явственно проступали под блузкой.

– Как там темно, – сказала она тихо, почти шепотом. – И как холодно.

Дейл кивнул, шагнул в коридор второго этажа и осветил фонариком во все стороны. Здесь все было совсем не как в его сне. Никаких комнат справа – только две закрытые двери слева. Он увидел у стены тот самый узкий стол, который рассмотрел, когда в первый раз вглядывался сквозь пластиковую стенку. На столе стояла лампа в викторианском стиле. Окна занавешены тяжелыми портьерами. Пол из лиственницы – никаких ковров – казался странно чистым. Неужели это место было настолько плотно запечатано почти пятьдесят лет, что даже пыль сюда не проникала?

Прислонив на мгновение бейсбольную биту к столу, Дейл повернул старомодный выключатель лампы. Никакого результата. Либо лампочка вывернута, либо мистер Макбрайд обрезал на втором этаже проводку.

«Да ладно, – подумал Дейл. – Это же было пятьдесят лет назад».

Мишель взяла его за руку.

– Почему мы не могли сделать это при дневном свете? – прошептала она.

– Слишком глупо, – ответил Дейл. Его голос громко прозвучал в пустом коридоре с деревянным полом. – К тому же нам нужно было выпить. – Он снова поднял биту и сделал несколько шагов по коридору, Мишель старалась не отставать. – Лучше останься здесь, поближе к лестнице, – сказал он, проявляя галантность.

– Ага, как же, сейчас, – фыркнула рыжеволосая. – Как во всех этих дурацких фильмах: «Давайте поделимся». Ты уж не обижайся, Дейл Стюарт, но не пошел бы ты с такими предложениями!

Дейл усмехнулся в ответ на ее тираду. Они остановились в дверях первой спальни. В комнате была только старомодная кровать – полосатая простыня и подушка, матрас, пожелтевший от старости, но почему-то все равно опрятный на вид – и одинокий туалетный столик без зеркала. Еще был стенной шкаф, дверца открыта, внутри ничего. Не заходя в первую спальню, Дейл двинулся ко второй, стараясь припомнить подробности своего сна.

Какими бы жуткими ни были эти подробности, во второй спальне не оказалось ничего похожего. Комната была пуста, если не считать детского кресла-качалки, оставленного ровно посередине комнаты, однако прямо над креслом висела массивная, богато отделанная люстра. Огромное серое мокрое пятно расплзлось почти на весь потолок, оно походило на выцветшую фреску или тест Роршаха^[18].

– Как странно, – шепотом произнесла Мишель. – Зачем они повесили здесь такую большую люстру. И это детское кресло...

– Если оно вдруг закачается, – откликнулся Дейл – я...

– Заткнись! – сдавленно вскрикнула Мишель. Испуг в ее голосе не был наигранным.

Они вошли в комнату. Дейл щелкнул выключателем. Ничего. Он осветил фонариком на стены, на плотно занавешенные окна, заглянул за дверь. Ничего интересного. Даже узоры на обоях выцвели до полной неузнаваемости.

– Только подумай, – тихо заговорила Мишель, – этим воздухом дышали в последний раз в те времена, когда президентом был Дуайт Эйзенхауэр.

– Просто то, что живет здесь сейчас, вообще не дышит, – произнес Дейл, подражая Роду Серлингу^[19].

Мишель стукнула его кулаком по плечу. Очень чувствительно.

– Давай осмотрим первую комнату. – Дейл остановился в коридоре и осветил фонариком противоположную стену. – Как странно, – заметил он. – Создается полное впечатление, что на этой стороне тоже должны быть комнаты. Место-то есть: они бы пришлись как раз над кухней. – Луч света метался туда-сюда, но всюду были только древние выгоревшие обои. Никаких признаков замурованной двери.

– Потерянная комната, – прошептала Мишель.

– «Бочонок амонтильядо», – пробормотал Дейл.

– Что-что?

Дейл покачал головой и пошел в первую комнату. Холод здесь, наверху, действительно был невыносимый. Он задумался, не поставить ли пластик на место и не заколотить ли снова второй этаж.

Дейл шагнул в комнату, не предчувствуя ничего дурного, и нахлынувшее чувство оказалось для него таким сильным, что он отшатнулся и едва не выскочил обратно в коридор.

– Господи Иисусе! – невольно вырвалось у него.

– Что такое? – спросила Мишель, крепко сжимая его руку.

– А ты разве не чувствуешь?

– Не чувствую чего? – Она посмотрела на него в отраженном свете луча фонарика. – Не шути больше, Дейл!

Но Дейл и не думал шутить. Он не слишком хорошо разбирался в паранормальных явлениях, поэтому понятия не имел, чего ждать от так называемых комнат с привидениями, – наверное, какого-нибудь неестественно холодного пятна, мерзкого запаха разлагающейся плоти, вроде того, что он ощутил сразу по приезде, чего-то холодного и мертвого, что заденет тебя по лицу, пролетая во тьме.

Ничего этого не было.

В тот миг, когда Дейл вошел в комнату, его тут же захлестнула волна всепоглощающего плотского желания. Нет, даже не желания. Это было слишком слабое слово. Похоти. Эрекция была немедленной и могучей, Мишель не заметила этого только благодаря кромешной тьме и длинному свитеру, который Дейл надел по случаю Дня благодарения.

Но еще сильнее эрекции была похоть, охватившая все его существо. Он развернулся к Мишель, не зная, что сказать, и тут же в глаза ему бросились соски, которые по-прежнему четко вырисовывались под блузкой, глубокий вырез, линия бедер, рыжие волосы – волосы у нее на лобке тоже будут рыжими, а кожа внизу живота почти наверняка молочно-белая, а те, другие, губы бледно-розовые – и ощутил мощное, почти непреодолимое желание отбросить в сторону дурацкую бейсбольную битку, выключить фонарик, повалить ее на кровать, вжать в матрас, сорвать одежду и...

– Господи Иисусе! – повторил Дейл и шагнул обратно в коридор.

Как только он оказался за порогом, волна похоти мгновенно схлынула. Эрекция осталась, но теперь он был в состоянии мыслить.

– Что там? – снова спросила Мишель.

Она вышла вслед за ним в коридор и теперь оглядывалась на комнату с явным испугом. Луч от фонарика прыгал по стене коридора, и комната погрузилась в совершенную тьму.

– Что?

Дейл только покачал головой. Его одолевало дикое желание бессмысленно расхохотаться. Ну разве кто-нибудь когда-нибудь слышал, что комната с привидением может сделать из человека Приапа? Не с привидением, а с затвердением.

– Да что там? – допытывалась Мишель, ослабив хватку, но зато подойдя к нему вплотную.

Дейл сделал шаг назад, испугавшись того, что на близком расстоянии она ощутит его эрекцию и что от малейшего прикосновения ее круглых грудей он вновь потеряет над собой контроль. Он прижимал фонарик к боку, чтобы самому оставаться в темноте.

– Ты почувствовала что-нибудь? – спросил он наконец.

– Нет. А ты?

– Угу, – пробормотал Дейл.

Этот ответ явно не отражал всей полноты его ощущений. Он дошел до того, что едва не изнасиловал свою гостью, малознакомую женщину пятидесяти одного года от роду. Дейл снова помотал головой, чувствуя, как испаряются последние струйки желания. Он не испытывал подобных эротических всплесков со времен своей далекой юности, а может быть, и вообще никогда. «Это, – подумалось ему, – должно быть, тот самый вид потери сексуального контроля, которого так опасаются тупоголовые фундаменталисты, когда пытаются запретить порнографию и любую эотику вообще. Секс, лишенный всяческой человечности. Чистая сексуальная энергия, абсолютное желание. Похоть, лишенная рассудка». Он обернулся на темный дверной проем. Научный подход требовал повторить эксперимент: войти еще раз и посмотреть, что произойдет.

«Не сегодня, Чарли», – подумал Дейл.

– Что это было? – спросила Мишель, на этот раз совсем уже серьезным тоном. Она схватила Дейла за плечи и слегка встряхнула. – Ты что-то видел? Почувствовал какой-то запах?

Дейл выставил между ними фонарик, вынуждая ее убрать руки, и попытался улыбнуться.

– Просто... некое ощущение, – произнес он хрипло. – Мне сложно описать.

– Тоска? – спросила Мишель.

– Не совсем.

– Но что же тогда?

Он поглядел на ее бледневшее в красноватом свете лицо.

– А ты правда ничего не почувствовала? Вообще ничего?

Она чуть прищурилась.

– Ну, в данный момент я чувствую, что вот-вот описаюсь от страха. Если это твоя манера шутить, знай, что это не смешно!

Дейл согласно кивнул и снова попытался улыбнуться.

– Извини. Мне кажется, во всем виноваты пиво и вино. Я нечасто выпиваю столько и... ну, еще я принимаю лекарства, которые плохо сочетаются с алкоголем. – «Точно, – подумал он, – только и прозак, и снотворное делали из меня импотента, а не жеребца». А вслух предложил: – Может быть, нам стоит спуститься вниз?

Часть его подсознания до сих пор требовала затащить Мишель Стеффни обратно в темноту и как следует отыметь ее.

– Пожалуй, – согласилась Мишель, пристально глядя на него, – наверное, нам действительно стоит спуститься вниз. Уже совсем поздно. Мне пора идти.

Глава 15

Направляясь в сторону резервации «черноногих» тем прекрасным осенним днем четыре года назад, Дейл пытался завести разговор с Клэр Харт, точнее, с Клэр Ту-Хартс. Эта местность была известна обитателям Монтаны как Граница Скалистых гор, или попросту Граница, и справедливость этого названия была заметна во всем: покрытые снегами острые пики поднимались справа от них, пока они ехали на юг по шоссе 89, а слева тянулись, уходя в бесконечность, пустынные равнины. Дейл несколько раз взглянул на свою спутницу, ожидая хоть каких-то комментариев, но Клэр отреагировала на эти виды точно так же, как на виды Глейшера. Иными словами, никак.

– Не хотите зайти в «Музей индейцев Великих Равнин»? – поинтересовался Дейл, когда они въехали в городок Браунинг, расположенный в резервации.

– Нет, – ответила Клэр.

Она глядела на уплывающий вдаль обшарпанный город со всеми его приманками для туристов и сувенирными лавками – большинство сейчас, в конце туристического сезона, уже были закрыты, – продающими «подлинные предметы быта индейцев».

– Вас все это злит? – спросил Дейл.

Она обернулась и посмотрела на него своим удивительно пристальным взглядом ясных глаз.

– Нет. А почему меня должно это злить, профессор Стюарт?

Дейл махнул рукой. Дома по обеим сторонам дороги представляли собой заржавевшие трейлеры и заваленные хламом грузовики, стоящие среди камней и кустарника.

– Ну, история так несправедливо обошлась... с вашим народом. С народом вашей матери. Такая нищета.

Клэр чуть заметно улыбнулась.

– Профессор Стюарт, а вы сами часто размышляете об исторической несправедливости по отношению к вашим шотландским предкам?

– Ну, это совсем другое, – возразил Дейл.

– Да? И почему же? Он снова махнул рукой.

– Я даже ни разу не был в Шотландии.

– А я сегодня впервые оказалась на земле «черноногих».

– Вы понимаете, что я имею в виду, – настаивал Дейл. – Экономическую несправедливость по отношению к индейцам, алкоголизм, безграмотность, безработицу – все, что до сих пор имеет место в резервациях.

– А Шотландия до сих пор не получила независимости, – негромко добавила Клэр и вздохнула. – Я понимаю, о чем вы говорите, профессор Стюарт, просто меня не очень интересует проблема исторической несправедливости. Мы с матерью жили во Флоренции, а мой отчим родом из Мантуи. Так вот, у них там каждый город имеет свою историю и свои обиды. Каждое почтенное семейство помнит тысячелетнюю историю несправедливостей и угнетения со стороны большинства остальных подобных семей. Иногда мне кажется, что слишком хорошее знание истории сродни алкоголю или героину: такая зависимость придает жизни смысл, но в то же время истощает и в конце концов убивает.

«Тогда какого лешего нас принесло в эту богом забытую резервацию?» – чуть не спросил Дейл. Но сдержался.

Они съехали по шоссе 89 в долину реки Двух Амулетов, затем поднялись наверх, снова спустились, пересекая Бобровый ручей.

– Поверните, пожалуйста, здесь, – попросила Клэр, выглядывая из-за карты и указывая на мощенную камнями дорогу, ведущую на запад.

На небольшом указателе значилось: «Дорога на Харт-Батт». Они поехали на запад вдоль Бобрового ручья, в сторону гор, а затем снова на юг, параллельно линии холмов. Харт-Батт, когда они добрались до него, оказался печальной кучкой развалившихся домишек, трейлеров и бетонной коробки «культурного центра» – судя по виду, брошенного вскоре после завершения строительства. Было трудно определить, какие из раздолбанных пикапов еще на ходу. Все вокруг было пропитано физически ощутимой атмосферой отчаяния и бедности.

– Ваша мать родилась здесь? – спросил Дейл.

Клэр уже говорила ему об этом, но ему хотелось поговорить, чтобы хоть немного развеять тоску от печального зрелища.

Клэр кивнула.

– Вы хотите найти дом, в котором она родилась? – продолжал Дейл.

Несколько ребятишек смотрели им вслед. Взгляд у этих детей был мертвым, лишенным любопытства. Клэр помотала головой.

– Он давным-давно сгорел. Я... Вот здесь остановите, пожалуйста!

Она указала на небольшой трейлер, ничем не отличающийся от тех, которые они проезжали до сих пор.

Дейл притормозил на пыльной дороге позади старого пикапа и подождал.

– Вы знаете тех, кто здесь живет?

Клэр снова помотала головой. Они сидели в «ленд-круизере» и ждали. Через некоторое время в двери трейлера появилась женщина средних лет, она посмотрела на них с тем же равнодушием, с каким глядели дети на дороге. Исчезла на несколько минут внутри фургона, затем вернулась и вышла на крыльцо из шлакоблоков.

– Пожалуйста, подождите здесь, – шепотом попросила Клэр и вышла из машины.

Она подошла к женщине, остановилась в паре метров от нее и что-то негромко сказала. Женщина ответила коротко и резко и поглядела в сторону Дейла. Клэр снова заговорила. До Дейла долетали только обрывки разговора, и он изумился, что обе женщины говорят на пикуни, языке «черноногих» индейцев.

В итоге женщина кивнула, произнесла несколько слогов и вернулась в трейлер. Через миг снова вышла и забралась в свой древний пикап.

Клэр подошла к «лендкруизеру» со стороны водительского сиденья.

– Можно я сама поведу несколько миль?

Дейл, заинтригованный, лишь покивал головой, вышел, обогнул машину и сел на пассажирское место. Индианка проехала мимо них в облаке пыли.

Клэр отрегулировала под себя водительское сиденье и двинулась следом, достаточно быстро, чтобы не выпускать пикап из виду, но при этом не въезжая в поднятое им облако пыли.

Они проехали вслед за древним пикапом в сторону от Харт-Батта – по нескольким скверным дорогам, потом по колеям от какого-то

«джипа» на запад по очередной плохой дороге в сторону холмов. Несколько раз останавливались, их провожатая выходила из своей машины и открывала ворота. Каждый раз, когда они проезжали через ворота, Клэр выходила и закрывала их за собой.

Один раз пикап остановил человек на чалой лошади, он быстро переговорил о чем-то с женщиной, подъехал к Дейлу и Клэр, минуту смотрел на них. На человеке была обычная рабочая одежда ковбоя и шляпа с потным пятном, единственное, что выдавало в нем «черноногого» индейца, – широкое смуглое лицо с непроницаемо черными глазами.

Он отрывисто заговорил с Клэр на диалекте пикуни – Дейл слышал, как на этом языке разговаривали в университете студенты из числа коренных американцев и один преподаватель, хотя сейчас язык звучал несколько иначе, – Клэр ответила ему на том же языке. В итоге человек замолчал, пристально поглядел на Клэр, едва заметно кивнул, развернул свою лошадь и поскакал куда-то на восток.

Индийская женщина поехала дальше, и «лендкрузер» поехал вслед за ее пикапом.

Еще через две мили дорога закончилась. Женщина развернула машину и вышла. Клэр последовала ее примеру. Дейл колебался, не заговорить ли с их провожатой, но ему не хотелось нарушать немую сцену. Он остался на месте.

Женщина произнесла несколько слов вроде бы сердито, но потом вдруг быстро обняла Клэр, села обратно в свой пикап и укатила в туче пыли.

Клэр подошла к машине.

– Отсюда придется идти пешком, – сказала она.

– Куда? – спросил Дейл.

Он огляделся по сторонам. Никаких ранчо, никаких трейлеров в обозримом пространстве. Ничего сотворенного рукой человека, если не считать забора вдальке. В западной части Границы горы поднимались гораздо выше. Здесь же было горное плато, луга, переходящие в поросшие лесом холмы. Единственная дорога – та, по которой они приехали.

– Всего пару миль, – сказала Клэр. Она, прищурившись, глядела, как солнце клонится к высоким пикам. – Время у нас есть. Давайте возьмем кое-что из вашей походной экипировки.

– А вы не сообщите мне, что мы собираемся делать?

– Сообщу, конечно, – ответила Клэр, вытаскивая из багажника машины рюкзаки. – Я хочу провести ночь в месте, которое называется хребет Духа.

Наутро после Дня благодарения повалил настоящий снег. Дейл прогулял несколько часов, засунув руки поглубже в карманы шерстяного пальто. Он не помнил, чтобы осень на Среднем Западе когда-нибудь была так похожа на зиму.

После того как исчез пластиковый заслон, в доме Дуэйна стало гораздо холоднее. Создавалось впечатление, будто ледяной ветер спускается со второго этажа или же, напротив, тепло из обитаемой части дома просачивается наружу через какую-нибудь дыру наверху. После ухода Мишель Стеффни Дейл протрясся в кабинете до трех часов утра, а затем встал и спустился в подвал, чтобы поспать. Льющееся от системы отопления тепло и старое консольное радио – звук был такой тихий, что музыка походила на шепот, – убаюкали Дейла.

На следующее утро он прибрал кухню после праздничного обеда, а затем пошел наверх. Здесь оказалось зверски холодно. Секунду помедлив, Дейл все-таки собрался с духом и шагнул за порог первой комнаты.

Эротическое волнение захлестнуло его, словно цунами. Он заставил себя задержаться в комнате, у самой двери, позволяя потоку похоти полностью охватить все его существо.

Дейл всегда считал себя человеком, не чуждым физических наслаждений, пусть и не чрезмерно чувственным, однако эта волна желания была похотью в чистом виде, физическое возбуждение полностью вытесняло из головы всю романтику, все мысли о любви и о чувствах другого человека. Дейла одолевали расплывчатые образы пенисов, грудей, вагин, лобковых волос, капель пота, сосков, восстающих членов и семяизвержения; он слышал стоны страсти, произнесенную шепотом непристойную чепуху, которую может облечь в шепот лишь опьяняющее желание. Кровь его устремилась вниз, вызывая в нем самую мощную эрекцию, пульс грохотал в ушах.

Дейл вывалился в коридор второго этажа, отдышался и спустился вниз, в относительное тепло и чистоту кухни, чтобы прийти в себя.

Прошло минут десять, прежде чем его тело избавилось от удушающих объятий страсти.

«Что, черт возьми, это такое?» Дейл никогда в жизни не слышал о подобных физических феноменах, о домах, одержимых... чем? Сексуальной стимуляцией?

– Офигительно странно, – произнес он вслух и невольно усмехнулся поразительной точности этого определения.

Он отправился в кабинет работать. Экран компьютера был черен, если не считать сообщения на фоне черного экрана режима DOS.

>Господа правды и истины суть Тот и Астес, владыка Запада. Владетельные князья вокруг Осириса суть Имсет, Хапи, Дуамутеф и Кебехсенуф, они также находятся вокруг созвездия Бедра, на северном небе. Те, кто совершенно удаляет грехи и обиды и которые обретаются в свите богини Хатапсахус, суть бог Сухос и его сообщники, что обитают в воде.

Дейл секунду глядел на сообщение и потом напечатал:

>Ты меня начинаешь утомлять. К чему вся эта египетская белиберда? Мне казалось, ты предпочитаешь староанглийский. Кто все эти боги? Что тебе от меня надо?

Он подождал, но ответа не последовало. Дейл вышел в кухню, налил стакан апельсинового сока и вернулся в кабинет. На экране горели только строки предыдущего текста.

>Пошел бы ты на дно вместе со своей нильской баржей.

Набрав эти слова, Дейл выключил компьютер, вернулся в кухню, натянул пальто и вышел под снегопад на прогулку.

Черная собака двигалась за ним следом. Дейл прошел около полмили на северо-запад от фермы, шагая вдоль ряда деревьев к ручью, когда вдруг обернулся и увидел преследующую его собаку. В густых снежных хлопьях было сложно разглядеть детали, но было совершенно ясно, что этот пес – пусть и черный с розовым пятном на морде – был раза в четыре больше маленькой черной собачонки, которую Дейл видел раньше. Но самым странным и пугающим было то, что еще четыре черных пса – большие, но не такие огромные, как их вожак, – тоже шли по следам.

Дейл замер. Сердце в груди прыгало. Он огляделся в поисках оружия – доски от забора, какой-нибудь палки, чего угодно. Ничего не подвернулось под руку.

Собаки остановились ярдах в сорока от Дейла. Их тела казались невероятно черными на фоне занесенных снегом полей и падающих снежинок.

Дейл зашагал быстрее – не побежал, из страха, что псы воспримут это как приглашение к преследованию, но все-таки перешел на спортивный шаг, – стараясь добраться до небольшого леска, где можно было бы найти достаточно высокое дерево и залезть на него. Заборные столбы были здесь слишком низкие.

Черные собаки затрусили вслед за ним, сохраняя дистанцию, но не отказываясь от преследования.

Дейл задыхался, когда добрался до деревьев. Он перелез через забор и быстро зашагал по лесу, высматривая дерево с крепкими ветвями.

«А чего я боюсь? Неужели я действительно позволю каким-то бродячим псам загнать меня на дерево?» Он обернулся, вглядываясь сквозь снежинки и стволы деревьев, увидел, что псы застыли на том месте, где он вошел под деревья, увидел, какой по-настоящему огромный у них вожак, крупнее любого ротвейлера или добермана, каких доводилось встречать Дейлу, и в тот же миг понял, что ответ на его вопрос будет: «Ты чертовски прав, позволю!»

Дейл нашел дерево, ветки которого могли бы выдержать его вес, схватился за нижнюю, собираясь залезть, и обернулся, ожидая увидеть крадущихся в полумраке леса псов с высунутыми языками, оскаленными зубами, налитыми кровью глазами...

Собаки исчезли.

Дейл стоял, тяжело дыша, поворачиваясь из стороны в сторону, в уверенности, что стая этих диких собак решила обойти его сбоку.

Единственным звуком в маленьком лесочке был звук его прерывистого дыхания и шорох мягко падающих снежинок.

Он выждал десять минут – пока не замерзли руки и ноги, пока пот не высох на лице и не начал холодить его под свитером, – потом отломил нижнюю ветку потолще и пошел обратно тем же путем, каким пришел сюда.

Собаки исчезли. Но отпечатки собачьих лап были повсюду. «Призрачные и демонические псы не оставляют отпечатков», – подумал он и попытался улыбнуться собственной глупости. Но не получилось.

Следы вели обратно к ферме, и их заносил падающий снег.

Дейл пошел по гребню холма на восток, к Шестому окружному шоссе, собираясь выйти на него у Страстного кладбища. Когда Дейл перелезал через забор мистера Джонсона на дорогу, то увидел в дальнем конце кладбища мужчину.

«Дайте мне прийти в себя, – подумал Дейл. – Опять привидения». Но на самом деле Дейл был рад увидеть хоть кого-то. Может, у этого человека здесь машина, какой-нибудь пикап, заслоненный от Дейла пеленой снега.

«В сторону кладбища не ведут следы колес», – отметил он про себя.

Снега уже напало дюймов пять, и снегопад все усиливался.

– Эй! – окликнул Дейл, он помахал далекой фигуре через черную решетку забора. – Эй, вы!

Человек остановился. Бледное лицо повернулось к Дейлу. Даже с пятидесяти ярдов, через густую снежную завесу Дейл разглядел форму цвета хаки и старомодную шляпу с широкими полями. Он не видел глаз, не различал черты лица. Это далекое лицо казалось ему просто розовым пятном.

Человек двинулся в его сторону, но не пошел – ноги у него не поднимались и не опускались, не сгибались, как при ходьбе, – а скорее заскользил, как бы поплыл над надгробными камнями, сквозь них и низкие кусты.

«Ладно, – решил Дейл. – Черт с ним».

Он побежал, скатился вниз с крутого холма, задыхаясь, поднялся на второй холм, пробежал мимо бывшей фермы дяди Генри и тети Лины и остановился только в четверти мили от кладбища, обернулся через плечо, глядя на шоссе. Человек в хаки не гнался за ним.

Дейл был почти уверен, что на длинной подъездной дороге к дому Дуэйна его будут ждать черные псы, но ждал его там только снегопад, усиливающийся с каждой минутой. И еще следы колес, постепенно заносимые снегом. Дейл сунул руки в карманы шерстяного пальто, вжал подбородок в воротник и пошел навстречу западному ветру, часто моргая от летящих в глаза снежинок.

Машина шерифа стояла перед домом. Сам Ка-Джей Конгден слез с водительского сиденья и зашагал навстречу Дейлу по подъездной

дороге. Толстяк держал одну руку на ремне, а вторую на рукоятке пистолета.

Глава 16

К тому моменту, когда Клэр с Дейлом принялись распаковывать рюкзаки, почти стемнело. Хребет Духа на вид ничем не отличался от соседних. Холодный ветер, долетавший с запада, шевелил высокую траву.

– Мы останемся здесь? – спросил Дейл, стараясь восстановить дыхание.

Хотя Клэр настояла на том, чтобы положить чехол с палаткой в ее рюкзак, он все равно запыхался от слишком быстрой ходьбы.

– Нет, – ответила Клэр. Ветер трепал ее короткие темные волосы. – Это место священо для «черноногих». – Она указала на вытянутое узкое озеро под хребтом на востоке. – Мы сможем остановиться там, когда обогнем озеро и окажемся на противоположном берегу.

– А почему оно священо? – Задавая вопрос, Дейл вспомнил, как недавно она утверждала, что почти любой впечатляющий вид был для кого-нибудь священным.

– Около шестисот «черноногих» умерли в этих местах во время суровой зимы восемьдесят третьего – восемьдесят четвертого года девятнадцатого века, – пояснила Клэр. – Здесь племя похоронило погибших. – Она огляделась вокруг, потянулась за своим рюкзаком и достала из него надевающийся на голову туристский фонарь. – Я буду показывать дорогу к озеру.

– Погодите минутку. А откуда вы знаете об этом месте?

– Мать рассказывала. Она приезжала сюда на лошади из Харт-Батта, когда была еще маленькой.

– Это мать научила вас говорить на пикуни? – спросил Дейл.

Клэр кивнула. Дейл вдруг осознал, что видит ее сейчас, освещенную светом звезд, а не лучами догорающего заката. Она еще не включила свой фонарь.

– Мы с мамой обычно переходили на язык «черноногих» индейцев, когда нужно было поговорить о чем-то личном. – Клэр произносила слова совсем тихо, голос почти заглушали вздохи

высокой травы под ночным ветром. – Это был более старый, традиционный диалект – тот, на котором я разговаривала с Тиной.

– С Тиной?

– Той женщиной, которая привела нас сюда. На языке «черноногих» ее зовут Апик-стис-тси-маки, Женщина Хрустального Ручья. До того как переехать в Харт-Батт, она держала ай-ам-скин-ни-таки.

– Ай-ам-скин-ни-таки... – повторил Дейл. – Такое ощущение, что это как-то связано с ритуальными масками и шаманскими принадлежностями. Она была... шаманкой? Обладала сакральными знаниями?

– Ай-ам-скин-ни-таки переводится как «парикмахерский салон», – пояснила Клэр. – В Браунинге есть парикмахерский салон, который помимо стрижки предлагает косметические процедуры, массаж и сауну.

– А откуда вы узнали, что эта женщина владеет традиционным пикуни? – продолжал допытываться Дейл.

– Рядом с ее домом были кое-какие знаки.

– Какие еще знаки?

– Почти незаметные, – сказала Клэр. Она указала рукой на озеро. – Если мы не прибавим ходу, нам придется ставить палатку в полной темноте.

– Да, хорошо, – отозвался Дейл, он все еще колебался. – А вы ничего не хотите сделать, пока мы еще не сошли с хребта?

– Что, например? – спросила Клэр. – Пописать?

– Ну, я подумал о какой-нибудь молитве или чем-то в этом духе, – сказал Дейл. – Каком-нибудь ритуале «черноногих» индейцев.

Он увидел, как сверкнули зубы Клэр в свете звезд. Она водрузила себе на голову обруч лампы и щелкнула кнопкой.

– Я не знаю никаких индейских молитв и совершенно не разбираюсь в ритуалах, – сказала она и зашагала вниз по склону.

Дейл остановился на подъездной дороге. Ка-Джей Конгден застыл между ним и задней дверью. Снег постепенно переходил в ледяной дождь.

– Что тебе надо, Конгден?

– Для тебя – шериф Конгден, Стюарт, – огрызнулся толстяк.

– Отлично, – сказал Дейл. – Тогда для тебя – мистер Стюарт, шериф. Что тебе нужно?

– Мне нужно, чтобы ты умотал отсюда ко всем чертям.

Дейл заморгал от такой наглости.

– Что?!

– Ты меня слышал. Ты не здешний, мистер Стюарт.

– Какого, вообще, черта? – возмутился Дейл, стараясь насладиться этой беседой в духе «Освобождения».

– Если ты останешься, произойдет что-нибудь скверное.

– Это угроза, шериф?

– Я вовсе не угрожаю, – сказал Конгден ровным, почти безжизненным тоном. – Просто все будет именно так.

– Я никому здесь не мешаю, – сказал Дейл, стараясь, чтобы в его голосе не проскальзывала настоящая злость, которую он ощущал от этой беседы со жлобом. – Почему бы тебе не отработать жалование и не отыскать тех, кто спустил мне шины, вместо того чтобы ходить и угрожать законопослушным гражданам?

Он слышал, как нелепо звучат его слова, когда произносил их.

Конгден таращился на него сквозь мокрый снег. Поля его шляпы в стиле Дикого Запада промокли. Глазки шерифа превратились в черные щелочки на заплывшей жиром физиономии.

– Ты меня слышал, мистер Стюарт. Уматывай отсюда ко всем чертям, пока ничего не случилось.

– Думаю, следующее, что случится, это мой звонок адвокату с жалобой на преследование со стороны властей, – заявил Дейл.

Это был чистый блеф. Не считая юриста, с которым он год назад советовался по поводу развода, Дейл не знал никаких адвокатов.

Конгден развернулся, тяжело уселся в машину и укатил в метель.

«Что теперь?» – подумал Дейл.

Он вошел в дом, сбросил промокшее пальто, ботинки и носки прямо в кухне, постоял немного у обогревателя, а потом пошел в кабинет за сухой одеждой.

Компьютер по-прежнему находился в режиме DOS, но под строкой «Пошел бы ты на дно вместе со своей нильской баржей» появилась еще строчка:

>Он прав, Дейл. Если ты не уедешь отсюда, превратишься в такого же покойника, как и Конгден.

Дейл уставился на эти две фразы. Первый раз за все время неведомый хакер написал что-то конкретное. Кто бы ни был автором всей этой чепухи, он знал Дейла, знал, где он был, знал, что он только что разговаривал с Конгденем.

«Но как? И что, дьявол его подери, все это означает? “...Такого же покойника, как и Конгден”? Что-то должно случиться с нами обоими?» Возможно, дело было в мокрых ногах и джинсах, возможно, виноват был ледяной ветер, задувающий со второго, открытого теперь, этажа, но почему-то Дейл вдруг задрожал и зубы у него застучали.

– Так, значит, вы верите в привидения? – спросил Дейл спустя полчаса, когда они с Клэр забрались в спальные мешки.

Они наскоро пообедали супом, но до того Дейл провел ужасные десять минут, пытаясь разжечь костер старыми спичками, которые все время задувал ветер, пока Клэр не достала из кармана зажигалку и не подожгла все одним щелчком, а потом (хотя они и захватили с собой палатку на случай дождя) они расстелили спальные мешки прямо под звездами. Погоняемые ветром волны плескали о берег маленького озера в пятнадцати ярдах от них.

– Моя мама верит, – ответила Клэр. – Она видела несколько привидений как раз здесь, на хребте Духа.

Дейл посмотрел на вершину, нависающую над ними. Шорох травы походил на сбивчивый шепот.

– А вы сами? – спросил он.

– Я не верю в привидений, – тихонько ответила Клэр, – но я как-то видела одно.

Дейл ждал продолжения, лежа на животе в уютной мягкости спального мешка и положив подбородок на подставленные ладони.

– Я уже упоминала, что у моего отчима в Мантуе дворец, – заговорила наконец Клэр. – Мой отец был флорентийским художником, но, когда он погиб в автокатастрофе, мать вышла замуж за этого пожилого человека. Его семейство сколотило свои миллионы, торгуя салями. Король салями. Достойный титул для супруга одной из самых популярных оперных див Европы.

В общем, мне было лет десять, когда мать снова вышла замуж. Семейка отчима здорово потрепала мне нервы. У него был сын на шесть лет старше меня, очень себе на уме. Мы приезжали погостить в Мантую. Мы до сих пор проводим в Мантуе несколько недель осенью:

лето и зима там ужасны. Вы в самом деле хотите услышать эту историю, профессор Стюарт?

– Да, – сказал Дейл.

– Дом в Мантуе действительно грандиозный, – продолжала Клэр. – Король салями еще в семидесятых нанял архитектора, который объединил три дома (все конца шестнадцатого века) и двор в один огромный дом с внутренней отделкой прямо из века двадцать третьего. Например, у лестницы, ведущей в библиотеку, нет даже перил: просто единая завивающаяся по спирали полоса стали для опоры и деревянные ступеньки, висящие на двух тонких стальных тросах. Впечатление такое, будто между древними терракотовыми стенами торчит позвоночный столб динозавра, покрытый остатками фресок семнадцатого века.

Моя комната как раз рядом с библиотекой, у служебного лифта, окна выходят на площадь и в старинный внутренний дворик, который нанятый архитектор закрыл прозрачными дверьми из плексигласа и увенчал стальной крышей. И в ту осень, когда мы впервые гостили в доме, я проснулась ночью, часа в три, от женского плача. Сначала я испугалась, не мама ли это: прошло меньше года с гибели отца, и я знала, что она иногда плачет тайком. Но этот плач был громче, грубее того, что я слышала прежде. Я подбежала к открытому окну, выходящему во внутренний дворик, потому что плач доносился изнутри дома.

Там была женщина, одетая во все черное: пожилые женщины в Мантуе и Флоренции одеваются так и в наше время. Только эта женщина не была пожилой. У нее на голове был шарф, но я видела ниспадающие из-под него роскошные длинные черные волосы, да и по ее движениям и фигуре было ясно, что женщина молода, лет около двадцати. И она несла на руках ребенка. Мертвого.

– А как вы поняли, что это мертвый ребенок? – шепотом спросил Дейл.

– Это было очевидно, – ответила Клэр. – У того ребенка глаза были запавшие, неподвижные и какие-то стеклянные. Тело раздутое и белее белого. Маленькие ручки походили на клешни из-за трупного окоченения. Я едва ли не чувствовала запах.

– Ваше окно было так близко? – Дейл постарался, чтобы в его тоне не сквозило сомнение.

– Да, оно было совсем близко, – ответила Клэр. – А потом женщина взглянула на меня. Точнее, не на меня, не сквозь меня, а в меня. А потом она просто... исчезла. В какой-то миг она и ребенок были здесь, а в следующее мгновение словно испарились.

– Вы говорите, вам тогда было десять, – задумчиво произнес Дейл.

Клэр лежала на спине, глядя на звезды, пока рассказывала свою историю, но теперь она перекатилась на живот и посмотрела на него. Между ними стояла походная плитка, разделяющая их, как какая-нибудь современная версия меча.

– Да, мне было десять, но я видела то, что видела, – тихо произнесла она.

– И конечно же, оказалось, что существует городская легенда о женщине, чей ребенок погиб в этом доме, – предположил Дейл.

– Конечно, – подтвердила Клэр. – На самом деле ребенок утонул в колодце, который когда-то был в этом дворике. Мать, ей действительно было всего двадцать, как выяснилось, отказывалась хоронить ребенка. Она носила его с собой несколько недель, пока жители Мантуи не отняли его и не похоронили сами. Тогда мать бросилась в тот же самый колодец. Все это произошло в конце шестнадцатого века.

– Отличная легенда, – одобрил Дейл.

– Пожалуй.

– А не могли ли вы слышать эту историю до того, как увидели привидение? – поинтересовался Дейл.

– Нет, – ответила Клэр Ту-Хартс. – Ни малейшего шанса. Мой отчим и все его домочадцы отказались обсуждать мой рассказ об увиденном. В итоге я буквально вытрясла эту историю из восьмидесятишестилетней кухарки, чья семья служила в доме на протяжении пяти поколений.

Дейл потер подбородок, чувствуя, как отросла щетина.

– Значит, вы верите в привидения.

– Нет, – ответила Клэр Ту-Хартс.

Повисла пауза, а затем они оба одновременно рассмеялись.

– Во что же вы верите, Клэр?

Она долго смотрела на него. Затем расстегнула «молнию» на своем старом спальном мешке и, несмотря на холодный ветер, откинула верх. Прежде чем залезть в спальный мешок, она сняла

джинсы и свитер, и сейчас ее лифчик и трусики ярко белели в свете звезд.

– Я верю, – сказала она, – что если вы подойдете сюда, профессор Стюарт, наши жизни на некоторое время изменятся самым невообразимым для нас образом.

Дейл колебался не дольше десяти-пятнадцати ударов сердца.

Пять черных псов бродили вокруг дома несколько дней. Когда Дейл выходил, они убегали в поле или исчезали за сараями или амбаром. Когда он возвращался, псы подходили ближе, бродили кругами, усаживались, смотрели. Их следы были повсюду. По ночам Дейл слышал их вой.

В итоге он от них устал, дошел до своего «лендкрузера» и отправился в Оук-Хилл. В лавку, где продавали ружья и патроны. Дейл купил две коробки патронов четыреста десятого калибра. Выезжая из Оук-Хилла, он заметил высокие карнизы Библиотеки Карнеги и притормозил на пяточке стоянки. Он несколько раз бывал здесь в детстве. Библиотека в Элм-Хейвене была совсем маленькая, книги засалились от старости. Дейл помнил, что Дуэйн регулярно посещал именно библиотеку в Оук-Хилле, иногда даже проходил весь путь от фермы пешком по шпалам.

Камень упал у Дейла с души, когда он устроился в читальной кабинке и принялся штудировать кипу книг, которые снял с полок. Это была его стихия: книги, шелест страниц, лампы на столах – уютный, ярко освещенный уголок.

Дейл вынул из кармана смятый листок, вырванный из желтого блокнота. Он уже несколько дней носил с собой переписанный от руки текст, скопированный с экрана. Он вчитался в последние строки.

>Господа правды и истины суть Тот и Астес, владыка Запада. Владетельные князья вокруг Осириса суть Имсет, Хапи, Дуамутеф и Кебехсенуф, они также находятся вокруг созвездия Бедрa, на северном небе. Те, кто совершенно удаляют грехи и обиды и которые обретаются в свите богини Хатапсахус, суть бог Сухос и его сообщники, что обитают в воде.

Дейл никогда не изучал египетскую мифологию, но когда-то, десятилетия тому назад, ему довелось поработать под началом энергичного Говарда Картера. Кое-что он еще помнил и потому узнал источник. Это была цитата из папируса Ани, известного также как

«Египетская книга мертвых». Как ни странно, в библиотеке Оук-Хилла оказался экземпляр этой книги, и сейчас Дейл просматривал указатель, выискивая нужные ему имена.

Анубис, хотя и не упомянутый прямо, явно подразумевался, его было проще всего отследить из всех богов: известный также под именем Ануп, Анубис, бог с шакальей головой, был сыном Нефтиды и Осириса, его главной обязанностью было провожать души в загробный мир и охранять их, когда они оказывались там. Анубис был богом бальзамирования и богом мертвых, хотя из «Книги мертвых» становилось ясно, что с течением веков его обязанности узурпировал Осирис. Считалось, что у Анубиса голова шакала или собаки, поскольку шакалы и дикие псы, которые обитали в местах погребений, в городах мертвых, вечно выжидали, не перепадет ли им кусок гниющего мяса.

Дейл дошел в своих изысканиях до Плутарха. Вот что писал древний историк:

«Под Анубисом они понимают горизонтальную окружность, которая разделяет невидимое, которому они дают имя Исида; эта окружность включает в себя и свет и тьму, она является общей для них обоих, и из этого обстоятельства проистекает сходство, которое они находят между Анубисом и Псом, ибо известно про это животное, что оно одинаково хорошо видит и в темноте, и на свету... Совершенно точно известно, что в древние времена египтяне питали огромное уважение и всячески почитали Пса, но, поскольку он пожрал убитого и низринутого Камбизисом Аписа, которого не тронуло ни одно проходившее мимо животное, он лишился первого места среди священных животных, которое занимал до того».

Дейл продолжал читать, продираясь сквозь лабиринт ссылок, листая имеющиеся под рукой книги и даже заглядывая в Интернет: в библиотеке, как ни странно, оказались совершенно новые компьютеры. Во всех источниках Анубиса представляли как грандиозное божество, существо, призванное провожать души

мертвых из этого мира в следующий. Именно Анубис мумифицировал и готовил к погребению тело Осириса. Еще он был богом с шакальей головой, который помогает Тоту взвешивать души и считается главным вестником из загробного мира. Анубис – Открывающий Путь – возвышался над овальными воротами в царство мертвых. Эти ворота древние египтяне называли Дат, или Дуат, или Туат. Дейл часто заморгал: египетские ворота в царство мертвых были изображены в виде вагины – этаким портал в жизнь и из нее.

– Дуат, – произнес он вслух, оценив этимологию, и осознал, что на него яростно тарачится пожилая дама за соседним компьютером. Дейл заискивающе улыбнулся ей и вернулся в свою кабинку.

Он понял, что у него уйдут дни на отслеживание биографий других богов, упомянутых в коротеньком сообщении, но все-таки продолжал листать книги и выяснил, что созвездие Бедра сейчас называется Большой Медведицей, а Владетельные князья, или духи, Имеет, Хапи, Дуамутеф и Кебехсенуф были избраны Анубисом из семи духов и стали хранителями и защитниками мертвого тела Осириса. Богиня же Хатапсахус, как он выяснил еще через два часа поисков, именовалась Оком Ра. Он понятия не имел, что бы это могло значить, для него это звучало как луч солнца.

Почувствовав усталость, Дейл поставил книги по египтологии обратно на полки и взглянул на свою измятую бумажку, на первую строку первого сообщения, которое он переписал: «Gabble retchets yeth wisht hounds».

Дейл взглянул на часы. Было около шести вечера. Библиотека закрывается в девять. Он здорово проголодался. Вздохнул, не желая бросать расследование на полпути, и пошел к полкам.

Мягкая старая книжка с развалившимся корешком, которая, судя по листку выдачи, наклеенному на передней обложке, последний раз выдавалась двадцать седьмого июня шестидесятого года – книга того самого типа, который, насколько было известно Дейлу, давно списан во всех «современных» библиотеках, – принесла ему призовое очко. Она называлась «Местные мифы и предания Англии и Корнуолла». Эти самые yeth- или wisht-гончие оказались, как он и предполагал, гончими преисподней, демоническими псами, рыщущими по вересковым пустошам. Своего рода собаками Баскервилей. Всегда только черные. Оказалось, что с демоническими черными собаками,

призрачными псами, духами связано множество преданий Ланкашира, западного Йоркшира, Корнуолла и холмов Куанток в Сомерсете.

В Брук-хаус в Сниттерфилде, в старинном доме, где когда-то располагалась гостиница «Звонкий ручей», во время Второй мировой войны постояльцы и местные жители наблюдали появление гигантского черного пса. У него были налитые кровью глаза, и он, проходя по свежевскопанному саду, не оставлял следов.

В 1190 году от Рождества Христова хроникер по имени Вальтер Мэп описывал случаи появления на болотах Уэльса призрачных черных собак, огромных, кровожадного вида, рыщущих по пустошам. Эти жуткие псы неизменно предвещали чью-нибудь лютую смерть.

В воскресенье 4 августа 1577 года прихожане церкви в Бангее, в графстве Саффолк, пережили незабываемое ужасающее событие. В нескольких письменных источниках говорилось о наводящей жуть черной собаке, которая внезапно появилась прямо в церкви; истекая слюной и завывая, эта собака носилась по проходам, пока верующие зывали к помощи Господа. Три человека коснулись пса, двое скончались на месте, а третий обмяк, словно «вспоротый кошель». В разных отчетах, но в том же августе 1577 года, говорилось, как эта же или похожая собака появлялась в церкви в Блитбурге, в семи милях от первой церкви, там она убила еще троих человек и вызвала «смятенье духа» у остальных.

Дейл добрался до 1613 года от Рождества Христова, когда «пес черен, громаден, аки бык» вдруг возник в разгар службы в Грейт-Черч в Кенте, убил больше дюжины человек, проломил стену и исчез.

Дейл принес еще несколько старых книг, где прослеживались легенды о Черных Псах вплоть до «Беовульфа», выяснил, что Грендель изначально был волком, «из глаз его бил гибельный огненный свет», и в итоге узнал, что корни легенды теряются в доисторическом тумане, во франкской «Lex Salica» и «Lex Ruraria», в легендах о волках Одина в «Grimnismal», в поэме из «Эдды» «Helreith Brynhildar», где говорилось о неких hrot-garmr, «завывающих псах», которые пожирали трупы и выдыхали огонь. Все черные собаки во всех этих источниках, кажется, искони ассоциировались с трупами, покойниками, погребениями, погребальными кострами и загробным миром. Дейл вспомнил, что слово «варг» означает еще «тот, кто тревожит мертвых».

Дейл решил, что уже запросто может садиться за докторскую диссертацию по теме, нужно только докопаться до кое-каких первоисточников и иметь в запасе несколько лет. Судя по всему, связь между призрачными черными собаками и «царством мертвых» тянулась через всю индоевропейскую мифологию в доисторические времена, через ведические, греческие и кельтские мифы; гончие ада встречались даже в такой эпической скандинавской поэме, как «Baldrs draumar» («Сон Бальдра»), они оставили отпечатки своих лап и в легендах американских индейцев; несущие смерть дьявольские псы имели место и в ритуалах алтайских шаманов, и в доклассической Греции, и в индусской «Махабхарате», но все равно следы их уходили назад, к Анубису и его товарищам по загробному миру.

От всего этого у Дейла разболелась голова.

Он поставил на полку последнюю книгу, увидел, что в библиотеке, кроме библиотекаря, остался только он один, поразился, взглянув на часы, которые показывали без трех минут девять, и вышел в холодный вечер к своему пикапу.

Дейл был как раз между Оук-Хиллом и Элм-Хейвенем, когда зазвонил сотовый телефон. От внезапного звука он так дернулся, что едва не съехал с темной окружной дороги, и схватил трубку с пассажирского сиденья, на котором она пролежала без дела много дней.

– Алло?

На линии была тишина, но явственно чувствовалось чье-то присутствие. Разволновавшись, Дейл съехал с пустого шоссе на обочину. Он решил, что звонит его любовница Клэр – последний раз они разговаривали по телефону больше года назад – и хочет сказать, что его жизнь, его мир могут возродиться.

– Папа?

Какой-то миг Дейл не чувствовал ничего, кроме головокружения. Голос, два слога – и вот он, весь недостающий контекст.

– Папа? Ты меня слышишь?

Это была его старшая дочь, Маргарет-Бет, Маб, которая училась в колледже Клермонт в Калифорнии.

– Маб? Что случилось, детка? Что произошло?

В трубке слышалось учащенное дыхание.

– Мы тут с ума сходим, пытаюсь с тобой связаться. Где ты был все это время?

Дейл в смущении покачал головой. Мимо проехал какой-то джип. Пожилой водитель внимательно осмотрел машину Дейла, решив, что тот, возможно, нуждается в помощи.

– Я все время был здесь, в Иллинойсе, детка. Ровно там, где, как я всем говорил, и буду. У вас все в порядке?

– У нас все в порядке, папа. Но там у тебя нет телефона, и ты не берешь трубку своего мобильного. Мы с Кэти пытались тебе дозвониться, писали тебе. Ты получал наши письма?

Дейл заморгал. Он сказал своим дочерям, как и всем своим коллегам и деловым партнерам, что будет заезжать за письмами в Элм-Хейвен, на почту, в отдел «До востребования». Он даже и не подумал туда заглянуть.

– Прости меня, детка. Я был... очень занят. – Он сознавал, как глупо звучит его оправдание. – А что случилось, Маб? Ты звонишь из Клермонта?

– Нет, папа. Я дома, рождественские каникулы. Мы хотели узнать, не приедешь ли ты... обратно сюда. – Дейл услышал непроизнесенное «домой».

– Рождественские каникулы? – повторил он, снова смущенный. – Но до Рождества еще несколько недель, Маб. Почему ты приехала домой так рано?

Повисло молчание, нарушаемое только гулом мотора «лендкрузера» и шорохом статического электричества, переносящего звук на огромное расстояние.

– Па... вовсе я не рано, – после долгой паузы заговорила Маб. – Сегодня двадцать второе декабря.

Дейл засмеялся.

– Нет, что ты, крошка! Всего несколько дней прошло со Дня благодарения!.. – Он замолчал, не собираясь рассказывать дочери, что провел праздник с женщиной, о которой они никогда не слышали. – А если серьезно, почему ты уже дома?

– Папа! – Теперь в ее голосе явственно звучало огорчение. – Сегодня двадцать второе декабря. Завтра канун сочельника. Перестань так шутить. Ты меня пугаешь.

– Прости, детка.

Это было все, что смог сказать Дейл. Он посмотрел на свои часы и включил в машине свет, чтобы проверить дату. Стрелки остановились на четырех пятнадцати. Число было восьмое, только он понятия не имел, какого месяца.

В трубке зазвучал другой голос, холоднее, но звучнее, чем у Маб. Его младшая, Кэти.

– Отец? – Она никогда не называла его «папа».

– Привет, Сорванец, – сказал Дейл, называя ее старым шуточным прозвищем и стараясь говорить непринужденно. – Как дела?

– Ты где? – спросила Кэти.

Дейл оглядел темные поля, но увидел только собственное отражение в лобовом и боковом стекле.

– Я здесь, там, где и собирался. Прости, что не звонил и не проверял почту. Я просто... был занят. Пишу роман. Очень важный роман. Что-то вроде... потерянного ключа ко всему, как мне кажется.

Замигал индикатор, означающий, что аккумулятор телефона разряжен. Дейл мысленно выругался. Сейчас ему совершенно не хотелось прерывать разговор.

– Папа, – снова Маб, – ты приедешь домой на Рождество?

Дейлу показалось, будто кто-то вскрыл его грудную клетку и с силой сжал сердце. Он перевел дух.

– Я как-то не думал об этом, милая. Ранчо... – Он осекся. Дочки вряд ли хотят слушать о ранчо и его арендаторах. – Ваша мама... – Он снова не нашел нужных слов.

– Ма не знает, приедешь ли ты на Рождество в Мизулу, – сказала Кэти. Это прозвучало как вопрос.

– Не думаю, что она одобрит подобную мысль, – в итоге произнес Дейл.

Индикатор на телефоне уже мигал вовсю.

– Папа, – сказала в итоге Маб, – мама сейчас вышла за чем-то в аптеку, но через пару минут будет дома. Если она тебе позвонит... если в ближайшие несколько минут позвонит на твой сотовый телефон, ты поговоришь с ней о своем приезде домой на рождественские праздники, пока мы все здесь?

Дейл не мог говорить. Казалось, его разум выдуло ветром, он был пуст, как поля за стеклами машины.

– Очень хорошо, – сказала Маб, словно он дал согласие. – Оставайся там, где ты сейчас. Мама вернется через пару минут.

На линии повисла тишина. Дейл нажал кнопку отбоя и положил телефон на консоль между передними сиденьями. Начинался снегопад, снежинки кружились в двух конусах света от фар. Больше мимо него никто не проезжал.

Дейл просидел так минут десять. Его часы по-прежнему стояли, но светились зеленые цифры часов в пульте управления, на них было 9.52. Он смотрел на свой телефон. Индикатор по-прежнему мигал, но батарейка еще не совсем села.

Телефон зазвонил. Дейл подскочил так, словно гремучая змея затрещала в дюйме от его руки, и схватил трубку.

– Алло? – Сердце прыгало в груди, он сам слышал, как дрожит его голос.

– Дейл? Дейл, это Мишель!

– Кто? – глупо переспросил Дейл.

– Мишель! Мишель Стеффни, Дейл. У меня проблема. – Ее голос тоже дрожал.

Какую-то минуту Дейл никак не мог переключить рычаги в своем мозгу. Казалось, что Мишель Стеффни ему просто приснилась и вот сейчас он снова начал дремать. До сих пор она ни разу не звонила ему на сотовый телефон. Он не помнил, чтобы давал ей свой номер.

– Мишель? – повторил он тупо.

– Я на школьной площадке, Дейл. В Элм-Хейвене. На школьной площадке, где раньше была Старая центральная школа...

Дейл ждал, раздумывая, не повесить ли трубку. Индикатор горел очень ярко.

– ...И собаки тоже здесь, Дейл. Они вокруг меня.

– Что? – воскликнул Дейл.

– Черные собаки. Те самые, с фермы Дуэйна. Они здесь, в городе. Они вокруг меня.

И тут телефон разрядился окончательно.

Глава 17

Вот с этого места я начал беспокоиться за Дейла. Пропущенный звонок от жены, Энн, – если, конечно, Энн вообще ему перезванивала, – был, кажется, тем самым поворотным моментом, после которого легкий фарс перерастает в трагедию.

Разумеется, я совершенно не разбираюсь в женщинах. Я рос в обществе Старика и дяди Арта и почти не обращал внимания на девочек в школе. Помню Мишель Стеффни классе в пятом, в шестом – рыжеволосую секс-бомбу. Но поскольку слово «секс» мало что значило для детей в доисторическую эру шестидесятых годов, никто из мальчишек «Велосипедного патруля» не обращал на нее особого внимания, разве что все начинали вести себя как полные идиоты, когда она оказывалась рядом.

Через сознание Дейла я приобрел воспоминания о сексуальном контакте – с девушками в старших классах и в колледже, с Энн, даже с самозваной Беатриче, его идолом с удивительно подходящей для нее фамилией Ту-Хартс ^[20], – но воспоминания о физическом желании, как и воспоминания о боли, поразительно расплывчаты, туманны; не могу сказать, будто много потерял именно из этого аспекта, поскольку так и не дожил до зрелого возраста. Честно говоря, я больше сожалею о том, что так и не увидел на сцене «Короля Лира», чем о том, что так и не испытал радость полового акта.

И я уверен, что Дейл тем декабрьским вечером помчался в Элм-Хейвен, погоняемый вовсе не похотью. Конечно, общение с Микой Стоуффер, урожденной Мишель Стеффни, спасало его от полного одиночества, но, разумеется, воздержание носило самый пассивный характер. Отношения – романтическая интерлюдия – с особой по имени Клэр вынудили его оставить далеко позади темные берега желания. И клиническая депрессия, конечно же, тоже; из-за депрессии он много месяцев ощущал половое бессилие, чему также немало способствовали ударные дозы прозака и прочих медикаментов. Можно сказать, что в либидо Дейла Стюарта произошло прямое попадание самонаводящейся фармацевтической ракеты.

Если бы я остался жить и стал писателем, я, наверное, попытался бы прояснить, какую роль играет Эрос в жизни и несчастьях людей, но, подозреваю, сделал бы это в классической, дважды завуалированной манере. Когда я жил под Элм-Хейвенем, читая без остановки всю неполную дюжину своих лет и зим (включая периоды межсезонья), моим идеалом женщины была жена Баты [\[21\]](#). Подозреваю, если бы я вырос, повзрослел, искал, то нашел бы такую женщину: ее можно узнать, как мне всегда казалось, по восхитительной, чувственной щелчке между передними зубами, – и в конце концов сбежал бы при виде ее могучей сексуальной жизненной силы. Кроме того, чем я мог бы ей понравиться, сидячая глыба, солиптический, жирный, неуклюжий и плохо одетый выродок?

Но, с другой стороны, получил же в итоге Генри Миллер Мэрилин Монро, пусть и ненадолго.

Гораздо интереснее Дейловых смазанных воспоминаний о минувших любовных утехах представляются мне живые образы и яркие воспоминания о двух его дочерях. Наверное, только через собственную мать и дочерей представитель сильной половины рода человеческого может хоть как-то узнать и понять женщин.

Маргарет-Бет, Маб, старшая дочка, всегда была его любимицей. Помня ее через воспоминания Дейла, невольно подбираю литературные эквиваленты: Аарон Бурр и его обожаемая дочь, сэр Томас Мор со своей дочерью. Равные по интеллекту своим отцам, они были главными женщинами в жизни этих знаменитых мужчин – приблизительно то же было и у Дейла с Маб... во всяком случае, пока на сцене не появилась Клэр.

Кэтрин-Сара, Кэти, реже возникает в воспоминаниях Дейла, но я вижу в них удивительную личность, ее способность сострадать также всеобъемлюща, как и мощный интеллект сестры. Кэти – воплотившееся в женщине сочувствие и дружелюбие, просто гештальт гуманизма, ничего подобного я не встречал в женщинах Элм-Хейвена, ни в девочках в школе, ни в их матерях. Если Маб восхищала отца глубоким пониманием языка и безупречной логикой, то Кэти была тиха, как дитя, она наблюдала, сопереживала, всегда готовая пожертвовать собой. Дейл прекрасно знал об этих чертах своей младшей дочери, он любил обеих и непрестанно восхищался способностью к состраданию в своей Кэти, но если сила ума Маб была

отражением (и, соответственно, подтверждением) его собственного разума, то гуманизм Кэти достался ей от матери. Должно быть, в этом болезненном факте и заключалась причина, по которой в своем изгнании сейчас Дейл больше думал о Маб и меньше – и труднее – о Кэти. Но я не стану развивать эту тему. Я почти не знаю, каково быть сыном, и уж совсем не понимаю, как это – быть отцом девочек.

Прежде чем мы вернемся к Дейлу, который в рыцарском порыве ринулся спасать мисс Стеффни от черных собак, поговорим о книге, которую он пишет, книге о лете в Элм-Хейвене, и о его писательстве в целом.

Дейл не был хорошим писателем. Уж поверьте мне. Я в девять лет писал лучше, чем мой друг на пятьдесят втором году жизни. И причина состоит в том, по крайней мере одна из причин, что он не был рожден для этого занятия, его не сжигало не ведающее компромиссов внутреннее пламя, он, скорее, принял волевое решение сделаться писателем в конце лета шестидесятого, лета, когда я погиб. К этому прибавился еще и тот факт, что в годы подготовки к карьере ученого Дейлу невольно пришлось много писать в академической манере. Это не тот язык, который сформирован человеческой речью, и очень немногие – если вообще хоть кто-то – из ученых мужей преодолевают его ущербность, переходя на настоящую прозу. И наконец, свое дело сделал избранный Дейлом жанр – рассказы «из жизни горца». Это тоже был сознательный выбор с его стороны, попытка поддержать свой учительский статус, не сбиваясь на такие жанры, как мистика, научная фантастика или, боже упаси, ужасы, и снова холодный мозговой расчет, а не подсказанное сердцем желание. Подстраивая свой стиль к стилю весьма малочисленных мастеров жанра – например, Вардуса Фишера, – Дейл описывал жизнь нескольких белых людей на Западе в тридцатые годы девятнадцатого века рядом с племенами коренных американцев (его преподавательская деятельность довела до того, что он не мог даже мысленно называть их политически некорректным словом «индейцы» – хотя его персонаж, человек с гор, позволял себе это довольно часто, – не говоря уже о такой непристойности, как «дикари»).

Хемингуэй написал как-то, что истинный писатель должен «работать изнутри наружу, а не снаружи внутрь». В этом, пояснял он, состоит разница между живописью и фотографией, между Сезанном и

документальной съемкой. Вся же так называемая серия о Джиме Бриджере Дейла Стюарта, как я уже говорил, была написана снаружи внутрь.

Клэр указывала ему на этот факт, и не раз, а Дейл скорее отмалчивался, чем защищался, но он был обижен. Он считал свои книги вкладом в литературу, некоторым образом. Она лишила его этой иллюзии, как в итоге лишила вообще всех иллюзий, необходимых человеку для выживания.

Эта книга об Элм-Хейвене, за которую Дейл принялся с таким рвением, – книга, из-за которой он решил остаться в «Веселом уголке», несмотря на все неудобства и психологическую стесненность, – хотя бы отличалась от историй про его горца. Но все равно во многих отношениях была ложью. Все эти наполненные солнцем летние деньки, купанья и потасовки, свобода и возможность мчаться на велосипеде куда пожелаешь, и идеализированная дружба. Дейл поклялся, мысленно подготавливая себя к написанию книги, быть «верным тайнам и недомолвкам детства», но, когда он начал писать, тайны сделались самодовольными, а недомолвки слишком уж красноречивыми.

Работа Дейла Стюарта была лишена ироничности, и даже без защитного камуфляжа постмодернистов, сознательно отказывающихся от иронии. Дейл-человек временами иронизировал – в то же время оглядываясь на защитный камуфляж – по поводу самой идеи сочинения рассказов о горце, но текста его рассказов никогда не оживляли ни ироничность, ни самоосуждение. Труд, в котором практически нет иронии, имеет не больше шансов сделаться вкладом в литературу, чем самые искренние образчики христианской апологии или марксистской полемики. Как сказал однажды Оскар Уайльд: «Все плохие стихи искренни». Сочинения Дейла – и развлекательные опусы о горце, и посвященный лету 1960-го в Элм-Хейвене манускрипт – сокрушали своей чистосердечностью.

Конечно, это всего лишь мое личное мнение. Надеюсь, я не сделался бы литературным критиком (или его собратом, литературным обозревателем), если бы остался жив. Разумеется, моя педантичность и самоуверенность так и тянули к этому поприщу, но все хорошее на этом свете, кроме сна, происходит ровно потому, что мы при жизни не реагируем на подобную тягу. Кроме того, где-то в подвале «Веселого

уголка» и по сей день между листами покрытой плесенью тетради лежит покрытая такой же плесенью открытка, на которой я нацарапал цитату из Флобера:

«Книги делаются не так, как делаются дети, они делаются как пирамиды. Существует некий давно обдуманый план, потом огромные каменные глыбы ставятся одна на другую, это работа, от которой ломит спину и льет пот, она требует времени. И все это без всякой цели! Чтобы пирамида просто стояла среди пустыни! Но каким чудом возвышается она! Шакалы мочатся на ее основание, буржуа карабкаются на ее вершину, и так далее. Продолжите список сами».

Мне было восемь, когда я выписал эту цитату, но уже тогда больше всего меня порадовало восхитительное: «Продолжите список сами». И уже тогда я сразу понял, что под писающими шакалами подразумеваются критики.

Было чуть больше десяти вечера, когда Дейл въехал в Элм-Хейвен, но от маленького городка веяло такой темнотой и заброшенностью, что с тем же успехом могло быть и три часа пополуночи в Вальпургиеву ночь.

Самый короткий путь из Оук-Хилла в Элм-Хейвен был по старой дороге, Оук-Хилл-роуд, которая тянулась с севера на юг, пересекая шоссе 150А прямо на окраине Элм-Хейвена. Дейл быстро проехал Мейн-стрит, замечая, но не желая осознавать, темные витрины магазинов, пустые стоянки, нехватку уличных фонарей, затем свернул на север, на Вторую авеню, и поехал к школе.

Он почти сразу увидел Мишель Стеффни и собак. Территория школы – некогда почти величественное зрелище громадного здания на невысоком холме в окружении древних игровых площадок и вязов-часовых – сейчас представляла собой плоское, лишенное деревьев пространство, на котором из грязного снега поднимались сорняки, здесь же валялись какие-то пластиковые обломки оборудования от игровой площадки, зияла пустотой стоянка, торчали кое-где сараи.

Мишель стояла наверху катальной горки. Пять собак – вожак казался невероятно огромным в свете фар, создавалось впечатление,

что он может без всякого усилия запрыгнуть на горку – стояли у подножия, рассыпавшись точками на концах пятиугольной звезды.

Дейл остановил машину на боковой заасфальтированной улице, свет от его фар вырывал белые конусы из темноты вокруг Старой школы, и теперь думал, как быть дальше. Собаки не повернулись на свет и вообще никак не реагировали на появление «лендкрузера». Лицо Мишель Стеффни казалось белым, глаза ее были широко раскрыты, когда она вскинула руку не столько приветственным, сколько умоляющим жестом.

Дейл съехал с асфальта, переехал неглубокую канаву, которая была гораздо глубже в те времена, когда он каждый день ходил через нее с Депот-стрит в школу, и медленно покотился по заснеженному пространству к горке.

Пять собак не шевельнулись. Они не сводили пристальных взглядов с женщины средних лет, стоящей на площадке над лестницей.

Дейл ощутил приступ страха и вкус желчи во рту. Какой-то миг ему казалось, что пять псов набросятся на Мишель раньше, чем он одолеет последние десять метров, стащат ее с горки в глубокий снег и высокие сорняки за жестяным сараем.

Собаки не двигались. В приступе бешеной, слепой ненависти Дейл нажал на педаль и развернулся, надвигаясь на самого крупного пса, того, которого он считал самым первым черным псом, хоть он и был сейчас раза в четыре больше, чем раньше.

Пес крутанулся на месте и убежал за мгновение до того, как Дейлу пришлось бы решать, тормозить ли поспешно или же действительно раздавить беззащитное животное, может быть, даже чьего-то любимца. Остальные собаки тоже развернулись и канули в темноту, все пять собак разбежались в разные стороны и все пять в какие-то секунды бесследно растворились в черном воздухе.

Дейл остановил машину, разбрызгивая по сторонам снег и грязь. Оставив гореть фары, он встал на подножку.

– Мишель? Ты в порядке?

Белое лицо кивнуло ему. На ней была легкая парка, шарф и варежки. В жестком свете галогенных фар Мишель выглядела одновременно и гораздо старше, чем он помнил ее по их последней встрече, и как-то сильно моложе, совсем по-детски. Дейл подумал, что, возможно, дело в варежках.

Он подошел к горке и протянул ей руку, чтобы помочь спуститься. Она спустилась сама, но коснулась его руки, когда оказалась внизу.

– Что произошло? – спросил Дейл. Мишель отрицательно покачала головой.

– Я не знаю. Я вышла погулять...

– Так поздно? – спросил Дейл и понял, насколько глупо это звучит.

Наверное, у себя в Беверли-Хиллз она в десять вечера как раз обедала перед тем, как отправиться на вечерний показ нового фильма.

– Они вдруг... появились, – сказала Мишель, и тут ее затрясло.

Дейл протянул руку, чтобы дружески похлопать ее по плечу, и в этот момент школьный двор прорезала еще одна пара пучков света от фар и нацелилась прямо на них.

Машина остановилась рядом с пикапом Дейла, но свет фар продолжал слепить их. С водительской стороны возник силуэт грузного мужчины.

– У вас что-то случилось? – проговорил флегматично Ка-Джей Конгден.

Мишель вдруг прильнула к Дейлу. Теперь ее била крупная дрожь. Она отвернулась от света, едва не зарывшись лицом в пальто Дейла.

– Ничего не случилось, – ответил Дейл.

– Вы сейчас на территории города, мистер Стюарт, – произнес Конгден. Дейл видел, как свет фар отражается от нижней поверхности полей шляпы шерифа, но лицо толстяка оставалось в темноте. – На городской земле. Вы сегодня пили, *профессор*?

Дейл ждал, что Мишель скажет что-нибудь, но она только прижималась лицом к его груди.

– Мисс... Стоуффер вышла прогуляться, – начал Дейл, его голос для него самого прозвучал слишком громко в холодном ночном воздухе. – Тут появились какие-то огромные собаки и напали на нее. Я заметил ее и подъехал, свет фар моей машины отпугнул собак. – Он разозлился на себя, что дает подробный отчет этому жирдюю, бывшему городскому хулигану.

– Собаки, – повторил Конгден, голос его прозвучал примирительно и удивленно. Он обратился к Мишель: – Вам лучше пойти со мной, мисс. Я отвезу вас домой.

Мишель вцепилась в Дейла мертвой хваткой, ее руки неистово сжимали его через ткань пальто.

– Нет, – прошептала она Дейлу.

– Я сам отвезу ее домой, – ответил Дейл.

Он обнял ее и подвел к машине со стороны пассажирского сиденья.

Шериф припарковался под таким углом, что и машина, и сам шериф вырисовывались лишь темными силуэтами в ночи. Дешевая пластиковая горка и столбы качелей без самих качелей выглядели неестественно – слишком яркими, слишком оранжевыми, слишком ненатуральными – в свете двух комплектов фар.

– Ей лучше поехать со мной, – произнес шериф из-за своего полицейского джипа. Голос его звучал ровно, плоско, но в то же время в нем чувствовалось удивление и угроза.

Дейл пропустил слова шерифа мимо ушей, помог Мишель сесть в машину, аккуратно прикрыл дверцу и обошел машину кругом.

Какой-то миг он размышлял, что станет делать, если Конгден тоже обойдет свою машину и попытается перегородить Дейлу дорогу. «А с чего бы ему так делать?»

«Потому что ты ставишь под угрозу его авторитет, болван», – сам себе мысленно ответил Дейл.

Конгден не стал обходить машину.

Дейл сдал назад, развернулся на заснеженном поле и выехал на асфальт Второй авеню. Поглядывая в зеркало заднего вида, Дейл видел лишь горящие фары машины шерифа. Конгден не преследовал их.

Дейл доехал до перекрестка с Депот-стрит, залил светом фар свой старый дом, сейчас темный, начал заворачивать направо, но притормозил.

– Ты хочешь домой или, может быть... на ферму? Мишель до сих пор была дрожь. Вроде бы она не выказывала такого страха перед собакой, которую встретила на подъезде к «Веселому уголку». Дейл подумал, что дело в холоде.

– Домой, – ответила она тихо.

Дейл послушно повернул налево по Депот-стрит и поехал в сторону Брод-стрит, где находился старый дом Мишель.

– Я имею в виду дом в Калифорнии, – сказала Мишель.

Дейл засмеялся. Он повернулся к ней, уверенный, что она тоже улыбается, но увидел только белеющий в темноте овал лица. Ему невольно вспомнился тот человек без лица, в военной форме, которого он уже дважды видел, проезжая мимо кладбища.

Дом Мишель Стеффни стоял непроницаемо-черный. Ее пикапа у подъезда не было, и следов шин тоже не было.

– Машина в мастерской в Оук-Хилле – сказала Мишель, голос ее звучал несколько громче. – Такая черная коробочка над системой зажигания сломалась. Мне сказали, что в мастерской получают нужные детали только через несколько дней.

– У тебя достаточно продуктов и... всего остального? – спросил Дейл.

Мишель кивнула и снова коснулась его руки.

– Спасибо, что спас меня.

Он постарался ответить непринужденным тоном:

– Сомневаюсь, что собаки сделали бы с тобой что-то нехорошее.

Белый овал ее лица закачался вверх-вниз, хотя он не понял, соглашается ли она с ним или подтверждает, что собаки *сделали* бы с ней что-то нехорошее.

– Ни за что не села бы к нему в машину, – произнесла она совсем тихо, и Дейл не сразу понял, что она говорит о шерифе Конгдене.

– Я тебя понимаю, – отозвался он. – Хочешь, войду с тобой, подожду, пока ты зажжешь свет?

– Не стоит, – ответила Мишель. Она протянула ему квадратную коробочку, он смотрел на нее минуту, пока не вспомнил, что это коробка с патронами четыреста десятого калибра, которую он купил сегодня же вечером в Оук-Хилле. – Это лежало на пассажирском сиденье, мне не захотелось садиться прямо на коробку, – пояснила она.

Дейл бросил коробочку с патронами на заднее сиденье. «Можно было бы кинуть этим в собак», – подумал он.

Когда она открыла дверцу со своей стороны, в машине загорелся свет, но она отвернулась, поэтому Дейл не увидел выражения ее лица, не узнал, что она думает по поводу его предложения проводить ее в дом. Обойдя машину, она остановилась перед опущенным стеклом с его стороны, с хрустом утапывая снег, и сказала:

– Подожди, пока я не дойду до конца дорожки, ладно? Посмотри, не появятся ли собаки. – Голос ее звучал уже нормально. –

Электричество в доме отключено, поэтому я пользуюсь свечами, и еще оставляла зажженные фары, пока была машина. Так что не беспокойся, если не увидишь света.

– Если электричество отключено, значит, и система отопления не работает? Зачем сидеть в холодном темном доме?

Дейл размышлял, где он ляжет: на кровати Дуэйна в подвале, а ей уступит кушетку в кабинете или наоборот, он наверху, а она на более удобном ложе?

– Отопление работает, – сказала Мишель. Он видел теперь, как в ее глазах отражается звездный свет. – Там отдельная линия. Мы с Дианой пытались хоть как-то разобраться в старой проводке, и у нас вылетели пробки. Завтра утром из Пеории приедет мастер и все починит. Спокойной ночи, Дейл. Еще раз спасибо, что спас меня. – Она наклонилась и пожала его руку своей рукой в варежке.

– Всегда рад стараться, – ответил Дейл.

Он посмотрел, как она прошла по заметенной снегом дорожке, осторожно ставя ноги, потом она исчезла за углом дома. Как и было обещано, свет не загорелся, но ему показалось, он заметил слабое мерцание по ту сторону темного окна.

Он сдал задним ходом на улицу и поехал к Депот-стрит через Первую авеню, а затем выехал на дорогу к «Веселому уголку». Ни Конгдена, ни его машины нигде не было.

Дейлу, после ночного холода, показалось, что внутри фермерского дома, если не считать ледяного сквозняка со второго этажа, тепло. Он шел из комнаты в комнату, по пути зажигая везде свет.

Он отнес патроны в подвал и извлек части своего вертикального дробовика оттуда, где спрятал его. Настало время, решил он, иметь под рукой настоящее, заряженное, оружие.

Дейл соединял части ружья, когда вдруг заметил, что в одном стволе есть патрон. Он осторожно вынул красный цилиндр, потрясенный тем, что оставил на полке заряженное оружие, пусть и в разобранном виде. Он знал, что так делать нельзя, отец научил его, когда Дейлу было всего лет шесть.

На патроне была зарубка, отметина от опустившегося бойка почти в центре медного кружка. Это был тот самый патрон, тот, который не разорвался год назад в ноябре, когда он пытался покончить с собой.

Дейл отступил на шаг назад и присел на край старой медной кровати Дуэйна. Пружины скрипнули. Он достал свою драгоценную зажигалку «Данхилл» и щелкал ею, продолжая вертеть патрон пальцами, глядя, как пламя от зажигалки блестит на металле. Никаких сомнений. Этот тот самый патрон, которым он пытался себя убить.

«Я его выбросил. Здесь, на ферме. Перед тем, как спрятать ружье. Закинул патрон подальше в поле».

Так ли? Дейл смутно помнил, как шел по мерзлой грязи, мимо фонаря на столбе, в открытое пространство за забором, где начинались ряды замерзшей кукурузы, как закинул патрон подальше в ночь.

«Может, это был другой патрон?»

Глупость какая-то. Он нашел только один патрон, когда обнаружил, что каким-то образом запаковал в свои книги, тарелки и прочие пожитки еще и ружье.

«К тому же я никогда не оставляю патрон в стволе».

Дейл замотал головой. Он так устал. Долго читал в библиотеке Оук-Хилла, потом этот странный случай с Мишель и собаками, после которого в голове теснились смазанные образы.

Он прислонил собранное ружье к стене, убедился, что оно разломлено и не заряжено, поднялся наверх, чтобы запереть кухонную дверь и погасить свет.

Когда он уходил, компьютер был выключен. Сейчас на черном экране после буквы С горели слова.

>Куда лечу – там Ад, я сам есть этот ад; И ниже нижнего предела, на самом дне, Разинутая бездны пасть грозит меня пожрать, В сравненьи с бездной той мой Ад – Блаженство.

Дейл минуту смотрел на строки, потирая подбородок. Это Мильтон, но не «Потерянный Рай». Возможно, что-то из сохранившихся набросков к мильтоновскому «Адаму Изгнанному».

В отличие от «Потерянного Рая», где Сатана самый гуманистический и завершенный характер, где читатель ни разу не видит Сатану павшим, а только в образе прекрасного Люцифера, «утренней звезды» Небес, самого возвышенного и возлюбленного из всех ангелов Господних, здесь представлен плач Люцифера, низвергнутого в ад. Это, как полагал Дейл, была вариация на жалобы Мефистофеля у Марло: «Зачем здесь ад, и я не взят отсюда».

Дейл слишком устал, чтобы играть в литературные шарады. Он напечатал:

>Скажи, кто ты, или я совсем выключу этот чертов компьютер.

Затем он погасил свет и пошел вниз, собираясь ночевать на кровати Дуэйна.

Глава 18

Месяца через три после того, как у Дейла завязался роман с Клэр Харт (или Клэр Ту-Хартс), он отправился в Париж в качестве гостя своего французского издателя и Министерства культуры, на конференцию «Освобожденная литература угнетаемых народов». В университете у него были январские каникулы после гнетущих рождественских праздников, проведенных дома и не совсем дома; Энн даже не предложила поехать вместе с ним на конференцию. Сам же Дейл изначально хотел отказаться, несмотря на редкую возможность бесплатно съездить в Париж – он знал, что получил приглашение благодаря неверному французскому переводу его третьей книги о Джиме Бриджере, «Кровавая луна», в которой несколько горцев и еще несколько неправдоподобно благородных французов, охотников на бобров, помогают племени «черноногих» спастись от вторгшихся на их земли федеральных войск. Это был самый политически корректный из его романов и самый безответственный с исторической точки зрения. Французам он понравился. В итоге Дейл принял приглашение в последний момент, и чтобы поддержать свой пошатнувшийся авторитет в глазах декана и всей кафедры, и чтобы уехать, хотя бы на несколько дней, которые продлится конференция, уехать от своей двойной жизни в Мизуле, сводящей его с ума.

В Монтане в тот год стояла необычайно теплая и относительно бесснежная зима, а в Париже было сыро и промозгло. Всех приглашенных на конференцию авторов разместили в шикарном отеле «Лютеция» на бульваре Распэ, но из десяти приглашенных американцев, кажется, один Дейл знал, что во времена оккупации здесь размещалась штаб-квартира гестапо. На позеленевшей медной табличке при входе об исторической значимости этого места сообщалось только то, что после войны здесь располагалась штаб-квартира Красного Креста, где бывшие беженцы искали родственников.

Издатель Дейла, Робер Лаффон, был занят обхаживанием своих *настоящих* писателей – Дейл был единственный не коренной американец, приглашенный из Штатов, – поэтому его встретила в

Руази, в аэропорту Шарля де Голля, дама от состоящего при Министерстве культуры агентства Pour l'Organisation de l'Accueil des Personalitrs № rangnes из Ministere des Affaires № rangnes, что Дейл тут же перевел с помощью карманного переводчика как «Бедная Организация по нахождению странных персон» при «Министерстве странных дел». Поскольку эта дама обычно имела дело только с представителями богемы, особенным типом американцев, она вообще не говорила по-английски, и ее явно потрясло, что Дейл ни слова не знает по-французски. Она быстро провела его по бетонным коридорам под зданием аэропорта прямо в подземный гараж к «рено» и повезла в Париж в молчании, которое нарушала лишь выдохами сигаретного дыма.

Его работа на конференции началась в тот же вечер. Торжественное открытие назначили в украшенном Hftel de Ville – городской ратуше, первый вечер был посвящен серии приветственных речей от мэра, от различных представителей министерства, других организаций, кого-то еще – может, даже самого президента – хотя Дейл так и не смог уловить, кто здесь кто, поскольку все происходило на французском языке и ему никто не переводил. Он был счастлив, что надел в тот вечер лучший черный костюм, сумел, благодаря карманному переводчику, не заснуть и ни разу не услышал своего имени, так что ему не пришлось ничего говорить. На самом деле ни одному из тридцати присутствующих писателей – в основном африканцы, но еще изможденного вида коренные американцы и он сам – не пришлось в тот вечер выступать, даже перед французской прессой, которая толпилась в приемной и широких коридорах перед конференц-залом, газетчики выкрикивали свои вопросы только французским политикам и представителям министерства.

Ощущение полной затерянности в лингвистическом кошмаре, где человеческая речь доминировала над всем, но в ней нельзя было разобрать ни слова, продолжалось еще два дня, хотя за это время редактор выкроил минутку, чтобы поговорить с Дейлом, и приставил к нему переводчика, бледную девушку, которая одну за одной курила сигареты «Галуаз» и переводила лишь те моменты конференции, которые непосредственно касались профессора Стюарта, то есть почти не переводила вовсе.

Редактору Дейла было немного за тридцать, на двадцать лет моложе Дейла, очень бледный, эту бледность особенно подчеркивали непроницаемо-черные «водолазки», костюмы и пальто, которые носил этот молодой человек. Редактор занимался литературой коренных американцев и похвалялся тем, что за шесть посещений Соединенных Штатов, общим сроком три месяца, он все время ступал только по землям резерваций, где обитали коренные американцы, если не считать нескольких военных мемориалов индейцев и, разумеется, переездов от аэропорта и обратно. Его бледность также подчеркивал маленький рот, который производил впечатление неестественно красного – хотя Дейл так и не понял, использует ли француз помаду, – подкрашенные глаза и ресницы, а также коротко остриженные черные волосы с небольшим начесанным и залитым лаком хохолком на лбу. Звали его Жан-Пьер, но Дейл тут же мысленно окрестил его Крошкой Германом и так и не смог отделаться от этого образа.

На второй день издатель устроил для Дейла небольшую пресс конференцию в «Hftel de Ville», и Жан-Пьер, который жутко говорил по-английски, сменил совсем заскучавшую юную курильщицу, имени которой Дейл так никогда и не узнал.

Первый вопрос от прессы был переведен так: «Когда вооруженная революция угнетенных народов Америки обратится в реальность, на чьей стороне окажется буржуазная псевдоинтеллигенция, к которой относитесь и вы?»

На это Дейл сумел ответить лишь: «Чего?»

На третий день, когда Дейл собирался на назначенную на позднее утро конференцию, явилась Клэр.

Дейл замер среди фойе и глядел на нее в совершенном изумлении и потрясении. Накануне вечером Дейл позвонил Энн, они по-настоящему поговорили, это был первый настоящий разговор за множество недель. Дейл понимал, что это его ощущение оторванности от дома, ощущение того, что он здесь не к месту, спровоцировало и этот звонок, и выбранный им тон разговора. Но все равно, все получилось очень естественно. И вот теперь это. Теперь Клэр.

Он понятия не имел, как она его нашла. Она уехала домой на рождественские каникулы – домой, в Италию, – и Дейл не надеялся увидеть ее раньше чем через две недели. Он не говорил ей, что решил

все-таки ехать в Париж на эту конференцию, и в университете никто не дал бы ей адреса его отеля. Как же она его выследила?

– Не валяй дурака, – сказала Клэр, она держала его за руку, пока они возвращались обратно к лифту и поднимались в его номер, чтобы заняться любовью, и пусть конференция катится ко всем чертям. – Во мне же течет кровь «черноногих». Они как раз этим и занимаются, выслеживают людей. Ты что, не читал собственных книг?

После этого неделя волшебным образом изменилась. У Клэр были в Париже собственные дела, но она находила время сопровождать его на то, что она называла «Освобожденной литературой угнетаемых уродов»; сменив ничего не переводящую курильщицу, она сама переводила ему, сводя на нет весь пафос происходящего. Ее французский, как скоро понял Дейл, был безупречен, единственным его недостатком был парижский выговор. На конференции, как оказалось, несли столько чуши, сколько Дейл и вообразить себе не мог, и Клэр снабжала свой перевод комментариями, так что время от времени какой-нибудь председательствующий академик или политик бросал на их конец стола такие взгляды, какими сельская учительница награждает хихикающих детишек.

По вечерам, после того как они высидели обязательную трехчасовую конференцию или официальный обед – Клэр посещала все мероприятия, не спрашивая разрешения ни у Дейла, ни у кого-нибудь еще, неизменно представляясь просто «Клэр» сгорающим от любопытства хозяевам-французам и их гостям, писателям – представителям угнетенных народов, – Дейл, вместо того чтобы в полночь, как в первые два дня, прийти в свою «Лютецию» и завалиться спать, отправлялся вместе с Клэр гулять по Парижу.

Клэр показала ему замечательный ночной джаз-клуб, не без издевки названный «Монтана». Они ели достопамятный шоколадный мусс в половину второго ночи рядом с Понт-Неф, в заведении под названием «Ai chien qui fume»; смотрели на Монмартре полуобнаженных танцовщиц в «Lili la Tigresse»; заходили в потрясающий крошечный бар рядом с бульваром Распэ, Клэр утверждала, что это любимый бар Хемингуэя, о котором понятия не имеют туристы (все они ломятся в страшно дорогой бар «У Гарри»), в котором предлагали более пятидесяти сортов односолодового шотландского виски; переправлялись на Правый берег, чтобы

повеселиться под музыку вместе с молодежью в «Le baise sale»; ездили на такси в пивную «Эльзас» на Елисейских Полях, где ели дары моря, глядя, как на рассвете поливальные машины моют широкую улицу, и спускались к Сене, когда небо на востоке начинало розоветь.

В разгар утра, после нескольких часов любви, Клэр как-то заявила, что они непременно должны отправиться на пошлую экскурсию по Сене на bateaux-mouche ^[22], несмотря на прохладную погоду, и они сидели на верхней палубе, обнявшись, чтобы согреться. Потом они медленно прошлись по Люксембургскому саду, а затем разыскали могилу Бодлера на кладбище Монпарнаса. Когда Дейл заметил, что в любви парижан к осмотру могил есть что-то мрачное, Клэр переспросила: «Мрачное? Хочешь мрачного? Я тебе сейчас покажу мрачное!»

Она провела его по бульвару Распай мимо Центра современного искусства в «Foundation Cartier» к перекрестку с табличкой, на которой значилось «Denfert-Rochereau».

– Denfert это вариант enfer – пояснила Клэр. – Инферно. Ад. – Они прошли через небольшую железную дверь в каменной стене, взяли у заспанного смотрителя фонарь и следующие два часа бродили по подземному лабиринту парижских катакомб, хранилищу скелетов, которые свозили сюда с переполненных парижских кладбищ еще со времен Французской революции. Клэр дала ему время передохнуть, после того как сообщила, что аккуратно сложенные на два метра в высоту по обеим сторонам их туннеля кости, кости в нишах, кости в соседних туннелях принадлежат приблизительно шести миллионам человек. – Мы с тобой наблюдаем весь Холокост, собранный на ближайшей миле, – шепотом произнесла она, освещая фонарем стены из берцовых костей и пустых глазниц.

В тот же вечер они обедали с редактором Дейла, Жан-Пьером, или же, как неизменно называла его Клэр, после того как Дейл поделился своими соображениями по поводу внешности этого коротышки, Крошкой Жаном. Был выбран ресторан «Wofinger» рядом с Бастилией. Еда была отменная, а атмосфера в духе той эльзасской пивной, только рангом выше: черные и белые плитки пола, дерево, медь, высокие окна, выходящие на залитую дождем улицу, и публика, знающая, как с шиком поесть и выпить. Попозже пришло несколько посетителей с

собаками, но детей не было ни одного. Французы понимают, что ужин – дело серьезное и дети здесь только помеха.

Еда в тот вечер была настолько безоговорочно великолепная, насколько монологи Крошки Жана были безоговорочным *merde* [23]. Дейл взял фирменное: тушеное блюдо, именуемое *cassoulet*, в него входила белая фасоль с маринованной гусятиной, морковь, свиные ножки и бог знает что еще, Клэр предпочла *choucroute*, которое показалось Дейлу подозрительно похожим на квашеную капусту, – с тонко нарезанными кусочками свиной отбивной, бекона, сосисок и отварного картофеля. Крошка Жан заказал *canard à la pressé*, что, как он не без удовольствия объяснил, означало буквально утку, умерщвленную удушением, и все они отдали должное сопутствующим блюдам, на которых лежали горки *rommes frites*. Эльзасское вино было роскошно.

Жан-Пьер растолковывал Дейлу смысл его романа «Кровавая луна».

– То, что вы показали и чего никогда не поймут англо-американские буржуа в своем окраинном самодовольстве, это... как бы это сказать? Духовную целостность коренных американцев и ее полное отсутствие у ваших среднестатистических представителей Соединенных Штатов...

Дейл сосредоточился на вине и своем *cassoulet*. Клэр оторвалась от *choucroute* и едва заметно улыбалась молодому редактору. Дейл уже видел у нее такую улыбку и знал, что она предвещает.

– Вот, например, привидения в вашем романе, – продолжал Жан-Пьер. – Да обычный американец спятил бы, если бы увидел такое, нет? Конечно да! Тогда как для угнетенной, униженной души, для одухотворенного коренного американца, который так же естествен в своей среде, как дерево на ветру, призраки нечто понятное, нечто естественное, любимое и дружественное, нет?

– Нет, – отрезала Клэр, улыбаясь несколько шире. Жан-Пьер, прирожденный оратор-одиночка, захлопал глазами от этой ремарки.

– Пардон, мадемуазель?

– Нет, – повторила Клэр. Он съела полоску *rommes frites*, держа картошку рукой, а затем снова сосредоточила внимание на редакторе. – Индейцы никогда не любили и не понимали привидения, никогда не считали их чем-то естественным, – сказала она спокойно. – Они до

смерти боятся привидений. Обычно считается, что призрак несет живому человеку только зло, и общения с ним избегают любой ценой. Семья навахо сожжет свой хоган, если кто-нибудь из родственников умрет в нем, они уверены, что иначе чинди этого человека, злой дух, заразит всю местность вокруг, словно рак.

Жан-Пьер глядел на нее, нахмурившись, его слишком алый ротик казался клоунским на фоне белого лица.

– Но мы говорим не о навахо, с которыми я провел прекрасные три недели в вашем штате Аризона два года назад, а о «черноногих» из романа профессора Стюарта!

Клэр пожала плечами.

– «Черноногие» боятся привидений точно так же, как и навахо. Привидения в европейской традиции по крайней мере обладают индивидуальностью, например тень отца Гамлета или призрак партнера Скруджа, Марли. Они в состоянии мыслить, говорить, объяснять свои поступки, они растолковывают живым их ошибки. Для индейцев Великих Равнин, да почти для всех индейцев, в призраке мертвого человека заключено не больше индивидуальности, чем в пердеже.

– Пардон? – захолопал глазами Жан-Пьер. – В... падеже?

– Un pet, – пояснила Клэр. – Просто трескучий газ, оставшийся позади. Привидения в индейской традиции всегда злобные, всегда неприятные, абсолютно линейные, еще более инертные, чем бессильные тени в Аиде, которых видели Орфей с Эвридикой.

Она, видимо, говорила слишком быстро для Жан-Пьера. Дейл догадался, что редактор не понял ни слова после un pet.

– Если мадемуазель именуется индейцами все угнетенные народы Соединенных Штатов, – заговорил Жан-Пьер, и в голосе его прозвучал галльский сарказм, – тогда мадемуазель вообще ничего не понимает в угнетенных народах.

Дейл хотел было вмешаться, но Клэр обхватила его запястье двумя пальцами и сильно сжала. Она обольстительно улыбнулась Жан-Пьеру.

– Мосье Крошка Жан, должно быть, прав. Редактор снова нахмурился, замолк, начал что-то говорить и вдруг сменил тему, развернув монолог о глупости в современной политике Соединенных Штатов, объясняя, что существует всеобъемлющий финансовый

заговор – надо полагать, жидовский, подумал про себя Дейл, – который и контролирует все рычаги власти этой отсталой страны.

Позже, в штаб-квартире гестапо, лежа на кровати, когда луна заливала светом крыши Парижа и освещала их обнаженные тела, Дейл спросил шепотом:

– Это правда? Мы правда здесь? Это сейчас не кончится, Клэр?

Она улыбнулась в каком-то дюйме от него. Дейл не мог сказать точно, но все-таки решил, что она улыбалась не той улыбкой, какой улыбалась Жан-Пьеру в эльзасском ресторане.

– Могу ответить тебе лишь любимой фразой матери Наполеона, – прошептала она в ответ.

– Какой же?

– *Jay a bien pourvu que da dure...*

– И что это значит?

– Что есть, то и ладно.

Дейл проснулся в подвале «Веселого уголка». Было позднее утро. Он переставил часы, и сейчас они показывали 10.45, слабый жидкий свет пробивался в бойницы грязных подвальных окон. Сунув ноги в тапочки, все еще в старом спортивном костюме, который он использовал вместо пижамы, Дейл поднялся в кухню. По холодному дому гулял сквозняк, и солнце в небе казалось таким же безжизненным и потерянным, каким чувствовал себя Дейл. Струи вчерашнего дождя замерзли на окнах и двери длинными сосульками, похожими на прутья тюремной решетки. Холодильник и кухонные шкафы были почти пусты. Ему очень хотелось чего-нибудь вкусного, не хлопьев и молока, которые он все время ел на завтрак, хотелось чего-нибудь вроде крепкого черного кофе и теплых круассанов, с тающим на корочке сливочным маслом. Он подумал, что ему, наверное, только что снилась еда.

Дейл вошел в кабинет и замер. Компьютер был включен. Дурацкая цитата из Мильтона так и висела на экране, как и его ультиматум, написанный прошлым вечером.

>Скажи, кто ты, или я совсем выключу этот чертов компьютер.

Под этим было:

>Скорбен, одинок, скажи, убог ли, коль избегаю общества?
Творение Божественное от Господа алчет света. Любовь, одиночество

– всякое амбивалентное ощущение теряется, меркнет. Ежедневные напасти язвят, долги удручают, альтернативы нет.

Раздраженный диалогом на экране, обрывочными воспоминаниями о нарушенном сне и яркими воспоминаниями о разговоре с Маб, тем, что так и не дождался звонка Энн, Дейл быстро выделил текст и потянулся к клавише DELETE.

И замер.

Он читал этот абзац бреда, и на ум ему приходили слова, почти целые фразы. Сосульки. Сестры. Сибил.

Он замотал головой. У него мигрень, у него кончилась еда. Даже чертов хлеб заплесневел. Надо поехать в магазин, а об этом он подумает потом.

Час спустя Дейл вышел из супермаркета «Квик» с тремя пластиковыми пакетами покупок и замер на месте. Между парковочными столбиками стоял Дерек и четверо его дружков-скинхедов, они отделяли Дейла от «лендкрузера». На мокрой дороге не было больше машин, кроме их старых пикапов, «форда» и «шевроле».

Дейл стоял между заправочной станцией и магазином товаров в дорогу. Он ощутил, как волна адреналина и страха разливается по телу, и тут же возненавидел себя за этот страх.

«Войди внутрь и позвони копам... в полицию штата, если не хочешь шерифу». Он посмотрел через плечо на жирную прыщавую девицу за прилавком. Она выдержала его взгляд с тупым упорством, а затем нарочито отвернулась. Дейл догадался, что она, наверное, девица кого-нибудь из этих парней, Дерека или кого-то из бритоголовых... а может быть, и всех сразу.

Взвесив на руке пакеты и жалея, что они недостаточно тяжелые – не набиты хотя бы жестянками с консервированными овощами, – Дейл сошел с бордюра и двинулся к кучке скинхедов.

Вожак, парень лет двадцати пяти с вытатуированной на правой руке свастикой, продемонстрировал Дейлу в широкой ухмылке мелкие неровные зубы. Он держал что-то в руке, прятал.

Дейл ощутил, как обмякли колени, и снова разозлился на себя. Какой-то миг ему грезилось, что, пока эти парни смотрят на него, он хватает с заднего сиденья свой вертикальный дробовик «саваж», стреляет в асфальт, чтобы отпугнуть их, сбивает с ног вожака, ставит

колени ему на грудь и колотит его головой об мокрый асфальт, и кровь начинает лить из ушей этой скотины...

«Саважа» на заднем сиденье не было. Если завяжется драка, Дейл знал, у скинхедов все преимущества: опыт, жестокость, желание причинить боль другому человеку. Сердце его колотилось напрасно, Дейл оторнул все свои фантазии и попытался сосредоточиться на печальной реальности.

– Эй, профессор Иуда, – окликнул его вожак, и Дейл вспомнил, что эта банда знает о нем из-за серии антимилитаристских статей, которые он имел глупость написать. Главной темой в этих статьях был антисемитизм в подобных, так называемых патриотических группировках.

«Теперь твоей главной темой будут выбитые зубы и перерезанное горло», – подумал он, останавливаясь перед пятью парнями. Он хотел сказать им, чтобы убирались ко всем чертям с его дороги, но засомневался, прозвучит ли голос достаточно уверенно. «Чудно. Мне пятьдесят два года, и я только что обнаружил, что я трус!»

На бензозаправку въехал голубой «бьюик», подкатил к ближайшей колонке, у которой как раз и стояли Дейл и скинхеды. С передних сидений на них недоуменно хлопала глазами пожилая чета, и парни с угрюмым видом отошли в сторонку.

За эту короткую передышку Дейл успел добраться до машины и забраться внутрь. Вожак наклонился к водительскому стеклу как раз в тот момент, когда Дейл защелкнул двери на центральный замок. Парень, стоявший рядом с Дерекком, провел ключом по левому заднему крылу «лендкрузера».

«Если бы я был настоящим мужиком, – подумал Дейл, – я бы выскочил из машины и вытряхнул из этого паршивца кишки».

Дейл отъехал от магазина, надеясь, что на этом все и завершится. Не тут-то было. Пятеро парней расселись по своим пикапам, Дерек с соседом запрыгнули в белый «шевроле», вожак и еще двое парней уселись в обшарпанный зеленый «форд» с непомерно большими колесами. Оба джипа с ревом рванули от супермаркета «Квик» вслед за Дейлом.

Дейл притормозил на выезде на окружную дорогу. Не проехать ли ему пару сотен метров до выезда на 1–74? Выехав на автостраду, он сможет отправиться прямо в Пеорию. Если эти гады поедут за ним, он

посигналит какой-нибудь полицейской машине или поедет сразу к полицейскому управлению, которое, как он смутно помнил, находится на проезде Военного мемориала. Или ему лучше повернуть на север к Хард-роуд и шоссе 150А, а потом обратно к дороге на Оук-Хилл и там уже на север к участку шерифа? В этом нет никакого смысла. Только не при шерифе Ка-Джее Конгдене. Кто-то из этих негодяев наверняка любимчик шерифа. Не исключено, что они все вместе ходят на сборища бритоголовых и одалживают друг у друга белые балахоны для очередного костра.

Дейл свернул на север к Хард-роуд. Будь он проклят, если сбежит в Пеорию только из-за того, что какое-то дерьмо ему угрожает.

«А почему нет? – подумал он. – Почему вообще не поехать прямо в Монтану?»

Два пикапа ехали вслед за ним по Хард-роуд, зеленый «форд» обогнал белый «шевроле» Дерекы.

Дейл снова притормозил на Хард-роуд. Приблизительно в миле на западе виднелись деревья и водонапорная башня Элм-Хейвена. Прямо впереди простиралась узкая асфальтовая дорога, слишком узкая и грубо заасфальтированная, чтобы называться дорогой, этот отрезок в две мили соединял поля, прежде чем перейти в Шестое окружное шоссе. Дейл ехал по этой дорожке в супермаркет «Квик», оглядывая грязные поля и снова вспоминая, как когда-то эта дорога была колеей от тракторов, ходящих между полями, местные жители пользовались ею изредка, потому что в дождь она делалась совершенно непроходимой. Дядя Генри и тетя Лина часто рассказывали, что местные фермеры всегда держат наготове несколько лошадей, дожидаясь, когда можно будет вытянуть какой-нибудь незадачливый пикап или даже пижонский новенький «форд» из грязи, в весеннюю распутицу это было довольно прибыльным делом. Дейл ехал прямо по дорожке, шины шуршали по мягкому асфальту и тающему снегу.

Если скинхеды думают обойти его, чтобы прижать с боков, у них ничего не выйдет на этом участке дороги. Ширины здесь хватало только на одну машину, а по обеим сторонам от дороги тянулись глубокие дренажные канавы.

Дейл поглядел в зеркало заднего вида. Оба пикапа ехали прямо за ним. Дейл даже разглядел за рулем «форда» бледную физиономию и темные глаза вожака.

Дейл попытался прикинуть возраст пикапов и есть ли у них полный привод. Он решил, что у «шевроле», скорее всего, нет, а вот у «форда», наверное, есть. Во всяком случае, судя по дорогим огромным внедорожным колесам, у него, скорее всего, имеется и полный привод.

«О чем я вообще думал, когда поехал сюда?»

Дорожка выходила на Шестое окружное шоссе южнее бара «Под черным деревом». Еще около мили на север – и он уже в «Веселом уголке».

Водонапорная башня Элм-Хейвена торчала на западе.

Дейл повернул на восток, на Джубили-Колледж-роуд.

«Ты свихнулся!» Шестое окружное тянулось на восток еще миль семь, до Джубили-Колледж, и больше там не было ничего – только холмы, узкие мосты над оврагами, несколько фермерских домов. «И дорога достаточно широкая, они могут прижать меня и сбросить в кювет».

Дейл вжал педаль газа в пол. Огромный шестицилиндровый мотор «тойоты» взревел, и тяжелая, на две с половиной тонны, машина рванулась вперед.

Два пикапа позади принялись сигналить, то ли от восторга при виде Дейловой глупости, то ли в предвкушении того, что будет теперь.

Дейл несся со скоростью семьдесят пять миль в час по скверной деревенской дороге, «лендкрузер» высоко взлетал на подъемах, благополучно скатываясь в небольшие долины. Вожак, водитель зеленого «форда», ехал рядом с Дейлом, когда они с ревом преодолевали следующий подъем.

«Встречная машина – и будут трупы», – подумал Дейл.

Они вместе перевалили через холм. Встречных машин не было. Белый «шевроле» маячил в зеркале Дейла, на самом деле уже упирался в его задний бампер.

Обе машины сигналили, скинхеды махали ему из открытых окон.

Парень на пассажирском сиденье рядом с вожаком поднял охотничий нож и замахнулся, всего в паре футов от Дейла. Стекло было опущено, парень орал и ругался, заглушая шум ветра, рев моторов и шорох шин по мокрому асфальту.

Дейл не обращал на него внимания, он спускался с холма. На Джубили-Колледж-роуд хватало места для двух машин, но внизу, на мосту через овраг, могла поместиться только одна.

Зеленый «форд» поднажал, однако на стороне Дейла была масса его машины, мощь мотора и отчаяние. Он первым достиг нижней точки и проехал впереди «форда». Три машины с шумом миновали узкий мост и заревели на следующем подъеме.

«Это тот мост, на котором убили дядю Дуэйна, дядю Арта, в то же самое лето шестидесятого, – подумал Дейл. – Кто-то столкнул старый «кадиллак» дяди Арта с дороги, и он вылетел с моста».

Больше у Дейла не было времени на размышления, потому что зеленый «форд» снова ехал бок о бок с ним, а белый «шевроле» прижимал его сзади.

Дейл нажал на тормоза. Белый пикап за ним тоже ударил по тормозам, сбросил скорость, но не отстал от «лендкрузера». «Форд» обогнал Дейла и поехал впереди. Дейл снова нажал на тормоз, затормозил резко, и пикап «шевроле» на этот раз действительно отстал, и тогда Дейл резко выкрутил руль влево. «Лендкрузер» развернулся, едва не опрокинувшись, съехал с асфальта и буквально заскользил по проселочной дороге, ведущей на север к полосе деревьев. На желтом знаке, испещренном следами дроби, торчащем среди замерзших сорняков у дороги, значилось одно слово: «Тупик».

«Зачем я повернул здесь?» – в ужасе думал Дейл. Оба пикапа уже развернулись на Джубили-Колледж-роуд и теперь катились по проселочной дороге в сотне метров позади него. «О чем вообще я думал?»

И ответ пришел, произнесенный мысленным голосом, который вроде бы принадлежал не ему: «О Цыганской дороге».

Глава 19

Я понял, что задумал Дейл, в тот миг, когда он свернул на восток по Джубили-Колледж-роуд. Я понял, почему он решился на этот вроде бы бессмысленный поступок, раньше, чем понял он сам.

Цыганская дорога была одним из самых притягательных мест для нас, мальчишек, в конце пятидесятых и в первый год шестидесятых, мой последний год. Из всех мест для игр Цыганская дорога была самым таинственным. Среди детей ходила легенда, будто по этой старой дороге больше века назад ездили кибитки цыган, торговавших по всему Среднему Западу, цыгане предпочитали пустынные обходные пути главным. Еще в легенде говорилось, что цыган выгнали из Элм-Хейвена, Оук-Хилла и остальных окрестных городков после того, как здесь пропало несколько детей – как считали горожане, это цыгане похитили их для своих кровавых обрядов, – но цыгане, в которых все равно нуждались живущие на отшибе фермеры, потому что они продавали лекарства, предсказывали будущее и точили ножи, нашли старую дорогу, ведущую через густой лес тропинку, расширенную до размеров повозки квакерами и прочими строителями Подземной Железной дороги, которые гнали на север рабов еще за много лет до Гражданской войны; и вот цыгане стали пользоваться этой дорогой, переезжая из Оук-Хилла в Принсвил, из Принсвила в Пеорию, из Пеории на север, в сторону Чикаго, по этому тайному пути при свете луны лошади тащили их скрипучие кибитки под покровом темноты и узорных лесных теней.

Чтобы попасть на Цыганскую дорогу, Дейл и остальные городские ребята топали по Джубили-Колледж-роуд, мимо бара «Под черным деревом», до Шестого окружного шоссе, а я встречал их у Страстного кладбища. Мы все шли через кладбище – храбро при свете дня и более чем смущенные в сумерках или после заката, – перелезали через забор, потом шли через пастбища и луга, проходили лесистую долину, добирались до Билли Гоут – здесь была заброшенная выработанная шахта и гравиевый карьер – и в итоге оказывались в старом лесу, не тронутом пилой, где от Цыганской дороги осталась только протоптанная дорожка, заросшая мхом и высокой травой, над

которой нависали кусты ежевики. Ходили обычно Дейл, его младший брат Лоренс, Майк О'Рурк, Кевин Грумбахер, странноватый Джим Харлен, иногда еще какие-нибудь городские мальчишки, и очень редко какая-нибудь девочка, хотя Донна Лу Перри, подающая в их бесконечных бейсбольных играх, ходила довольно часто.

Я вечно тащился сзади. Я был жирный. Даже в самый жаркий летний день я ходил в плотной фланелевой рубашке и толстых вельветовых штанах. Я шел так, как умел. Ребята не возражали. Время от времени они устраивали привал, чтобы я мог их нагнать. Мы редко заходили по лесной тропинке дальше чем на пару миль, а обычно завершали поход на этой самой проселочной дороге, куда только что свернул Дейл, и потом возвращались тем же путем к кладбищу и обратно в город, а я шел один на север, в «Веселый уголок». В те времена, весной, летом, осенью, изредка зимой, я ходил с ребятами по Цыганской дороге, но нисколько не верил ни в одну легенду, ни в один миф о ней, уверенный, что это просто старая фермерская дорога, о которой в округе забыли лет пятьдесят-шестьдесят назад, но я с удовольствием шел, наслаждаясь игрой света и тени и думая о чем-нибудь своем.

Почему Дейлово подсознание решило, будто Цыганская дорога лучший способ избавиться от преследователей, – он вспомнил, что лесная тропа тянулась почти две с половиной мили, соединяя этот самый тупик с Шестым окружным шоссе около кладбища. Тогда лесная дорога была заросшая и ухабистая, но проходима. Горы Билли Гоут, где часто играли мальчишки, представляли собой неодолимое препятствие из-за прудов, гор шлака и огромных холмов из земли и гравия. Подсознание Дейла, если не его перепуганное сознание, в тот день догадалось, что нетрадиционное решение будет кстати, что у его «тойоты» с высоким дорожным просветом, отличным приводом на все четыре колеса, блокирующимися межосевым и межколесными дифференциалами больше шансов пройти по Цыганской дороге и в объезд гор Билли Гоут, чем у ржавых, потрепанных пикапов у него на хвосте.

Но он кое о чем забыл. Мы ходили по Цыганской дороге больше сорока лет назад. Все течет и меняется.

Еще до того, как Дейл увидел впереди слева серую развалину заброшенного фермерского дома, он вспомнил про Цыганскую дорогу

и улыбнулся самому себе. Он мечтал о сложном ландшафте, который помог бы ему отвязаться от этих бритых ублюдков. Это как раз то, что надо.

Зеленый «форд» ревел уже близко, расплевывая из-под колес гравий и лед на тридцать футов вокруг. Дейл видел бледные лица за бликующим лобовым стеклом, даже различал черную свастику на правой руке вожака, держащего руль. На какой-то миг присутствие духа покинуло Дейла. А что, если эти парни хотят не просто припугнуть его, а... убить? Он сам завел их в отличное место: пустынное, отдаленное, заброшенное. Его найдут здесь не раньше весны.

«Теперь уже слишком поздно переживать», – решил Дейл и свернул с дороги-тупика в заснеженный, заросший ежевикой двор заброшенной фермы. И тут он как раз вспомнил, как заканчивались их прогулки по Цыганской дороге. За этим домом слева начиналось...

– Черт, – вполголоса выругался Дейл.

Там, где Цыганская дорога выходила на пастбище, когда сорок лет назад Дейл бродил здесь с Лоренсом, Дуэйном и остальными приятелями, теперь рос вполне приличный лес.

– Черт, – повторил Дейл и сосредоточился на езде между деревьями. Теперь он ехал не быстрее тридцати миль в час, но и это было слишком быстро. Грязь и снег летели из-под задних колес. Он миновал голый дуб, но едва не врезался в какое-то молодое дерево. Вдруг «лендкрузер» заскользил по крутому склону, превратившемуся в ледяную горку из-за толстого слоя опавших листьев. Дейл понятия не имел, где он. Никаких признаков Цыганской дороги.

Двум пикапам сзади тоже пришлось сбросить скорость. Вожак бритоголовых оказался гораздо более храбрым водителем, чем Дерек, ведущий белый «шевроле», – зеленый «форд» пропахал подлесок из молодых елочек, раскидал по сторонам кусты и молодые деревца, сгорая от желания добраться до Дейла. И зеленый «форд» нагонял.

Дейл держал ногу на тормозе, ему удалось проскочить буквально в дюйме от темноствольного клена, который вдруг вынырнул перед самым носом «лендкрузера», и тяжелая машина преодолела последнюю сотню футов до засыпанного листьями дна оврага.

«Где я, черт побери?» Он ясно помнил, что их походы по Цыганской дороге всегда завершались триумфальным выходом из

леса, потом следовал переход через пастбище, мимо пустой фермы...

«Нет, был еще последний холм, который требовалось преодолеть на выходе с дороги. Вечно приходилось ждать на вершине, пока Дуэйн нагонит».

Должно быть, это она и есть. Эта заросшая кустами, засыпанная листьями лесная канава и есть старая Цыганская дорога. «Куда теперь?» Цыганская дорога, насколько он помнил, тянулась с запада на восток, а эта канава явно шла с севера на юг. Прямо вперед, на восток, сейчас нельзя, подъем впереди был слишком крут даже для полного привода «тойоты», к тому же и деревья на склоне росли друг от друга всего в паре футов. Дейл оглянулся на склон, с которого он только что съехал.

Зеленый «форд» был уже футах в тридцати, катился по склону, бритоголовые внутри вопили. Они готовы идти на таран.

Дейл включил пониженную передачу с полным приводом и рванул с места как безумный, шины пищали, зарываясь в полфута палых листьев. Большая машина провалилась, едва не заехала в ручей справа, а затем тяжело двинулась вперед, и зеленый «форд» скатился как раз на то место, где двумя секундами раньше была машина Дейла.

«Надо просто выбраться отсюда и отлупить их». Дейл пропустил мимо ушей предложение своего разума. Если это Цыганская дорога, она превратилась всего-навсего в грязную, заполненную снегом и льдом канаву, и в ней растут деревья, почти такие же старые, как Дейл. Он решил больше не думать об этом и сосредоточился на том, чтобы поддерживать тяжелую машину в движении, скатывался, оставляя глубокие колеи, по склонам, подпрыгивал на камнях и упавших деревьях, несколько раз пришлось въезжать в мелководный ручей, чтобы избежать столкновения с деревом или бревном. Зеленый «форд» ревел и плевался грязью где-то сзади. Белый «шевроле» Дерекса смело продолжал ползти следом, но совсем вдалеке.

Канавка поворачивала на восток. Теперь внизу сделалось совсем темно. Дейл ожидал увидеть какой-нибудь непреодолимый холм или упавшее дерево, преградившее путь. Шестицилиндровый мотор урчал, когда он понукал машину к очередному подъему между близко сдвинутыми стенами канавы.

Это точно Цыганская дорога. Здесь шириной уже в тридцать футов – она расширялась ближе к концу, перед выходом на окружную

дорогу, – и до сих пор узнаваемая, тайный путь, который так нравился детям. Даже нависающие над канавой деревья казались знакомыми. На самой дороге деревьев росло уже меньше, но Дейлу все равно приходилось петлять и поворачивать, чтобы избежать столкновения.

Не успели скинхеды на «форде» догнать, как Цыганская дорога снова сузилась. По обеим сторонам поднимались каменные стены, из камня торчал частокол толстых деревьев. Дейл ехал на восток, слыша и ощущая, как камни и пеньки скребут по металлу днища «лендкрузера». «Форд» подскакивал и поворачивал где-то в пятидесяти футах позади. Еще дальше маячил белый «шевроле».

«Идиотизм какой-то, – думал Дейл все десять минут этой заторможенной, словно в сознании сумасшедшего, гонки. – Надо ехать в полицейский участок».

«Чтобы тебе помог Ка-Джей Конгден, да?» – услышал он голос внутри себя.

Вокруг вроде бы посветлело, деревья отступили назад, канава, которая все-таки оказалась Цыганской дорогой, расширилась, и вызванный ею приступ клаустрофобии ослабел. Дейл поднялся по крутому склону и выехал на просторное пастбище.

«Горы Билли Гоут». Меньше мили до кладбища и Шестого окружного.

Карьер с тех пор давно засыпали, но кучи шлака и земляные холмы, которые они и называли горами Билли Гоут, остались на месте, они были ниже и круглее, чем помнил Дейл, ни один из них не поднимался больше чем на двадцать футов, все давным-давно заросли травой, но все-таки на месте. Бывшие пруды превратились в грязевые топи из-за снега, который столько раз замерзал и столько раз таял. Для детишек Иллинойса, которые никогда не видели настоящих гор или хотя бы приличных холмов, кучи шлака и гравиевые насыпи из старого карьера были вполне достойными горами. И вот теперь они снова сделались горами для Дейла.

И старый карьер тянулся дальше, чем помнил Дейл. Грязевые низменности и земляные насыпи уходили вперед еще на четверть мили или даже больше. За ними он разглядел какой-то намек на дорогу, ведущую на восток, к колеям старой служебной дороги, которая поворачивала на юг, соединяя Страстное кладбище и Шестое

окружное шоссе. Но сможет ли «лендкрузер» преодолеть залитое грязью пространство?

Дейл даже остановился. По обеим сторонам тянулась на полмили полоса деревьев, но он помнил, что этот лес густой и широкий. Точно непроходимый для машины. «Может, все там сейчас совершенно по-другому», – намекнул он сам себе.

Он оглянулся назад. «Форд» преодолел подъем. Скинхед, свесившийся из правого окна, продолжал размахивать ножом.

Дейл съехал в топь.

«Лендкрузер» засосало почти сразу. Даже при пониженной передаче с полным приводом тяжелая машина могла лишь скользить и буксовать, выкидывая высоко в воздух куски грязи и льда. Зеленый «форд» скатился следом и тоже забуксовал, сидящие в нем бритоголовые выглядели такими же бесшабашными и готовыми на все психами, как и обычные гонщики, участвующие в соревнованиях «внедорожников», которых показывают по телевизору.

Не успев потерять тягу, Дейл нажал на кнопку, блокирующую межосевой дифференциал. На приборной доске загорелась диаграмма, показывающая заблокированную ось. Дейл нажал на остальные кнопки, блокирующие межколесные дифференциалы. И его прекрасный «внедорожник» вдруг превратился в настоящий танк. Заблокированные колеса вгрызались в грязь и медленно влекли вперед массу металла.

Зеленый «форд» плыл следом, очевидно на своем полном приводе. Дерек колебался долго, прежде чем двинуться дальше по морю грязи, он потерял момент, и это решило дело: белый пикап «шевроле» засосало через шестьдесят-семьдесят футов, вращающиеся колеса лишь глубже зарывались в ледяную топь, машина остановилась, погрузилась еще дюймов на шесть, уйдя до самого днища, и там и осталась.

Дейл глядел в зеркало, пока не увидел, что Дерек выскочил с водительской стороны и тут же ушел по колено в грязную жижу. Второй бритоголовый был не из тех, кто учится на чужих ошибках, он видел, чем закончился прыжок Дерекса, но, в свою очередь, выпрыгнул из пассажирской дверцы пикапа, развернулся и выронил нож, силясь удержать равновесие и не упасть в грязь ничком. Но зеленый пикап с

тремя старшими членами шайки продолжал преследовать «лендкрузер» Дейла.

«У этой погони, – подумал Дейл спустя минуту, – есть один печальный положительный момент». Обе тяжелые машины – огромная «тойота» Дейла футов на пятьдесят впереди потрепанного зеленого пикапа – скользили, пробуксовывали и ерзали по грязевому морю на максимальной скорости около полумили в час. У «лендкрузера» Дейла преимущество состояло в дорогах блокирующихся дифференциалах и японском инженерном гении. У пикапа скинхедов зато были громадные колеса, больше лошадиных сил и преступник – настоящий головорез – за рулем, человек, очевидно, не сознающий, насколько безумны его действия. Сейчас Дейл был совершенно уверен, что, если бритоголовые на «форде» догонят его, они будут гораздо злее и яростнее, чем в супермаркете.

Через две трети пути по топи Дейл понял, что ему предстоит серьезный выбор. Впереди торчали скорбные останки гор Билли Гоут – полоса волнистых холмов футов в двадцать высотой через сотню футов грязи снова переходила в твердую землю уже совсем близко от Страстного кладбища. Попытка забраться на эти холмы могла оказаться для Дейла роковой: если машину затащит в болото или она соскользнет вниз, ему придется сдать на милость скинхедов. Если ехать на север или на юг мимо холмов, вялотекущая погоня продлится еще минут пятнадцать-двадцать и закончится почти тем же – «тойота» и «форд» выберутся на твердую почву с разрывом в пятьдесят футов. Весь безумный марш-бросок по Цыганской дороге окажется напрасным.

Дейл утопил педаль газа в пол и полез на первый холм из шлака и грязи. На середине подъема он уже знал, что ему не одолеть холма. Сначала машина зарылась в грязь и поползла наверх, но он выбрал отвал особенно крутой и особенно грязный. Большой автомобиль начало вести в сторону.

Дейл цеплялся за руль, жал тормоз, чтобы не соскользнуть, снова прибавлял газу, чтобы не потерять тяги, снова сползал вбок по скользкому склону, и ему пришлось заблокировать и рулевое колесо, чтобы тяжелая машина отодвинулась от края. «Тойота» снова зарылась в грязь всеми четырьмя заблокированными колесами и, словно краб, заползла на вершину холма.

На вершине отвала, в ширину не больше, чем длина машины Дейла, Дейл остановился, отдышался и огляделся. Северный склон шлаковой кучи был раза в два круче того, по которому он только что забрался. А внизу, у подножия, грязь и растаявший снег образовали уже настоящее болото. Дейл обернулся через плечо.

«Форд» развил порядочную скорость, чтобы заехать на склон, и теперь поднимался раза в два быстрее, чем это сделал Дейл. Он видел, что скинхеды и их вожак орут, рты у них походили на широкие черные дыры, костяшки пальцев у вожака, сжимавшего руль, побелели, неестественно огромные колеса выплевывают грязь в небо на пятьдесят футов.

Дейл оставил включенным полный привод и на пониженной передаче все-таки пополз вниз по почти вертикальному склону. Шестеренки протестующе скрипели, но передача, заблокированные дифференциалы и могучая компрессия «лендкрузера» помогли замедлить движение, и он так и спустился по прямой линии до самого низа. Тяжелая машина ударилась о воду и грязь, словно огромный валун, колеса погрузились ниже оси, но Дейл крепко держал руль и ехал на север; грязь, вода, лед широко летели во все стороны и поднимались сзади петушиным хвостом. Пятьдесят футов, и он снял блок с дифференциалов, оставив пока полный привод, переключился на вторую передачу, ощутив наконец твердую землю. «Дворники» работали вовсю, прочищая в грязи узенькую полоску, так что Дейл видел, куда едет.

Он остановил машину у выезда на дорогу к кладбищу и снова оглянулся.

Бритоголовые долго стояли на вершине отвала, а затем последовали за Дейлом, направив «форд» прямо вниз с холма. Но пикап подвели крутящий момент и коробка передач. На середине спуска зеленый пикап повело, развернуло и он потерял управление. Машина ударилась о грязь внизу, съехав боком. Бесполезные теперь огромные шины сразу ушли на три фута в болото, и пикап завалился на левый бок, кабина и кузов до половины ушли в грязь и воду.

Одну долгую минуту не было заметно никакого движения, а потом все три скинхеда вылезли в открытое пассажирское окно, с трудом сохраняя равновесие на косо стоящем боку машины. Один из молодчиков попытался пройти по скользкому крылу и взмахнул

руками, теряя равновесие. Он упал в грязь и тут же ушел в болото до пояса.

Дейл понял, что надо снова заблокировать дифференциалы и вернуться к пикапу: не для того, чтобы помогать скинхедам, осознал он мигом позже, – чтобы проехать по гнусным скотам, закатать их в грязь так, чтобы их нашли лет через пятьсот, как каких-нибудь мумий из торфяных болот Англии. Дейл попытался засмеяться, но сейчас руки, сжимавшие руль, тряслись, сердце колотилось, когда волна адреналина, на которой он держался до сих пор, пошла на убыль. Он ощутил, что никогда еще не испытывал такой злости, во всяком случае с тех пор, когда был ребенком и жил в Элм-Хейвене. Какая-то часть бешеной энергии и злости из тех почти забытых лет вернулась к нему вместе с фрагментами воспоминаний: «Мы прикончили тот проклятый грузовик, который преследовал нас». Он не понял этой мысли, но узнал ее отголосок в своем нынешнем приступе ярости.

Двигаясь медленно, Дейл поехал на запад по ухабистой дороге, тянувшейся вдоль южной оконечности Страстного кладбища. У выезда на окружную дорогу он вышел, открыл ворота, проехал, запер ворота за собой. Он знал, что бритоголовые тоже скоро выйдут на эту дорогу – ну, не так уж скоро, если вспомнить, через какую грязь им придется пробираться, – но вряд ли им удастся вытащить так же скоро свои машины.

«А им и не нужно, – пришла непрощеная мысль. – Все, что им требуется, – повернуть здесь на север и дойти до «Веселого уголка» пешком».

Дейл мысленно пожал плечами. Гнев оказался сильнее нервной тряски, он ощущал, как ярость кристаллизуется в груди, сжимается в кулак. На ферме у него дробовик. И новые патроны. Пусть приходят.

«Веселый уголок» стоял темный, когда он подъехал. Сосульки после дневной оттепели замерзли и висели ледяными зубами перед задней дверью. Дейл ходил из комнаты в комнату, включая везде свет. Никто его не поджидал. «Саваж» был в подвале, там, где он его оставил, незаряженный, прислоненный к стене. Дейл взял коробку патронов четырехста десятого калибра, зарядил один и унес дробовик в кухню. Убедился, что дверь закрыта на цепочку. «Пусть приходят».

Он прошел в маленький кабинет. На темном экране горели слова. Это было не стихотворение, которое он видел в последний раз, не его

угроза неизвестному собеседнику с требованием назвать себя, а точный повтор предыдущего письма.

>Скорбен, одинок, скажи, убог ли, коли избегаю общества? Творение Божественное от Господа алчет света. Любовь, одиночество – всякое амбивалентное ощущение теряется, меркнет. Ежедневные напасти язвят, долги удручают, альтернативы нет.

Когда Дейл видел эти слова в первый раз, они показались ему лишенными смысла, но сейчас они всколыхнули смутное воспоминание о чем-то написанном Владимиром Набоковым. И тут он вспомнил это произведение – «Сестры Вэйн» – и сейчас же узнал в тексте такой же игривый акростих, который звучит в последнем абзаце рассказа. Поняв, что сообщение на экране акростих, Дейл легко прочел его по первым буквам каждого слова...

>Сосульки от Бога. Слова от меня. Дуэйн.

Глава 20

Последние месяцы, пока Клэр Харт доучивалась в университете Монтаны – прежде чем отправиться в Принстон готовиться к защите, – они с Дейлом проводили на ранчо почти все выходные, а в тот последний апрель их занесло снегом на пять суток.

Он ушел от Энн и девочек. Все в университете, кажется, знали, что происходит. Заведующий его кафедрой был просто поражен, коллеги проявляли любопытство или возмущались, иногда и то, и другое, даже декан дала понять, что ее все происходящее слегка беспокоит. Романы между студентами и преподавателями случались, а романы между выпускниками и первокурсниками были делом обычным, но все-таки Мизула была слишком маленьким городом, слишком патриархальным, поэтому никому не нравилось, что сплетни о подобной связи ходят по университету.

Дейл с Клэр выехали на ранчо в пятницу – он с маленькой квартирки, которую снимал в городе после того, как ушел из дома, Клэр из своей квартиры, – а уже утром в субботу перевал оказался заперт, полмили дороги засыпало сугробами в четыре фута высотой, телефонная линия испортилась, электричество на ранчо отключили. Это было прекрасно.

Они кололи дрова и жались друг к другу у широкого зева камина, чтобы согреться. Они забирались под пуховую перину на кровати и занимались любовью, чтобы согреться. Плита на кухне работала от огромной цистерны с газом, поэтому проблем с едой не было. Дейл заранее запасся огромным количеством консервов, а просторный холодильник устроили в чулане между домом и амбаром, достаточно было только открыть дверь; температура каждую ночь падала ниже нуля – замороженной пище уже ничто не грозило. Дейл даже расчистил лопатой для снега гриль на террасе, чтобы во второй вечер на ранчо приготовить мясо.

Днем они ходили по окрестностям на лыжах или надевали снегоступы и гуляли по горам и долинам. Солнце ослепительно сияло в промежутках между налетавшими изредка снежными шквалами, небесная лазурь проглядывала в просветах между ползущими

облаками. Ветер дул, почти не переставая, стряхивал снег с лап дугласовских елей и желтых сосен, взвихривал снежинки выше западной стены ранчо и укрывал единственную дорогу волнистыми белыми дюнами. На третий день они надели снегоступы и пошли вниз по горной дороге, но почти сразу стало ясно, что, хотя накануне и приезжали бульдозеры, за ночь ветер и новый снегопад снова закрыли перевал. Они вернулись на ранчо и разожгли огонь – у Дейла ушло на это десять спичек, – потом разделись и занимались любовью перед камином на покрывале, купленном на заливе Гудзон. Потом Дейл сказал, что, по его подсчетам, дров им хватит лишь до следующего декабря.

В последнюю ночь перед тем, как дорогу расчистили, Клэр сказала Дейлу, что у него такой вид, словно его посещает дух. В тот день, когда окружную дорогу расчистили, телефон снова заработал, сосед, у которого был снеговой плуг, пообещал расчистить для Дейла выезд, как только справится с дюжиной подобных заданий для других соседей, а это произойдет, скорее всего, к следующему утру. Дейл ответил ему, что тот может не торопиться.

Уже стояла глубокая ночь, и Дейл с Клэр лежали перед догорающим огнем на толстом стеганом одеяле, накрывшись красным покрывалом с видом Гудзона. Во всем остальном доме было темно и холодно. Клэр лежала ближе к огню, отвернувшись от него, лицом к камину, она опиралась на правый локоть, касаясь Дейла только бедром и ягодицами. Ее левая рука, плечо, грудь были обведены алым контуром света от догорающих углей, казалось, в ней пульсирует какой-то ее собственный внутренний жар. Дейл почти дремал – ему было лень подбрасывать дров, чтобы в комнате потеплело и они смогли уйти в спальню, – когда услышал ее обращенные к нему негромкие слова:

– Знаешь, почему я решила быть с тобой?

Он даже заморгал от ее ледяного тона, но быстро сообразил, что это, должно быть, прелюдия к какой-нибудь шутке или комплименту.

– Нет, – ответил он, проводя ладонью по алой изогнутой линии ее плеча и руки. – Почему же ты решила быть со мной?

– Потому что ты с привидениями, – шепотом ответила Клэр Ту-Хартс.

Дейл ждал завершения. После долгого молчания, которое нарушало только потрескивание углей, он спросил:

– Что ты имеешь в виду? С какими привидениями? Было уже слишком темно, поэтому он не увидел, как она пожала плечами, а только ощутил движение под своей ладонью.

– Какое-то привидение, – сказала она. – Оно отмечено чем-то темным. Мне кажется, это что-то из твоего детства. Что-то, не вполне принадлежащее этому миру.

Ветер ударял в высокое окно в десяти футах от них. Днем между деревьями открывался вид на вытянутый луг, идущий от амбара к озеру.

Сейчас только непроглядная тьма прижимала свои пальцы к стеклу с другой стороны.

– Ты шутишь, – сказал Дейл. Он с трудом поборол желание отдернуть руку от ее прохладной кожи.

– Нет.

– *Это* какие-то мистические знания «черноногих»? – продолжал Дейл. Он говорил беззаботно. Но он помнил их первую совместную поездку на выходных и ночевку под хребтом в резервации. – Или наследие какой-нибудь итальянской ведьмы?

– И то и другое, – ответила Клэр. Она не поворачивалась к нему.

– Мне казалось, это дома бывают с привидениями, а не люди, – произнес Дейл. Он пытался шутить, но голос у него звучал напряженно.

Клэр ничего не ответила. Она уже не опиралась на локоть, просто лежала на боку, подложив согнутую руку под голову, словно спала. Угли почернели настолько, что он различал лишь бледное свечение ее кожи в свете звезд, отраженном от сугробов за окном.

Он убрал руку. Холодный воздух дома сильнее давил на них, когда они лежали на полу.

– Почему же ты решила быть с тем, кого... посещает привидение? – произнес Дейл в темноту.

– Потому что оно становится сильнее, – шепотом ответила Клэр. Она, кажется, почти спала, а может быть, совсем спала, отвечая во сне, как медиум в трансе. – У него произошло оживление. Нечто мертвое силится стать живым.

И тогда Дейлу показалось, что холодный воздух под одеялом сделался почти материальным, словно между ними лежало тело кого-то третьего. А Клэр на самом деле спала. И даже слегка похрапывала.

Кто-то колотил в дверь.

Дейл с трудом очнулся от сна. Какой-то миг он никак не мог сообразить, где он, затем увидел медную спинку кровати, дубовую коробку консольного радио на полу в ногах, слабый зимний свет, проникающий в высокие окна подвала. «Кровать Дуэйна в подвале».

Стук повторился.

Дейл скинул стеганое одеяло и сел на край кровати. Дробовик стоял там, где он его оставил, прислоненный к книжным полкам. Дейл помнил, что зарядил ружье, когда вчера вечером вернулся после гонок по грязи. Он не помнил, как заснул прямо в одежде, но именно так и было.

Кто-то колотил в кухонную дверь.

Дейл сунул ноги в ботинки, завязал шнурки, заправил рубашку, подхватил ружье, проверил, действительно ли оно заряжено, поставил на предохранитель и пошел наверх.

На часах в кухне было десять тридцать утра. Дейл поглядел в щель между занавесками на маленьком окошке в двери, прежде чем открыть.

На крыльце стояла Мишель Стеффни с тремя большими пластиковыми пакетами. Дейл заметил торчащую из самого большого пакета вакуумную упаковку с ветчиной, розовое мясо выглядело как-то совсем уж по-плотски непристойно.

– Открывай! – крикнула Мишель. – Здесь ужасно холодно! – Она улыбнулась ему. У нее на губах была яркая алая помада, а щеки порозовели.

Дейл убрал дробовик с глаз долой, но так, чтобы было легко достать: поставил между кухонным столом и плитой, – а потом отпер дверь.

Мишель ворвалась в потоке холодного воздуха. Дейл успел заметить, что ее машина стоит на замершей грязной площадке, заметил, что снег почти растаял, что светит солнце, хотя и по-зимнему водянистым светом, а потом он закрыл и запер за Мишель дверь. Он смотрел, как она снимает и перебрасывает длинное пальто через

спинку стула, как деловито достает банки, жестянки, бутылки и ту самую ветчину из своих пакетов.

– Ну, я, конечно, позвонила бы тебе, но только это невозможно, здесь телефона нет, свой мобильный телефон ты упорно не включаешь, или что там с ним у тебя, так что я выбрала все сама. – Она достала две бутылки красного вина из небольшой коричневой сумки, которая стояла в магазинном пластиковом пакете. – Надеюсь, ты любишь «Мерло». Я люблю. Вот я вчера и купила две бутылки перед закрытием магазинов. Решила устроить все попроще... ну, ты понимаешь, только ветчина, печеная картошка и стручковая фасоль. Зато на десерт купила отличный пирог марки «Сара Ли». – И словно в доказательство, она извлекла из пакета и продемонстрировала ему яблочный пирог.

– Потрясающе, – пробормотал Дейл, совершенно сбитый с толку. – Но какого... я хотел спросить, что мы, собственно, празднуем?

Мика Стоуффер, урожденная Мишель Стеффни, не ответила, она снимала с высокой полки стакан. Дейл обратил внимание, как плотно ее белая блузка обтягивает большую грудь. Он тут же отвернулся, словно рассматривая выставленные на столе бутылки и банки.

Мишель дождалась, пока стакан наполнится водой из крана, и отпила глоток, прежде чем ответить:

– Надеюсь, это шутка, профессор Дейл Стюарт. Сегодня же канун Рождества!

Они пообедали во второй половине дня, пока еще не совсем угас блеклый дневной свет. Дейл принял душ, побрился и переоделся в легкие хлопчатобумажные брюки, чистую рубашку и спортивную кожаную куртку, а Мишель тем временем сварила кофе, и старый дом начал наполняться насыщенными запахами готовящейся еды. Они пили вино, пока готовилась ветчина, а за обедом открыли вторую бутылку «Мерло». Они обедали за кухонным столом. Мишель принесла в своей сумочке две короткие свечки. Дейл старался не думать о Клэр, когда зажигал свечи своей золотой зажигалкой, и вот тусклый дневной свет сменился светом свечей на столе, а не жалкой лампочки под потолком. Дейл проснулся с пустой головой и совершенно сбитым с толку, а теперь чувствовал себя совершенно пьяным. Он удивил самого себя, когда пересказал Мишель все подробности неспешных гонок по болоту, случившихся накануне, он

подчеркивал самые нелепые, а не самые страшные моменты, и они оба смеялись. Дейл налил им обоим еще вина.

– Я прочитала тот рассказ, о котором ты говорил, – произнесла Мишель, когда они убрали со стола. Кофе уже готовился в кофеварке, яблочный пирог разогревался в духовке, но оба они еще смаковали остатки вина. – Ну, тот самый, – пояснила она, – «Веселый уголок».

Дейл очень смутно помнил о том, что они обсуждали рассказы Генри Джеймса, но согласно кивнул.

– Тебе понравилось?

Мишель отпила глоток вина. Ее рыжие волосы пылали в свете свечей. Прямоугольник окна над раковиной у нее за спиной окончательно потемнел.

– Не знаю, понравилось ли мне, – ответила она наконец. – На самом деле мне он показался чертовски странным.

Дейл улыбнулся. Отвечая ей, он старался, чтобы в его голосе не прозвучала снисходительность.

– Да, вынужден признать, что большинство творений Джеймса откровенно занудны. Ты знаешь, что говорила о Генри Джеймсе Дороти Паркер?

Мишель Стеффни покачала головой.

– Она сказала как-то, он пережевывает больше того, что откусил, – сказал Дейл и засмеялся.

Пахло кофе и пирогом. От вина осталось богатое послевкусие. Он заставил пятерых бритоголовых барахтаться в грязи на горах Билли Гоут. В общем и целом он чувствовал себя великолепно.

Мишель качнула головой, словно отмахиваясь от остроумного комментария Дороти Паркер и снова возвращаясь к теме разговора.

– Я прочитала рассказ три раза, но все равно сомневаюсь, что поняла его. То есть Спенсер Брайдон видит в своем старом доме это привидение, это его второе «я», эту кошмарную версию себя самого. Того, кем он мог бы стать.

Дейл кивнул, ожидая продолжения. Вино почти закончилось.

– Но был ли он настоящим? Я имею в виду призрака. – Мишель говорила низким грудным голосом.

Дейл пожал плечами.

– Это любопытный момент в творчестве Генри Джеймса, – начал он, несмотря на все усилия, опять угадывая в своем голосе интонации

профессора Стюарта, читающего лекцию. – Привидения, а его старый дом в Нью-Йорке был домом с привидениями, – являются крайними проявлениями человеческого разума, не так ли? Слиянием внешнего и внутреннего? Реальность для Джеймса – во всяком случае, в его произведениях – всегда была метафорической и психологической.

– Алиса Ставертон тоже его видела, – мягко произнесла Мишель.

– Прошу прощения?

– Его подружка, – сказала Мишель. – Мисс Ставертон. Та, которая в финале держала на коленях голову Брайдона. Она видела призрак, плохого Брайдона, в то же самое время, когда его видел он сам. Она рассказывала ему об этом. И ей понравился плохой Брайдон... ее тянуло к нему.

– Правда? – глупо переспросил Дейл.

Он раз двадцать читал лекцию об этом рассказе – почти всегда первокурсникам, – но на самом деле никогда не сосредоточивался на том второстепенном факте, что мисс Ставертон видела того самого призрака, не говоря уж о том, что это чудовище ей понравилось.

– Ну да, – продолжала Мишель. – И ей понравился другой Брайдон – без пальцев, уродливый и так далее, – потому что это он, призрачный Брайдон, а не настоящий Брайдон-нытик, сказал, что хочет ее.

– Хочет, чтобы она нашла его, – поправил Дейл. – Чтобы помогла ему.

Настала очередь Мишель пожимать плечами.

– Я воспринимаю это иначе. Я помню, как она говорит, что этот другой Брайдон, этот мистер Хайд, хотел ее. Так, как хотел бы ее в постели. Получается, что потребовался другой Брайдон, ужасный мистер Хайд, тупой американский делец, чтобы он смог сказать ей, что хочет ее трахнуть. Вот поэтому-то, как мне кажется, она и шокирует Брайдона-нытика, который в этот момент лежит на полу, а его голова у нее на коленях, когда говорит: «Как будто он мне об этом сказал... Так отчего бы мне не любить его?»

Дейл поставил пустой бокал на стол и уставился на нее, оторопелый. Он столько лет читал лекции об этом рассказе... как он мог не заметить столь очевидного толкования? Как могли его не заметить многочисленные исследователи творчества Джеймса? А сам

Джеймс, этот мастер самовозвеличивания, неужели и он этого не заметил? Дейл на мгновение потерял дар речи.

– Что я знаю точно, – продолжала Мишель, – кино из этого рассказа вышло бы дерьмовое. Никакого действия. Никакого секса. И призрак совсем не страшный. Вот так вот, профессор Стюарт. Что, давай?

Дейл очнулся от своих мыслей.

– Выпьем кофе с пирогом?

– Пойдем наверх и потрахуемся, – ответила Мишель.

Дейл идет за ней наверх в свете свечей, отстраненный и отупевший, ему кажется, что все события разворачиваются медленно, словно во сне.

Это не сон, Дейл.

Он предложил ей постель в подвале, сказал, что там теплее. Там больше света и...

– Нет, – сказала Мишель, идя со свечами к лестнице. – Это кровать мальчика.

«Кровать мальчика?» – повторил про себя Дейл и тут же осознал, что это действительно кровать мальчика, к тому же покойного мальчика. Но какое это имеет значение? Все постели в этом доме принадлежали покойникам.

– Может,хватишь с кушетки в кабинете одеяло и лоскутное покрывало? – предложила Мишель.

– В кабинете тоже будет теплее... – начал Дейл. Мишель мотнула головой.

– Там компьютер. Просто возьми одеяло с покрывалом.

Дейл приносит одеяло и лоскутное покрывало, снова идет к лестнице, так и не поняв замечания насчет компьютера, не сосредоточиваясь на нем, не сосредоточиваясь вообще ни на чем. Тени шагают вверх по лестнице вместе с ними. Остановившись на секунду на площадке второго этажа возле лестницы, прежде чем войти в бывшую спальню хозяина, Дейл рассеянно думает, почему же на втором этаже нет света.

Ведь Старик заменил там проводку. Поставил плавкие предохранители.

Мишель перед дверью в спальню обхватывает пальцами его запястье. Свет свечей отражается в ее как-то странно остекленевших

глазах.

«Контактные линзы, – думает Дейл. – И слишком много вина».

Дейл хочет заговорить, но не может придумать о чем. Со свечи, которую она сунула ему в руку еще внизу, на запястье Дейла капает горячий воск. Он не обращает внимания. Здесь как-то странно тепло.

– Идем, – говорит Мишель Стеффни. Она заводит его в комнату.

Возбуждение охватывает его в тот же миг, как только он переступает порог, но на этот раз оно, наверное, вызвано и тонкими пальцами Мишель на его запястье, и игрой света свечей на ее розовых щеках, рыжих волосах и расстегнутой блузке, и исходящим от нее смешанным запахом духов и женской плоти, запахом, словно усиленным маленьким огоньком свечи, зажатой в ее левой руке.

– Я знаю, как эта комната подействовала на тебя в тот раз, – шепчет она и ставит свечу на столик у кровати.

Она забирает у него свечу и ставит рядом со своей, берет зажатое у него под мышкой одеяло и лоскутное покрывало, расстилает их на старой кровати – сначала одеяло, расправляет его, затем красное лоскутное покрывало. Их тени движутся по выцветшим обоям на стенах и складкам задернутых штор.

Дейл так и стоит истуканом, когда она откидывает край лоскутного покрывала и подходит к нему. Он ощущает запах шампуня, исходящий от ее волос. Мишель целует его в шею, правой рукой она крепко обхватывает его поясницу, он чувствует ее хватку даже через спортивную куртку, а бледные пальцы ее левой руки скользят вниз по его груди, по животу, пока она не нащупывает под тонкой тканью брюк его возбужденный член. Она поднимает на него глаза.

– Ты меня не поцелуешь?

Он целует ее. Губы у нее полные и холодные, почти ледяные.

Мишель улыбается и обеими руками снимает с него спортивную куртку. Положить ее некуда. Она роняет куртку на пол и принимается расстегивать его рубашку. Когда она останавливается на полпути и начинает снимать свою блузку, Дейл сам расстегивает рубашку и выдергивает ее из брюк.

Мишель роняет свою блузку на пол рядом с его курткой и расстегивает юбку. Лифчик у нее белый, кружевной и какой-то странно девичий. Ее полные груди выступают бледными полукругами над

белой тканью. Веснушки у нее только внизу шеи, дальше идет белая кожа.

Она расстегивает ремень Дейла, тянет вниз застежку «молнии». Затем опускается на одно колено, стягивает с него брюки вместе с трусами-боксерами и берет в рот его затвердевший пенис.

Дейл вскрикивает, но не из-за внезапного приступа нежности с ее стороны, а потому что рот у нее такой холодный, словно она за секунду до этого сосала кубик льда.

Интересно, что сейчас делают Энн и девочки? В канун Рождества?

Дейл сердито отгоняет от себя непрошеную мысль.

Мишель снова на ногах, улыбается, ее алые губы влажно блестят. Там, где был ее рот, теперь обе ее руки, они скользят вверх-вниз по влажному стержню его члена. Она шепчет:

– А ты не поможешь мне раздеться?

Неуклюже, буквально вибрируя от возбуждения, пока ее холодные пальцы трогают его, Дейл стягивает с нее юбку и отбрасывает ее. Она временно ослабляет хватку и выходит из туфель, когда он стаскивает с нее белые трусики. Дейл замечает, что рыжие волосы у нее на лобке выбриты узкой вертикальной полосой, он видел подобные «прически» в журналах и в кино, но ни разу – в реальной жизни. Вдруг его осеняет, что Мишель Стеффни должна знать все голливудские штучки по части тайных удовольствий, сексуальные приемы, которые и не снились женщинам Мизулы, штат Монтана. В нормальной ситуации эта мысль вызвала бы у него улыбку, но сейчас, когда она стоит перед ним, голая, если не считать лифчика, с чуть расставленными ногами, с бледно-розовыми губами вульвы, влажно поблескивающей в свете свечей, он не в силах улыбнуться.

Она заводит руки за спину и сбрасывает лифчик. Груды у нее огромные, бледные, округлые, с розовыми сосками. Они упругие и твердые, словно груди какой-нибудь семнадцатилетней девчонки.

Подделка. Они уже не настоящие.

Дейл отгоняет эту мысль, смотрит, как она в последний раз сжимает его член, снова оборачивается к пуховому одеялу и залезает под покрывало. Кровать скрипит. Подушек на ней нет. Она немного приподнимает левую ногу, опираясь на правый локоть. Дейл не помнит, чтобы когда-нибудь ощущал такое возбуждение, даже с Клэр.

– Так ты идешь? – спрашивает Мишель, поднимая одеяло выше приглашающим жестом.

Дейл вдруг чувствует дуновение холодного воздуха, словно некое чужое присутствие вошло в комнату через незримую дверь в стене. Он поворачивается, вздрогнув, но видит лишь свою нелепую тень с торчащим членом, запечатленную на выцветших обоях.

– Дейл? – она шепчет мягко, но настойчиво. Он снова поворачивается к ней, видит пляшущие в ее глазах отражения свечей. Соски у нее затвердели. Это неправильно, Дейл.

– Это неправильно, – говорит Дейл.

– О чем это ты? – Она тянется к его руке, но он отдергивает ее. Ее холодные пальцы приближаются к головке его члена. – Вот он не считает, что это неправильно, – говорит она тихонько, улыбаясь ему в свете свечей. Пламя колышется, словно от слабого сквозняка.

Дейл делает шаг назад, не понимая собственной реакции, ощущая бесконечное сожаление оттого, что ее пальцы соскальзывают с горячей головки члена.

Этого не может произойти, Дейл.

– Этого не будет, – тускло произносит он.

Ему кажется, что пол в комнате поднимается и падает, качается, словно палуба корабля в штормовую ночь.

Мишель убирает руку, садится на постели, поднимает другую бледную руку, обхватывает ею полные груди и приподнимает их. Ее покрытые лаком ногти сверкают, когда она принимается играть со своими сосками.

– Иди сюда, – шепчет она.

Дейл с трудом заставляет себя отвернуться. Его тень похожа на тень горбуна, уroda из цирка, она колышется и пляшет в бешено дергающемся пламени свечей. Воздух внезапно леденеет. Он видит, как его дыхание вырывается облачками тумана, ощущает мощный запах замороженной плесени. Он больше не смотрит на кровать.

Fato profugus.

– Бегущий от судьбы, – выдыхает Дейл, понятия не имея, почему произносит эти слова.

– Дейл...

Эта хрипкая мольба, немногим больше, чем просто вздох, раздается у него за спиной, когда он подхватывает свои вещи, роняет

левый ботинок, снова поднимает его и, оставив на полу носки, с грохотом скатывается по лестнице.

Мишель стояла, полностью одетая и напряженная, в дверях кухни. Она не глядела на него.

– Прости меня... я сам не понимаю... – Дейл замолк. – Прости, – повторил он еще раз.

Она только покачала головой и натянула пальто.

– Тут осталась еда... – сказал Дейл, оборачиваясь к кухонному столу.

– Оставь себе, – сказала Мишель. – Попробуешь пирог.

Она отперла и открыла дверь, так и не повернувшись к нему. Она ни разу не посмотрела ему в лицо с того момента, как полностью одетая и бледная спустилась по лестнице.

Он протянул к ней руку, дотронулся через пальто до ее плеча, но она сбросила его ладонь.

– Прости, – снова повторил он, хотя сам слышал, насколько глупо звучит это слово. – Может быть, в другой раз... в другой день...

Мишель засмеялась. Звук получился неприятно странный: гулкий, какой-то гортанный, вовсе не женский. Она шагнула в темноту.

– погоди, я возьму фонарик, – сказал Дейл.

Он схватил со стола фонарик и поспешил к двери, чтобы помочь ей пройти по замершему двору до машины.

Черные псы теньями выдвинулись из темноты, три собаки набросились на Мишель, две кинулись к Дейлу, когда он вышел на бетонное крыльцо. Собаки были гигантские, больше, чем вообще могут быть собаки. Их глаза были ярко-желтыми, их зубы сверкали белым в свете, падающем из кухонной двери. Дейл успел только схватить фонарик на манер дубинки, осветить шакальи глаза ближайшего к нему пса, и тут обе собаки опрокинули его на спину, он ударился головой о дверь кухни, фонарик отлетел куда-то за пределы крыльца и светил теперь в пустоту.

Мишель один раз закричала. В просвете между черными телами он успел разглядеть ее перекатывающуюся рыжую голову. Те три пса, которые катили ее, казались еще больше и злее. Их рычание и лай далеко разносились в ночи.

В почти бессознательном состоянии, с кровоточащей раной на голове, Дейл выкатился из-под лап одного черного пса и попытался

встать на ноги. Второй пес толкнул его сзади, и Дейл полетел головой вперед на мерзлую землю, чувствуя, что задыхается. Черные псы терзали и раздирали Мишель в каких-то двадцати шагах от него.

Дейл брыкнул ногой, ощутил, как его ботинок тяжело ударил по ребрам собаки, которая взвыла прямо у него над ухом, с трудом встал на колени и пополз к тому месту, где три самых крупных пса раздирали на части Мишель.

Оба зверя вились вокруг него, их пасти, их глаза, горящие желтым светом, были у него над головой. Одна собака щелкнула зубами над его плечом, вцепилась в спортивную кожаную куртку и потащила, отчего он упал с колен лицом прямо в замерзшую грязь. Дейл закрыл руками голову, когда оба пса стянули с него куртку и принялись трепать, зажав с двух сторон. Их слюна брызгала ему на волосы и одну щеку. Он перекатился на спину, сжимая руки в кулаки.

– Мишель! – закричал он.

Никакого ответа, только ворчание и рык.

Более крупный из двух псов, который сбил его с ног, перепрыгнул через Дейла, второй черный пес ворчал где-то над и позади него. Дейл заколотил в черную грудь стоящего над ним зверя, который еще и опустил на него лапу, тяжелую, будто из свинца. Дыхание пса разило серой, к которой примешивался отвратительный запах гниения.

– Пошли... черт вас раздери... прочь! – выдохнул Дейл, хватая гигантского пса за кожистую складку на шее, словно за ошейник, и вынуждая его отступить.

Черный пес зарычал и оскалился, его зубы щелкнули в каком-то дюйме от лица Дейла. Вторым враг Дейла убежал к остальным, чтобы вместе с ними терзать уже молчащую женщину. Дейл слышал, как собаки уходят в темноту, отступают к сараям и амбару, и они что-то тащат с собой... тащат что-то.

Дейл снова закричал и ударил кулаками по шакальим ушам нависшего над ним пса. Тот отпрыгнул назад.

Пока Дейл перекачивался на колени и силился встать, перед глазами его в последний раз мелькнула Мишель – только ее бледные ноги и одна рука, которые уже не отбивались, а бессильно волочились по земле, – когда четыре черные собаки утащили ее со света, падавшего из открытой двери кухни, в темное поле за невидимый

амбар. Собаки ворчали и рычали, дергая ее то с одного бока, то с другого.

– Вы, чертовы недоноски, будьте вы прокляты... – выкрикнул Дейл, кровь заливала ему глаза, а земля вроде бы вертелась и уходила из-под ног, когда он двинулся вслед за сворой.

Он уже не видел ни их самих, ни их жертву. Дейл вспомнил о своем дробовике, лишь мгновение колебался, прежде чем вернуться за ним. Пусть даже он потеряет несколько секунд, там, в темноте, один на один с этими тварями он будет беспомощен, если не захватит оружия.

Дейл развернулся к бетонному крыльцу и только занес ногу, как оставшийся пес снова набросился на него – пролетел по воздуху, черная шкура отливала серебром в свете, льющемся из кухонной двери, – и оба они, человек и животное, свалились с крыльца, ударились о стену дома, прежде чем откатиться в сторону. Дейл упал лицом в черную грязь, ему показалось, что земля стеной поднимается перед ним, а сам он скользит по ней вниз, прямо в оскаленную пасть у него за спиной, в темноту.

Глава 21

– И что случилось потом?

– Я уже рассказывал вам, что случилось потом.

– Расскажите нам еще раз, – попросил помощник шерифа.

Дейл вздохнул. Он ужасно устал, и голова болела. Местная анестезия больше не действовала, а на его рану наложили девять швов, боль в руке после укола от столбняка заглушала собой боль от всех его синяков, вместе взятых. Но хуже всего была головная боль. Медсестры после всех процедур позволили ему снова одеться, и сейчас он беседовал с помощником шерифа в пустом вестибюле приемного покоя больницы в Оук-Хилле. Было чуть больше трех часов утра, но в вестибюле не было окон, поэтому здесь горели очень яркие лампы дневного света. В воздухе пахло пережженным кофе.

– После того, как вы ушли с фермы, – подсказал ему помощник шерифа. Он был старшим из двоих людей в мундирах, но все равно ему еще не исполнилось тридцати, у него была цветущая физиономия и коротко остриженные светлые волосы. – Сколько прошло времени после того, как, вы говорите, потеряли сознание?

Дейл пожал плечами и тут же пожалел о сделанном движении. Руки, плечи, ребра болели так, словно его пинали подкованными сапогами. Головная боль вонзилась в глаза множеством стальных дротиков.

– После того, как я ушел с фермы, – медленно произнес Дейл, – я направился к супермаркету «Квик» по шоссе 1–74.

– Но вы говорили, что у вас имеется сотовый телефон. Вы могли позвонить по нему, прежде чем идти в супермаркет.

– Я же сказал, что не смог найти сотовый телефон, – ответил Дейл негромко, чтобы не провоцировать новый приступ головной боли. Он старался вставлять слова между болевыми волнами. – Я посмотрел в машине, но не нашел телефон. Возможно, он завалился между сиденьями. Свет в салоне почему-то не загорался. Я мог бы поискать в доме, но мне показалось, что главное – уйти оттуда и позвать на помощь.

– Зажигание в вашем автомобиле не сработало, – монотонным голосом произнес помощник шерифа. Он поглядывал в дешевый блокнот на спирали, который держал в руке. Дейл видел на задней обложке блокнота ярлык с ценой и штрих-кодом.

– Зажигание в моем автомобиле не сработало, – подтвердил Дейл. – Аккумулятор... машина вообще не завелась.

– Но помощник шерифа Раисе завел машину с полоборота тем ключом, который вы нам дали, – сообщил помощник шерифа.

Он посмотрел на своего молодого коллегу, который сидел через стол от него. Молодой полицейский серьезно кивнул, подтверждая эти слова.

Дейл хотел было снова пожать плечами, но вместо этого кивнул.

– Я понятия не имею, почему она не завелась раньше.

– И в доме у вас телефона нет. В том доме, который вы в данный момент снимаете?

Дейл вздохнул. Кивнул снова. Они задавали ему этот вопрос в той или иной форме с самой полуночи.

– Вы уверены, что никаких следов Мишель там не осталось? – спросил он у полицейского помоложе.

– Никаких, – подтвердил помощник шерифа Дик Раисе.

Значок с его именем был приколот к левому карману рубашки.

– Вокруг темно, – сказал Дейл. – Вы проверили большой амбар?

– Мы с Тейлором проверили все амбары и сараи, – ответил полицейский Раисе.

Дейл в первый раз заметил, что у молодого полицейского за щекой лежит небольшой кусочек жевательного табака.

Полицейский постарше взмахнул своим блокнотом, словно приказывая помощнику шерифа Райссу помолчать.

– Мистер Стюарт... кстати, вам больше нравится «мистер» или «профессор»?

– Мне все равно, – устало ответил Дейл.

– Мистер Стюарт, – продолжал помощник шерифа, – зачем вы шли три мили до супермаркета? Почему не пошли к дому соседей? Фаллоны живут всего в полутора милях севернее вас. А Бахманнсы в трех четвертях мили, если пройти назад по Хард-роуд, перед самым кладбищем.

– Бахманнсы? – переспросил Дейл. – Так это они живут сейчас в доме дяди Генри и тети Лины?

Помощник шерифа Брайан Прессер посмотрел на него с недоумением. Дейл покачал головой.

– Если речь идет о старом доме дяди Генри и тети Лины, который стоит севернее кладбища, так там было темно. На подъездной дороге не было машин. А на заднем дворе лаяла большая собака. И я пошел дальше.

– Но почему же в супермаркет, а не в город, мистер Стюарт?

– Я не мог вспомнить, где в городе есть телефон-автомат, – сказал Дейл. – Мне казалось, телефон должен быть рядом с почтой или перед банком, но я так и не вспомнил. К тому же в той стороне было совсем темно. Когда я вышел на Джубили-Колледж-роуд... ну да, я увидел огни супермаркета приблизительно в миле впереди за Хард-роуд. – Он дотронулся до гудящего черепа. – Мне показалось, так... безопаснее. Идти по прямой.

Помощник шерифа Прессер что-то записал в свой крошечный блокнот. Дейл заметил, что пальцы полицейского побелели от напряжения, с каким он сжимал ручку, и выгнулись – точно так же, слишком сильно, сжимали ручки некоторые студенты университета, когда записывали лекции.

Дейл кашлянул.

– На самом деле я так и не позвонил, – сказал он. – Я... ну, я вроде бы снова потерял сознание, когда добрался до заправки. Только попросил их продавца вызвать полицию, а сам так и сидел на полу рядом с холодильником, пока не приехал ваш заместитель. Тот, второй.

– Полицейский Тейлор, – уточнил помощник шерифа Прессер.

– А шерифу не докладывали? – спросил Дейл. Он обрадовался чуть ли не до дрожи, когда шериф Ка-Джей Конгден не приехал на его вызов.

– Нет, сэр, – ответил Прессер. – Шериф на праздники уехал с семьей в Чикаго. Вернется послезавтра. А вы, кажется, говорили, что знаете шерифа, мистер Стюарт?

– Знал когда-то давно, – ответил Дейл. – Мы вместе учились в школе, очень много лет назад.

Помощник шерифа Прессер внимательно посмотрел на Дейла при этих словах и снова что-то записал в блокнот.

– Боже мой! – Дейл задрожал от нервного истощения и реакции на шок. – Неужели вы никого не пошлете на поиски Мишель? Эти... животные... могли затащить ее куда угодно. Может быть, она еще жива!

– Да, сэр. Наступит день, мы пошлем людей на поиски. Но сейчас нам надо кое-что разъяснить до конца. Вы говорите, она ездит на белом пикапе «тойота»?

– Кажется, модель «Тундра», – сказал Дейл. Он поглядел на обоих полицейских. – Он, должно быть, так и стоит у «Веселого...», у фермы.

– Нет, – сказал Прессер. – Когда помощник шерифа Тейлор и помощник шерифа Раисе приехали к дому старого Макбрайда, никакого белого пикапа там не было. Вообще никакой машины... разумеется, кроме вашей «тойоты лендкрузер». Которая завелась тут же, как только полицейский Раисе вставил данный вами ключ.

Дейл какое-то время хмуро разглядывал полицейских.

– Не было пикапа? – спросил он наконец. – Не было второй машины?

– Нет, сэр, – ответил помощник шерифа Прессер, снова что-то записывая. – Вы уверены, что видели ту машину, на которой, по вашим словам, приехала мисс Стеффни?

– Да, – сказал Дейл. – Погодите-ка... нет. Не помню, чтобы я вчера видел ее пикап. Но... я думал... она же приехала туда на чем-то, верно? Идти пешком от города слишком далеко... – На какой-то безумный миг в сердце Дейла забила надежда. Должно быть, Мишель не так сильно пострадала, если смогла вести машину. Но затем он вспомнил рычание и щелканье зубов, сердце его снова упало, всякая надежда растаяла. – Я ничего не понимаю, – сказал он. – А вы проверили ее городской дом?

– Да, сэр, – сказал Прессер. – Мы были в том доме, о котором вы нам рассказывали. Там никого нет. И машины возле дома тоже нет.

Дейл вздохнул и посмотрел на свои руки, которые тяжело и неуклюже лежали на коленях, словно плохо вылепленные из глины. Его летние брюки были испачканы грязью и его собственной кровью.

– Вы говорили, она приехала к вам днем? – спросил помощник шерифа Прессер.

– Поздно утром, – сказал Дейл. – Ну или сразу после полудня. Я долго спал. Она меня разбудила. Вскоре после ее приезда мы начали готовить обед.

– И вы не заметили, на какой именно машине приехала мисс Стеффни?

– Нет, – признался Дейл. Он посмотрел молодому полицейскому прямо в глаза. Затем перевел взгляд на второго полицейского, который разглядывал его, жуя табак. – Послушайте, я уже спрашивал вас, но вы мне так и не ответили. Вы обнаружили там кровь? Обрывки одежды? Признаки борьбы?

– Мы обнаружили кровь там, где вы ударились о дверь, – ответил полицейский Раисе, передвинув табачную жвачку языком. – Мы нашли спортивную куртку, о которой вы нам говорили. Она была разодрана в клочья, как вы и предполагали.

– А Мишель? Там были следы... нападения собак? Прежде чем молодой полицейский успел ответить, Прессер снова махнул своим блокнотом, приказывая тому молчать.

– Мистер Стюарт, мы сейчас вернемся на ферму Макбрайдов и все осмотрим еще раз. Нам нужно ваше разрешение на обыск дома. Полицейский Раисе, который присутствует здесь, осмотрел кухню, покричал, спрашивая, не здесь ли пропавшая дама, заглянул в пару комнат, но нам требуется разрешение на настоящий обыск дома. Возможно, если она ранена, она может лежать где-нибудь так, что мы ее не заметили.

– Я поеду с вами, – сказал Дейл, с усилием поднимаясь.

– Нет, сэр, вряд ли это хорошая мысль, – возразил помощник шерифа Прессер. – Врач сказал, что из-за ушиба головы вам лучше остаться в больнице хотя бы до завтра, чтобы быть под наблюдением.

– Я поеду, – повторил Дейл.

Он держался за спинку своего стула, борясь с приступом головокружения, нахлынувшим вместе с болью.

– Как хотите, мистер Стюарт, – сказал помощник шерифа Прессер.

Оба полицейских прошли вместе с Дейлом через пустой приемный покой, мимо любопытных медсестер и врачей, вышли на улицу, где у подъезда ждала полицейская машина с заведенным

мотором, из ее выхлопной трубы вырвался клуб дыма и окутал их, словно туман.

Дейл ехал в заднем отсеке полицейской машины и ощущал себя арестантом – проволочная сетка, натянутая между ним и двумя молчаливыми полицейскими впереди, никаких окон или дверных ручек с его стороны, запах мочи и отчаяния, исходящий от ободранной обшивки. Видимо, даже в таких маленьких округах, как Оук-Хилл и Элм-Хейвен, имеются собственные проблемы. Дейл отметил, как тяжело забилося его сердце, когда они свернули на подъездную дорогу к «Веселому уголку» и мертвые изогнутые деревья замелькали в свете фар.

Помощник шерифа Тейлор ждал их в машине с работающим вхолостую мотором. С минуту четверо мужчин стояли на темном заднем дворе, трое полицейских негромко переговаривались между собой, а Дейл непрерывно блуждал взглядом по ночным полям, чернеющим позади тусклого пятна света от фар.

– Можно мне забрать ключи? – спросил он.

– Прошу прощения? – переспросил тот полицейский, который несколькими часами раньше прибыл по его вызову в супермаркет «Квик».

– Ключи от машины, – пояснил Дейл.

Он забрал ключи у полицейского и уселся в свою «тойоту» «повышенной вместимости для активного отдыха». Пикап завелся моментально. Дейл зажег в салоне свет и тут же увидел свой сотовый телефон, который завалился между коробкой передач и пассажирским сиденьем. Он включил телефон, нажав кнопку большим пальцем, но экран показал, что батарейка совсем села. Дейл опустил телефон в карман рубашки и поднялся вслед за тремя полицейскими на крыльцо. Без куртки он замерз до дрожи.

Кухня была в том же самом виде, в каком они с Мишель оставили ее после обеда: тарелки вымыты, но просто составлены стопкой на столе, остывший яблочный пирог рядом с пустыми кофейными чашками. Дейл вспомнил, что Мишель выключила кофеварку, прежде чем они пошли наверх.

Помощник шерифа Прессер подошел к плите и взял прислоненный рядом с ней вертикально «саваж». Он разломил ружье,

вынул патрон с дробью четыреста десятого калибра и удивленно поднял брови, глядя на Дейла.

– Я держу заряженное ружье из-за собак, – пояснил Дейл.

– Значит, раньше вы уже видели этих собак, – заметил полицейский Раисе со своего места, откуда он разглядывал пустую гостиную.

– Я рассказывал вам обоим, что видел собак раньше. Только они были... не такие огромные.

Помощники шерифа Прессер и Раисе переглянулись. Дейл заметил, что Прессер опустил патрон с дробью в карман форменной куртки. Он передал ружье полицейскому Тейлору, который так и стоял у входной двери.

– Я замерз, – сказал Дейл. – Пойду спущусь вниз, возьму свитер.

– Мы пойдем с вами, – отозвался помощник шерифа Прессер. И приказал Тейлору: – Ларри, ты пока осмотришь здесь комнаты.

В подвале, как обычно, было теплее, чем наверху. Дейл вытянул из стопки одежды рядом с кроватью толстый шерстяной свитер и надел его, пока оба полицейских расхаживали по комнате, светили своими фонариками за обогреватель и всматривались в пустой угольный бункер. Мишель не оказалось ни в одном из этих мест.

Когда они поднялись в дом, помощник шерифа Тейлор доложил, что на первом этаже ничего не обнаружено. Прессер кивнул и вошел в кабинет Дейла.

– Что это такое? – спросил Прессер, указывая тяжелым фонариком на экран открытого ноутбука.

На черном экране светились слова:

>Hrot-gaimr. Si-ik-wa UR.BAR.RA ki-sa-at. Wargus sit.

– Это по-немецки? – спросил помощник шерифа.

– Я писатель, – сообщил Дейл.

Он тянул время, пытаясь перевести текст для себя. Он видел его в первый раз.

– Я спросил только, немецкий ли это или что-то другое.

Дейл отрицательно покачал головой.

– Обычная бессмыслица. Я сейчас пишу фантастический роман и пытаюсь понять, как должна звучать речь неких инопланетян.

– А, это как клингон, – предположил из коридора помощник шерифа Раисе.

– Точно, – подтвердил Дейл.

– Помолчи, Дик, – велел Прессер. Помощник шерифа вышел в коридор, оставив Дейла глазеть на экран. Если кто-нибудь из полицейских вдруг читает по-староанглийски – а в этом Дейл сильно сомневался, – у него будут неприятности. Но, насколько он сумел разобрать, только первая и последняя часть сообщения были на староанглийском. *Hrot-garmr* переводился как огонь, но буквально означал «завывающего пса», по аналогии с завывающим пламенем погребального костра, который был сложен для Беовульфа или для Брюнхильды в древнем эпосе. *Wargus sit* означало «ему суждено превратиться в варга», снова это слово. *Warg* означал изгнанника, который в глазах соплеменников едва ли не буквально становился волком-оборотнем, пожирателем трупов, тем, кого, как любого вервольфа в индоевропейской традиции, надлежало уничтожить.

– Мистер Стюарт? А что находится наверху?

Дейл вышел в тесный от людей коридор и посмотрел на стоявшего на ступеньках лестницы помощника шерифа Прессера.

– Наверху ничего нет, – ответил Дейл. – Второй этаж много лет стоял заколоченный. Я снял пластиковую загородку всего пару недель назад. Там пусто.

Он умолк, заметив, что у него получается жалкий лепет. Сердце колотилось в синкопированном ритме вместе с пульсирующей головной болью.

– Не возражаете, если мы посмотрим? – спросил помощник шерифа Прессер.

Не дожидаясь ответа, он зажег свой фонарик и шумно затопал вверх по лестнице. Помощник шерифа Раисе пошел за ним. Тейлор вернулся на кухню вместе с разряженным дробовиком Дейла. Дейл поколебался несколько мгновений и тоже пошел вверх по ступенькам.

Оба помощника шерифа оказались в первой спальне. Одна из свечей на столике у кровати расплылась лужей парафина, но вторая до сих пор горела. Одеяло и лоскутное покрывало лежали на постели смятой кучей там, куда кинула их Мишель, прежде чем уйти всего... «Бог мой, – подумал Дейл, – всего несколько часов назад». Казалось, прошла уже вечность.

Помощник шерифа Прессер поддел покрывало своим длинным фонариком и поглядел на Дейла, ожидая объяснений. Дейл выдержал

его взгляд и ничего не ответил.

Они втроем вошли в следующую комнату – пустую и темную, если не считать детского кресла-качалки, которое так и стояло посреди комнаты, – а затем спустились обратно в кухню.

– А вы не хотите поискать ее снаружи? – спросил Дейл.

В горле у него саднило, а головная боль сделалась даже сильнее, чем раньше.

– Угу, – отозвался Прессер. – Только утром. Помощник шерифа Тейлор останется здесь с вами, пока мы не вернемся.

– Какого черта ждать до утра, – возмутился Дейл.

Кто-то нашел его фонарик там, куда он упал при нападении собак, и принес на кухонный стол. Дейл щелкнул им. Фонарик горел.

– Я собираюсь осмотреть сарай и поле прямо сейчас.

Помощник шерифа Прессер пожал плечами.

– Ларри, – сказал он, обращаясь к Тейлору, – останешься здесь, на ферме, пока мы не вернемся. Если мистер Стюарт отправится на поиски, будь у машины рядом с рацией, чтобы мы могли связаться с тобой. Если он не вернется через час, сообщи нам. Ты все понял?

– Но, Брайан, на улице холодно и темно, как у...

– Выполний то, что я сказал. – Прессер посмотрел на Дейла. – Утром мы вернемся сюда. Мистер Стюарт, я советую вам немного поспать, а не бродить по полям в потемках, но Ларри останется на случай, если вам потребуется помощь.

– Мне не нужна помощь полицейского Тейлора, – сказал Дейл. – Мне нужен мой дробовик.

Прессер забрал у Тейлора ружье. И отрицательно покачал головой.

– Сожалею, – произнес он тоном, в котором не было ни капли сожаления. – Мы некоторое время подержим ружье в управлении. На всякий случай.

– На какой «всякий случай»? – спросил Дейл, на самом деле озадаченный.

Помощник шерифа пристально посмотрел Дейлу в глаза.

– Вы сказали, здесь пропала женщина. Вы сказали, на нее напали собаки. Что ж, если женщина на самом деле пропала, не исключено, что напали на нее не собаки. Возможно, нам потребуется баллистическая экспертиза.

– О, да ради бога! – воскликнул Дейл. Прессер жестом предложил помощнику шерифа Райссу следовать за ним, махнул Тейлору, чтобы тот оставался, они с Райссом сели в машину и уехали. Дейл посмотрел на часы. Было четыре часа утра и несколько минут, пройдет еще часа три, прежде чем появятся первые проблески рассвета.

Дейл натянул свою зимнюю куртку, которая висела на крючке у двери, включил фонарик и вышел на улицу.

– Не стоит вам идти одному! – крикнул помощник шерифа Тейлор из круга света на крыльце.

– Тогда идемте со мной, – отозвался Дейл. Он, не оборачиваясь, шагал к ближайшему сараю.

– Я обязан остаться рядом с рацией!

Дейл больше не обращал внимания на полицейского. Дойдя до края грязного двора, он осветил фонариком замерзшие сорняки, торчащие из-за забора, поводит лучом света вокруг бывшего курятника. Ничего. Дейл несколькими ударами открыл примерзшую дверь курятника и заглянул внутрь, водя фонариком по стенам от насестов до пола. На какой-то миг ему показалось, что кто-то сложил в курятнике дюжину маленьких металлических гробов, и тут он вспомнил, как сам переносил сюда обучающие машины мистера Макбрайда.

Повсюду виднелись темные пятна, но это были старые, засохшие и выцветшие пятна. Когда в курятнике еще жили куры, сюда прокралась лиса, так он сказал Мишель. «Или собака».

В остальных надворных постройках тоже было пусто. Луч света от фонарика скользил по висящим на стенах косам, серпам, газонокосилкам, насадкам для трактора, запасным частям для кукурузного комбайна, сенокосилкам, каким-то неведомым ему железякам – все красно-коричневое от ржавчины. Лучик света становился все бледнее, батарейки умирали.

Дейл пошел в сторону от дома, несколько горящих окон теперь, казалось, остались совсем далеко. Около заржавленной цистерны для горючего, которая торчала гигантским паучьим яйцом на своей железной опоре, следы от колес расходились: одна колея вела к амбару, еще одна – на юг, вдоль забора, идущего по краю сжатого поля. Дейл вышел в поле, заколотил фонариком по ладони, чтобы тот горел ярче, и несколько раз выкрикнул имя Мишель в ночь, прислушиваясь каждый

раз, не доносится ли из темноты ответный крик. Ничего. Не было даже эха или далекого собачьего лая. Дейл ходил взад-вперед по колее, наводя фонарик на голые комья земли в надежде увидеть следы собачьих лап, следы человеческих ног, обрывок одежды... хоть что-нибудь. Земля лежала промерзшая и безмолвная.

Чуть задыхаясь от ходьбы – дыхание Дейла вырывалось облачками тумана в морозный предрассветный воздух, фонарик светил тускло, словно догорающая свеча, – Дейл подошел к громадному амбару и всем весом навалился на огромную створку ворот на рельсах. Разбухшее дерево и заржавевшее железо протестующе заскрежетали, но все-таки ему удалось приоткрыть ворота настолько, чтобы проскользнуть внутрь.

Всю площадь по-прежнему занимал зерновой комбайн, насадка для захвата кукурузы тянулась к Дейлу бледно-красными зубами.

– Мишель!

Что-то зашуршало под высоким потолком, но звук был слишком слабый для взрослой женщины. «Собаки не смогли бы затащить ее туда». Он навел фонарик на невероятно высокие балки и теряющиеся в вышине ярусы, но луч света был уже слишком слаб, чтобы осветить такое пространство. «Зато если ей удалось спастись от собак, она как раз может оказаться там, прячется от них, раненая».

Дейл сунул фонарик в карман и полез по ближайшей лестнице, чувствуя под ногами гнилое дерево, ощущая запах гнили, исходящий от досок и соломы в самом амбаре. Постройка была древняя, и лестница шаткая. Он следил за тем, чтобы не братья за одну перекладину двумя руками: если какая-то перекладина сломается, ему хотелось бы, чтобы под рукой оказалось хоть что-то надежное.

Тридцать футов подъема, и Дейл оказался достаточно высоко, чтобы заглянуть в черное пространство над первым ярусом. Крыша комбайна – того самого комбайна, который сорок лет назад убил его друга Дуэйна, изжевал его и выплюнул, словно стерню? – теперь была под ним, казалась шершавой в гаснущем свете. Дейл снова затряс фонариком, но на этот раз луч только еще больше потускнел.

На этом ярусе было пусто, если не считать соломенного лежака, какого-то ржавого крюка и черепа.

Дейл заполз на настил, чувствуя, как тонкие, гниющие доски скрипят под его весом, и протянул руку к черепу. Череп как раз

поместился ему на ладонь, длинные желтые зубы легли на синюю вену у него на запястье. Кому, черт возьми, он принадлежал? Крысе? Для крысы вроде бы слишком велик. Енот или лисица? Как тогда он сюда попал?

Он положил череп на место, без толку поводит фонариком по остальным сторонам яруса, и снова позвал Мишель. В ответ ему захлопали чьи-то крылья: сипуха или ночующие в амбаре воробьи.

Фонарик окончательно угас, не успел он опустить ногу на ступеньку лестницы. Дейл сунул фонарик в куртку и поглядел на светящийся циферблат часов, отметив, что рука у него трясется, либо от жуткого холода, либо от сложного подъема, либо от всего вместе. На часах было всего четыре сорок пять.

Дейл не стал закрывать створку ворот, когда пошел обратно к дому, он почти хотел, чтобы собаки набросились на него по дороге из темноты, хотел убедиться, что они на самом деле существуют. Он сжимал бесполезный теперь фонарик с такой силой, что пальцы сводило от напряжения.

Мотор полицейской машины работал, а помощник шерифа спал на переднем сиденье, его рация шуршала и потрескивала так, что было слышно даже через поднятое стекло. Дейл оставил его спать дальше и вошел в дом. Внутри по-прежнему было холодно. Он включил термостат, услышал, как щелкнуло в системе отопления, и отправился в кабинет. Он совсем забыл про компьютер.

>Hrot-garmr. Si-ik-wa UR.BAR.RA ki-sa-at. Wargus sit.

Дейл потер щеку, ощущая под пальцами отросшую щетину. Он очень устал, голова, вместо того чтобы пройти, разболелась еще сильнее. Он с трудом сосредоточился на экране. «Завывающий пес» – это об огне. «Ему суждено превратиться в варга». Но что, черт побери, такое эта средняя часть? После нескольких секунд размышления, во время которого он едва не заснул, Дейл набрал:

>Что, черт побери, такое эта средняя часть?

Миг спустя он очнулся, поняв, что уснул на стуле, дожидаясь ответа. «Ответа никогда не появляется, пока я здесь». Ощущая боль во всем теле и в голове, которая болела и изнутри и снаружи, Дейл заставил себя подняться со стула и выйти в кухню. Он посмотрел в окно – помощник шерифа так и сидел на своем месте, – затем запер дверь и вернулся в кабинет.

>Это хеттский язык.

Дейл вздохнул и снова потер щеку. Надо как следует подумать и задать следующий вопрос так, чтобы не возникало никаких двусмысленностей.

>Что она означает?

На сей раз он отправился в ванную, ему пришлось держаться одной рукой за стенку, пока он мочился в унитаз. Спустив воду, он вымыл руки, поглядел в зеркало на свое бледное отражение с красными глазами, и ему показалось, будто он видит и ощущает все вокруг сквозь водопады алой боли. Он отправился обратно в кабинет.

>zi-ik-wa UR.BAR.Ra ki-sa-at значит «ты есть тот, кому суждено стать волком».

Дейла, несмотря на боль и истощение, охватил приступ ярости. Ему так осточертели все эти игры, его от них уже мутит.

>Какого лешего ты шлешь мне зашифрованные послания, если тут же сам и переводишь?

Еще не дойдя до кухни, он понял, что это ненужный вопрос. Не имеющий смысла. Экран компьютера, видимо, был того же мнения, потому что ответа не появилось. Дейл поспешно набрал:

>Кому суждено стать волком? Мне самому?

На этот раз Дейл дошел до лестницы в подвал и остановился. Снизу, из консольного радио, доносились звуки биг-бэнда. Разве приемник не был выключен, когда он заходил в подвал с полицейскими? Жалея, что у него больше нет под рукой заряженного ружья, но слишком изможденный, чтобы бояться того, что ждет его внизу, Дейл спустился по лестнице.

От ламп рядом со старой медной кроватью Дуэйна на подушку падал мягкий желтый свет. Книги в бумажных обложках стояли в своих ящиках и на деревянных полках в привычном беспорядке. Обогреватель потрескивал и вздыхал, как обычно. Настрочная таблица приемника светилась, негромко лилась старая музыка. Возможно, он машинально включил радио, когда спускался сюда. Или же в тот момент, когда он приходил сюда с полицейскими, по радио ничего не передавали. Какая разница?

Ноги были будто налиты свинцом, когда он шел вверх по лестнице и возвращался обратно в кабинет.

>LU.MES hurkilas – демонические сущности, призванные пожирать волков и уничтожать змей.

– Ладно, – сказал Дейл пустой комнате, – и на том спасибо.

Он выключил компьютер и упал на кушетку, как был, в одежде, свесив через край ноги в грязных ботинках. Он заснул раньше, прежде чем успел подумать, не накрыться ли ему одеялом.

Глава 22

В последние месяцы, когда они еще встречались, до и после того, как их запер в горах на ранчо запоздалый весенний снегопад, Дейл и Клэр говорили – сначала в шутку, а потом и всерьез – о том, чтобы быть вместе. Клэр приняла в Принстон на курс по средневековой литературе с ограниченным набором слушателей-выпускников, и в июле она собиралась уезжать, чтобы познакомиться с остальными избранными умами и подготовиться к семестру. В июне Дейл сам вдруг предложил приехать к ней, чтобы уже не расставаться.

– Я доведу осенний семестр, возьму академический отпуск, который уже столько времени откладывал, и поеду вслед за тобой.

– И что ты будешь там делать? – спросила Клэр. – В Принстоне?

– Может быть, им нужен преподаватель литературы. Какой-нибудь внештатный сотрудник, чтобы учить первокурсников.

Клэр ничего не сказала, но ее молчание было достаточно скептическим.

– Нет, правда, – сказал Дейл, – что мне делать в Мизуле без тебя? Буду, как призрак Марли, таскаться по месту, ставшему для меня мертвым.

– А разве это не призраку полагается быть мертвым? – поинтересовалась Клэр. – А не месту?

– Одному из них, – сказал Дейл. – На самом деле лично мне всегда казалось, что живым был как раз призрак, а место – мертвым. Вот поэтому привидения можно видеть – они более реальны, чем выцветшее, лишённое жизни место. Ну, знаешь, как призрак Линкольна в Белом доме.

– Любопытно, – сказала Клэр. Они чистили на ранчо конюшню, и она отдыхала, опираясь на вилы. – Ты это серьезно? Насчет того, чтобы поехать на восток?

– Совершенно серьезно, – подтвердил Дейл.

Он понял, когда произнес эти слова, что не был серьезен, не был серьезен до сего момента, но теперь этот план стал для него важнее всего на свете. И в тот же миг он ощутил, как их взаимоотношения развернулись в другую сторону, словно качнувшись на петлях его

намерений: до этой минуты главным был он, его родной город, его университет, его занятия, на которые она ходила, его семья здесь, в Мизуле, с которой надо все уладить, – теперь он становился гостем, а она делалась средоточием его устремлений и внимания. И, словно предчувствуя свое будущее, Дейл произнес:

– Что я действительно буду делать – писать свой серьезный роман и учиться быть хорошим мужем-домохозяйкой, пока ты будешь штудировать в библиотеке какую-нибудь «Песнь о Роланде» или что там еще. И когда ты за полночь явишься домой, у меня будет наготове горячий ужин, а перед сном я сделаю тебе массаж.

Клэр взглянула на него, почти шокированная, на какой-то миг в ее глазах даже отразился испуг, прежде чем она перевела взгляд на лошадей. «Наверное, – подумал Дейл, – это из-за слова «муж»». Как бы то ни было, ее взгляд стал первым ощутимым предвестником необратимого разрыва, до которого оставалось каких-то три месяца.

И, словно отвергая подобную возможность, Дейл шагнул тогда к ней, отнял у нее вилы и обнял так крепко, что ощутил под грубой джинсовой рубашкой ее мягкие груди. Если с ее стороны и чувствовалась какая-то неловкость, она исчезла через пару секунд, как только Клэр ответила на его объятие и подняла к нему лицо для поцелуя. Одна из лошадей – скорее всего, чалая кобылка Маб – выказала ревность, брыкнув перегородку стойла.

Кто-то стучал в дверь.

Дейл с трудом очнулся от сна, отметив, что лежит на кушетке в кабинете мистера Макбрайда полностью одетый, а голова по-прежнему болит как проклятая, и тут стук возобновился. Он взглянул на часы. Девять пятнадцать утра, а они обещали прислать людей на поиски с восходом солнца.

– Черт бы вас всех побрал, – проворчал Дейл. Поостанывая и потирая заросшие щеки, он пошел к двери и впустил помощника шерифа Тейлора.

– Где они? – спросил Дейл, когда коренастый полицейский вошел в кухню, растирая замерзшие руки и поглядывая на пустую кофеварку.

Тейлор явно сам только что проснулся.

– Мне велено доставить вас, – сказал помощник шерифа, кивая на работающую во дворе машину.

– О чем вы говорите? Помощник шерифа Прессер обещал прислать на поиски людей с первым светом и...

– Я получил сообщение по радиации. Мне велено привезти вас прямо сейчас.

– В контору шерифа? – спросил Дейл. – Мишель нашли?

Дейл похолодел, потому что его охватила абсолютная уверенность, что они нашли ее тело.

Помощник шерифа Тейлор отрицательно покачал головой, но Дейл так и не понял, на какой из его вопросов он ответил. Хорошо, если на оба.

– Вам придется сейчас пойти со мной, – сказал Тейлор, снимая с крючка куртку Дейла.

– А не могу ли я быстренько принять душ и переодеться?

– Вряд ли, – ответил крепыш-полицейский, держа наготове куртку.

– Я что, арестован? Мне придется ехать в заднем отсеке вашей машины?

Этот вопрос, кажется, удивил помощника шерифа. Несколько секунд он только молча моргал. Затем выдавил:

– Да нет, – но как-то неуверенно.

– В таком случае, – заявил Дейл, – я почищу зубы. И это не подлежит обсуждению.

Дейл ехал на переднем сиденье, молча. В это рождественское утро на небе висели низкие тяжелые тучи, и вскоре пошел снег, медленно и размеренно, что часто предвещает затяжной снегопад. Дейл удивился, когда Тейлор повернул на Элм-Хейвен вместо того, чтобы поехать по дороге в Оук-Хилл, но он понял, куда они направляются, как только машина свернула на север на Брод-авеню.

Старый дом семьи Стеффни и их огромный амбар скверно выглядели в сумеречном свете: краска облезла, амбар накренился, во всех окнах темно. Единственной машиной возле дома оказалась еще одна полицейская машина окружного шерифа. Помощник шерифа Прессер пошел им навстречу от задней двери, когда Тейлор вел Дейла к дому.

– Мишель? – произнес Дейл.

И снова ледяные руки сжали его сердце. Если она вдруг приехала сюда, раненая, очень может быть, что она умерла прямо в доме,

который они вместе с той ее подругой Дианой пытались отремонтировать. «Но полицейский сказал вчера, что в доме никого нет. Да и машины ее нигде не видно».

Помощник шерифа Прессер отрицательно покачал головой и повел Дейла к заднему крыльцу. Он достал ключ и отпер заднюю дверь.

– А разве для этого не требуется ордер? – спросил Дейл, входя вслед за полицейским в холодную кухню. В доме пахло плесенью и крысиным пометом.

– Этот дом уже не принадлежит Стеффни, – сказал Прессер, засовывая руки в карманы форменной куртки. На кухне было холоднее, чем на улице. – Все документы на дом принадлежат банку в Принсвилле с тех пор, как жена доктора Стеффни умерла в этом доме несколько лет назад.

– Но Мишель говорила... – начал Дейл и осекся. Он вдруг понял, что кухня не просто пустая, она *нежилая*. Штукатурка облетела с потолка, обнажив ребра балок, дверцы шкафов оторваны. На всех столах пыль, крысиный помет и куски штукатурки. В некоторых местах плитки пола были выбиты, а в некоторых испорчены стекающей с потолка водой. Древняя плита вывернута со своего места, некоторых ее частей уже не было. Холодильника нет. Газовые трубы, вентили, канализационная труба отрезаны. В раковине полно битого стекла и плесени, словно кто-то много лет назад бил здесь бутылки и так все и оставил.

– Ничего не понимаю, – сказал Дейл. – Мишель говорила, что они с подругой занимаются ремонтом, приводят дом в порядок, чтобы продать его.

– Да, – отозвался помощник шерифа Прессер. – Вы нам уже сообщали это вчера ночью.

Он жестом попросил Тейлора передать ему фонарик, зажег и кивком предложил Дейлу следовать за ним в коридор и в другие комнаты.

Дейл, пораженный, остановился в конце засыпанного штукатуркой, воняющего затхлостью коридора. Там, где когда-то была ванная комната первого этажа, унитаз был с корнем выдеран из пола, керамическая раковина разбита, а на месте старинной ванны на

когтистых лапах было пустое место. С гостиной и столовой дело обстояло еще хуже.

Широкие деревянные половицы были сняты в обеих комнатах, торчали только края явно прогнивших балок, под которыми чернела дыра подвала. Но даже если бы троим мужчинам удалось перебраться по гнилым бревнам через комнату, им некуда было бы идти дальше: некогда грандиозная лестница на второй этаж исчезла бесследно. С нее давным-давно сняли все ступени, перила, столбы и арматуру. И потолок над огромной дырой в подвал, где когда-то был лестничный пролет, рухнул. Дейл видел через образовавшееся отверстие разбитые перекрытия второго этажа, и через прогнившую крышу – даже нависшие тучи. Дейлу все это напомнило фотографии Лондона после бомбежки, какой-нибудь разрушенный дом в Сохо. Снежинки пролетали между сломанными балками и исчезали в подвале, белые хлопья совершенно поглощала непроницаемая тьма.

– Мишель говорила, что они с этой ее Дианой ремонтируют дом... – начал Дейл снова и замолк. «Я же высаживал здесь Мишель в ту ночь, когда спас ее от черных собак на школьном дворе. Она зашла внутрь. Я же говорил об этом полицейским».

Дейл молчал и смотрел на полицейских, которые разглядывали его.

– И вы знали об этом вчера ночью в больнице, когда снова и снова задавали мне одни и те же вопросы, – произнес он.

Помощник шерифа Прессер кивнул.

– Мы знали, что никто не живет и никто не приезжает сюда вот уже десять лет. Теперь мы знаем кое-что еще. Поедете вместе с помощником шерифа Тейлором в его машине.

Прессер развернулся на каблуках и вышел из мертвого дома.

Дейл считал, что офис шерифа располагается в высоком здании суда на центральной площади Оук-Хилла, но оказалось, что он находится в низком кирпичном доме шестидесятых годов, в квартале от здания суда. Здесь было несколько кабинетов с закрытыми жалюзи окнами, искусственная елка с одинокой гирляндой, которая помаргивала цветными лампочками на стойке дежурного, и несколько стеклянных отсеков, которых хватило бы четверем-пяти помощникам шерифа. Прессер повел Дейла в самый дальний отсек, где было две

стеклянных перегородки. Окно выходило на улицу, на боулинг-центр «Голд Делюкс». Здание было наглухо закрыто.

«Что ж, – подумал Дейл, когда помощник шерифа указал ему на свободное кресло, – они хотя бы еще не взяли у меня отпечатки пальцев».

– Офицер, – начал он, – клянусь, я ничего не понимаю. Мишель сказала мне, что они с подругой живут в этом доме, когда я встретился с ней... когда я впервые случайно наткнулся на нее здесь, в Оук-Хилле, несколько недель назад. Именно сюда она попросила отвезти ее в ту ночь, когда позвонила мне и сказала, что возле школы на нее напали собаки. Шериф может это подтвердить...

Прессер вскинул руку тем же жестом, каким приказывал помолчать помощнику шерифа Райссу. Дейл умолк.

– Мистер Стюарт, – начал помощник шерифа, – я должен сообщить вам о ваших правах. Шериф звонил мне, он вернется завтра поздно вечером или утром послезавтра, он хочет лично поговорить с вами, но он уполномочил меня провести эту беседу. У вас есть право хранить молчание...

– О боже! – выдохнул Дейл. – Меня в чем-то подозревают?

– Скажем так, я сейчас обязан зачитать вам ваши права, – сказал полицейский. – Наверное, вы сотни раз видели подобную сцену по телевизору, но я обязан это сделать. У вас есть право на адвоката. Если вы не имеете возможности нанять адвоката, он будет назначен вам...

– Господи, – повторил Дейл. Он чувствовал себя так, будто его снова сбили с ног. В голове пульсировало. – Значит, меня подозревают в причастности к исчезновению Мишель.

– Нет, не подозревают, – сказал Прессер. – Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. Итак, не хотите ли вы позвонить своему адвокату, мистер Стюарт?

– Нет, – глухо ответил Дейл, понимая, что делает глупость, но ему было все равно.

– Я сейчас включу магнитофон, мистер Стюарт. Вы осознаете это, согласны ли вы, чтобы наша беседа была записана?

– Да.

Магнитофон был старый, бобинный. Дейл глядел, как вертятся бобины, как ползет коричневая лента, пока Прессер говорил в микрофон, называя дату и время допроса, полное имя Дейла и свое

имя, а потом ставил микрофон на стол. Голос полицейского и собственный голос звучали для Дейла откуда-то издалека. – Но если меня не подозревают в причастности к исчезновению Мишель, зачем же мне тогда зачитали мои права? Какое еще преступление было совершено?

– Во время нашей беседы вопросы буду задавать я, – ровным тоном произнес помощник шерифа Прессер. – Но я должен сказать вам, что ложное заявление о преступлении, похищении или разбойном нападении, когда таковые не имели места, преследуется по закону.

Дейл едва не засмеялся.

– Разбойное нападение еще как произошло, офицер. И Мишель Стеффни лежит где-то, может быть, умирает, из-за того, что вы тут тратите время на беседы со мной. Вот это и есть настоящее преступление!

– Мистер Стюарт, – произнес Прессер, явно пропуская мимо ушей все то, что наговорил сейчас Дейл – не прочтете ли вы это? – Он раскрыл тонкую папку с бумагами, вынул оттуда газетный листок и положил на стол перед Дейлом.

Дейл прежде всего заметил в левой колонке черно-белую фотографию Мишель. Газетная статья датировалась почти двумя годами раньше.

ГОЛЛИВУДСКИЙ ПРОДЮСЕР ОБВИНЕН В ДВОЙНОМ УБИЙСТВЕ!

Верховный суд Лос-Анджелеса признал сегодня голливудского продюсера Кена Куртиса виновным в убийстве своей жены, актрисы Мики Стоуффер и ее любовницы Дианы Виллановы, которое произошло двадцать третьего января. Миссис Стоуффер, настоящее имя Мишель Стеффни-Куртис, последние три месяца жила отдельно от мужа, но их, как называли это друзья семьи, «бурные взаимоотношения» все еще продолжались. Сам Куртис сегодня не признал себя виновным, и, как ожидается, его адвокат, Мартин Шапиро, потребует психиатрического освидетельствования. «Кен явно не контролирует себя в последнее время», – заявил репортерам Шапиро.

Куртис известен прежде всего как продюсер успешного фильма «Умри свободным» с Вэлом Килмером в главной роли. Мика Стоуффер, тридцать один год состоящая в Гильдии актеров, снималась по большей части в эпизодах. Диана Вилланова, с которой миссис Стоуффер жила последние два месяца до рокового выстрела, была сценаристом, на ее счету такие работы, как «Четвертое измерение» и «Все хорошенькие птички возвращаются в свое гнездышко».

И Стоуффер и Вилланова были обнаружены мертвыми в квартире миссис Виллановы в Бель-Эйр двадцать третьего января, после того, как соседи вызвали полицию...

Дейл перестал читать и бросил газету на стол.

– Это, должно быть, какая-то ошибка, – сказал он сипло. – Какой-то розыгрыш...

Помощник шерифа Прессер достал из папки еще два листка, на этот раз страницы, присланные по старому факсу, и толкнул их через стол к Дейлу.

– Вы узнаете кого-нибудь из этих женщин, мистер Стюарт?

Это были фотографии из морга. На первой была Мишель: рот открыт, под полуопущенными веками виднеются узкие полоски белков. Она лежала на спине, обнаженная до пояса, ее великолепные круглые груди лишились объема под собственным весом и светом от вспышки фотографа. Над левой грудью виднелись две идеально круглые дырочки от пуль, и еще одна – с более широким входным отверстием – прямо под горлом.

Еще одно пулевое отверстие с расплывшимся вокруг синяком располагалось прямо в центре лба.

– Мишель Стеффни, – подтвердил Дейл. Горло у него так сжало, что он едва говорил. Он взглянул на вторую фотографию. – Господи, – ахнул он.

– Куртис схватился за нож после того, как застрелил ее, – пояснил Прессер.

– Волосы и форма лица вроде бы как у Дианы... как у той женщины, которую я видел с Мишель... но... я не знаю. – Он отдал фотографии Прессеру. – Послушайте, ваш шериф видел меня с Мишель... с этой женщиной.

Прессер внимательно посмотрел на него.

– А когда, вы говорите, видели в Оук-Хилле этих женщин, мистер Стюарт?

– Мне кажется... то есть я видел их недель шесть-семь назад. За несколько недель до Дня благодарения, как мне кажется... – Дейл замолк и помотал головой. – Могу я попросить у вас воды, офицер Прессер?

– Ларри! – крикнул Прессер.

Когда полицейский явился на зов, Прессер отправил его к кулеру за водой.

Рука Дейла тряслась, пока он подносил маленький бумажный стаканчик ко рту. Он тянул время и знал, что Прессер это понимает. Помощник шерифа выключил магнитофон, но сейчас снова включил его.

– Эта женщина, о которой написано в газете, – Мика Стоуффер, бывшая Мишель Стеффни, – та же самая женщина, на которую, как вы говорите, вчера ночью на ферме Макбрайдов напали собаки?

– Да, – ответил Дейл.

Последовала долгая пауза, нарушаемая лишь равномерным шорохом магнитофонной ленты.

– Мистер Стюарт, принимаете ли вы какие-либо лекарственные препараты?

– Лекарственные препараты? – Дейл минуту подумал. – Да, принимаю.

– И что это за лекарства, сэр?

– Э... прозак, флюразепам и доксепин. Одно из них антидепрессант... – «Можно подумать, будто весь мир этого не знает», – мысленно произнес Дейл, – а остальные помогают мне засыпать.

– Эти препараты назначены вам психиатром? – спросил помощник шерифа Прессер.

«А какое твое собачье дело?» – подумал Дейл. Вслух он ответил:

– Да. Они назначены мне психиатром из Монтаны, где я проживаю.

– И вы принимали назначенные лекарства регулярно?

«Нет», – подумал Дейл. Когда он последний раз глотал свои пилюли? Кажется, еще до Дня благодарения. Он так и не смог вспомнить.

– Иногда пропускаю прием, – признал Дейл. – Но доксепин и флюразепам я принимаю только от бессонницы. А что касается прозака, назначенный мне курс все равно уже подошел к концу.

– И ваш психиатр согласен с этим? Дейл засомневался.

– А вы не принимаете никаких психотропных препаратов, мистер Стюарт? Никаких лекарств, показанных при шизофрении или сходных психических нарушениях?

– Нет, – отрезал Дейл более грубо, чем следовало. – Нет.

Если бы это было кино, в этом месте Дейлу полагалось бы кричать: «Послушайте! Я не сумасшедший!» – но на самом деле действительность оглушила его, словно обухом, он начал подозревать, что и в самом деле спятил. Если только ему не снится эта беседа с полицейским, но тогда остальное тоже снится. Только вот фотография Мишель, мертвой, окоченевшей, сделанная на столе в морге Лос-Анджелеса, была более чем реальна. «Может, у Мишель есть сестра-близнец...»

Точно, мысленно ответил сам себе Дейл. У нее есть сестра-близнец, которая явилась в Элм-Хейвен вместе с сестрой-близнецом Дианы Виллановы, а потом по неизвестной причине стала выдавать себя за Мишель... Дейл снова помотал гудящей головой. Он прекрасно помнил семью Стеффни еще с тех времен, когда сорок лет назад жил в Элм-Хейвене. У Мишель не было сестер.

– Мистер Стюарт?

Дейл поднял глаза. Он понял, что сидит, обхватив голову руками, и бормочет вслух.

– Голова болит, – пояснил он.

Помощник шерифа кивнул. Магнитофонная лента все еще перематывалась.

– Вы не хотите изменить свое заявление о нападении собак на мисс Мишель Стеффни?

Все еще потирая голову, Дейл спросил:

– А какое наказание предусмотрено за ложное обвинение, офицер?

Прессер пожал плечами и нажал на кнопку «Пауза».

– Зависит от обстоятельств, мистер Стюарт. По правде говоря, самое неприятное в вашем случае заключается в том, что вы позвонили с просьбой о помощи в канун Рождества, когда в

управлении дежурили всего четыре человека, и трое из них были вынуждены выехать по вашему вызову. Но насколько я понимаю, никто от этого на самом деле не пострадал. И вы явно сильно ударились головой прошлым вечером, мистер Стюарт. Иногда подобные удары вызывают странные реакции. Вы помните, как ударились головой?

«Чертовы псы сбили меня с ног у двери, а потом набросились на Мишель и утащили ее в темноту», – подумал Дейл. Но вслух ответил:

– Теперь я уже ни в чем не уверен. Я понимаю, насколько ненормально это звучит, офицер.

Прессер снова включил магнитофон.

– Вы не хотите изменить какое-нибудь из сделанных заявлений, мистер Стюарт?

Дейл в очередной раз потер голову, чувствуя под пальцами швы, и боль, и пульсацию внутри черепа. Интересно, у него сотрясение мозга?

– У меня была депрессия, офицер Прессер. Мой лечащий врач, доктор Холл из Мизулы, прописал мне прозак и некоторые снотворные препараты, но я был занят и пребывал в расстроенных чувствах в последние недели и забывал принимать лекарства. Я признаю, что крайне мало спал. Я плохо помню, как ушиб голову прошлым вечером, а Мишель... что ж, этого я не могу объяснить, могу только сказать, что в последние месяцы слабо понимаю происходящее вокруг. – Он внезапно поднял глаза на Прессера. – Она привезла ветчину.

– Простите? – не понял Прессер.

– Мишель привезла ветчину. Мы ее вчера ели. И еще вино. Две бутылки. Красное. Это ведь что-то материальное. Это же можно проверить. Может быть, какая-то другая женщина, которая... все равно, ветчину и вино можно проверить.

– Да, – подтвердил Прессер. – Я поручил это помощнику шерифа Райссу. У вас в кухне в фирменном пакете «Корнер-пэнтри» мы нашли чек. Полицейский Раисе отправился допросить Руги из «Корнер-пэнтри», а потом он объедет винные магазины округа.

– Вы обыскивали мою кухню? – озадаченно спросил Дейл.

– Вы вчера вечером дали нам разрешение на осмотр дома, – натянуто произнес помощник шерифа Прессер.

– Верно. – Дейл взял бумажный стаканчик, чтобы глотнуть еще воды, обнаружил, что в нем пусто, смял стаканчик и закинул его в корзину для бумаг. – Так я арестован, офицер?

Прессер выключил магнитофон и покачал головой.

– Я уже сообщал, что шериф хочет сам поговорить с вами завтра-послезавтра. Мы могли бы пока поддержать вас там... – Он сделал неопределенный жест в сторону дальней стены, за которой, как догадался Дейл, находились камеры. – Но вы с тем же успехом можете подождать и на ферме.

Дейл кивнул и сморщился от боли.

– Полагаю, вы не собираетесь возвращать мне ружье. Однако черные собаки могут оказаться настоящими.

– Помощник шерифа Тейлор отвезет вас обратно на ферму, – сказал Прессер, пропуская мимо ушей вопрос Дейла о дробовике. – Никуда не выезжайте, не поставив нас в известность. И даже не пытайтесь покинуть округ. Но кое-что, как мне кажется, вам следует сделать, мистер Стюарт.

Дейл ждал продолжения.

– Позвоните этому доктору Холлу, – посоветовал Прессер.

Глава 23

Снег шел весь первый день Рождества. Измученный и растерянный, Дейл стоял у окна кабинета, наблюдая, как полицейская машина исчезает в снежной завесе, а потом уже просто стоял и смотрел, как падают снежинки. Прошло довольно много времени, за которое мысли Дейла сделались такими же расплывшимися и тусклыми, как тяжелые серые тучи за окном, потом Дейл подошел к ноутбуку и включил его. Выйдя из Windows в DOS, он набрал после мерцающей буквы С:

>Я что, свихнулся?

Дейл не ожидал ответа – во всяком случае, немедленного – и не получил его. Спустя некоторое время он вышел на кухню, вымыл тарелки, прибрался. Кто-то – Мишель вчера вечером? – завернул остатки ветчины в пленку и убрал на вторую полку холодильника. Дейл понимал, что должен быть голоден, ведь он ничего не ел со вчерашнего обеда, – «я действительно обедал вчера или обед мне привиделся?» – но аппетита не было. Дейл натянул на себя второй свитер и куртку и вышел под снег.

Во дворе лежал толстый, в несколько дюймов, слой сырого тяжелого снега. Дейл повернул на запад, пошел мимо занесенных сараев и амбара – огромные ворота до сих пор были приоткрыты – прочь с фермы в сторону невысокого плоского холма над ручьем. На укатанной колее не было видно собачьих следов, не было заметно и следов пребывания человека в кукурузном поле, никаких признаков того, что здесь может прятаться раненая женщина.

«Я ненормальный?» Очень может быть. Дейл осознал, что совет помощника шерифа не лишен смысла, – ему действительно стоит позвонить своему врачу. Дейл позвонил бы из Оук-Хилла, если бы не присутствие помощника шерифа, провожавшего его до дома.

Снег повалил сильнее, когда Дейл добрался до небольшого возвышения, где Дуэйн похоронил своего верного колли Виттгенштейна в то самое лето шестидесятого. Деревья, растущие вдоль ручья, терялись в снежной пелене, Дейл не видел даже амбара, не говоря уж о самом доме. Все звуки казались приглушенными. Дейл

помнил подобные дни по детству в Элм-Хейвене и по другим местам: день такой тихий, что еле слышное биение собственного сердца или пульса похоже на шуршание падающих снежинок.

Шестидесятый. Дейл изо всех сил старался вспомнить подробности того лета. Кошмары, он помнил кошмары. Белые руки затаскивают его младшего брата Лоренса под кровать в их общей спальне в высоком белом доме напротив Старой центральной школы в Элм-Хейвене. Сама школа стояла заколоченная в ожидании сноса, а потом загадочным образом сгорела в конце того лета, раньше, чем ее успели развалить строительными ядрами. Зеленое свечение из-под заколоченного купола чудовищно громадного древнего здания. Детишки складывали легенды и страшилки про Старую школу.

И кое-какие из этих легенд показались правдой после того, как Дуэйн погиб тем же летом в окрестных полях.

Дейл медленно огляделся вокруг. Под небольшим выступом холма несколько сломанных кукурузных стеблей еще слабо выделялись по цвету на фоне бесконечной белизны, а дальше ряд за рядом тянулись низкие снежные кочки, которые еще этим летом были высокими растениями.

«Что же случилось с нашим поколением?» Дейл пытался вспомнить, каким энергичным и полным идеалов был он в колледже. «Мы обещали так много и столь многим – прежде всего, самим себе». Он сам и его коллеги-преподаватели частенько сетовали, насколько циничными, насколько зацикленными на себе сделались современные молодые люди, по сравнению с полной энтузиазма и высоких идеалов молодежью середины и конца шестидесятых. «Чушь собачья», – подумал Дейл. Все это была чушь собачья. Они сами себе навешивали лапшу на уши по поводу революции, а тем временем тянулись ровно к тому, к чему и все предыдущие поколения: к сексу, сладкой жизни, деньгам, власти.

«Кто я такой, чтобы говорить?» Дейл ощутил вкус желчи при мысли о своих книжках про Джима Бриджера. Это была работа на заказ – гарантированный заработок за серию ходульных сказочек о белых охотниках и краснокожих женщинах. С тем же успехом это могли быть книжки о маньяках-убийцах, если учесть, сколько труда затрачивал на их написание Дейл в последние годы.

«Секс, сладкая жизнь, деньги, власть». Он получил все из списка, кроме последнего пункта, – интриговал и потворствовал факультетским нравам, чтобы за долгие годы обрести хотя бы жалкое подобие перечисленного – и что это ему принесло? «День благодарения и Рождество в обществе призрака!»

Дейл сошел с плоского возвышения и побрел на юг вдоль ручья, перелезая через заборы возле деревянных столбов. Где-то далеко на западе лаяла собака, но Дейл определил по голосу, что это обычная фермерская собака, несущая службу, настоящая собака, смертная собака. «В отличие от кого? Моих гончих ада?»

Дейл хотел бы верить в привидения. Но не мог. Он понимал, что все: жизнь, любовь, потери, даже страхи, – воспринималось бы гораздо проще, если бы он смог. Уже несколько десятилетий взрослой жизни он старался понять психологию тех людей, которые гордятся своей верой в привидения, духов, фэншуй, гороскопы, позитивные энергии, демонов, ангелов... Бога. Дейл не верил. Это была некая форма простейшей глупости, к которой он предпочитал не иметь ни малейшего отношения.

«Неужели я сошел с ума?» Возможно. Очень даже может быть. Он знал, что не был нормален год назад, когда зарядил вертикальный дробовик, приставил дуло к виску и протянул руку, чтобы спустить курок. Он помнил совершенной осязательной памятью, как именно окружность из холодной стали давила на кожу головы. Если он был настолько безумен, чтобы решиться на такое, почему бы не быть и всему остальному?

«Чему всему? Обедам с призраками? Картинам соращения его самой сексуальной девчонкой из их шестого класса? Письменным вопросам и ответам в компьютере, посланным ему акростихам?»

Если предположить, что Мишель Стеффни привидение – если привидения существуют, во что Дейл Стюарт не верил ни на миг, – почему она оказалась именно здесь? Она едва зналась с его дражайшим другом Дуэйном Макбрайдом. В двенадцать лет Мишель Стеффни, докторская дочка, вообще не играла с такими оборванцами, как Дуэйн, Харлен, Майк, Кевин или... Дейл. Кроме того, Мишель Стеффни, или Мика Стоуффер, терпеть не могла Элм-Хейвен. Она больше тридцати лет прожила в Калифорнии и – это, кажется, чистая правда – умерла там. Если ей требовалось какое-то место, чтобы

являться, почему она не появилась в Бель-Эйр, в доме своей любовницы, Дианы Виллановы, где обе они и были убиты? А еще лучше, скиталась бы по дому мужа, почтенного продюсера Вэла Килмера в сериале «Умри свободным».

«Господи». Дейл покачал головой от ощущения того, насколько банален мир. От движения с его волос посыпался нападавший ему на голову снег. Он сообразил, что не надел даже бейсбольной кепки, и теперь волосы у него намокли, с лица капал растаявший снег. Холодало.

Дейл огляделся вокруг и понял, что забрел в лесок рядом с фермой Джонсона. Несколько недель назад он зашел сюда, когда его преследовали собаки. «Были ли они на самом деле?» Почти наверняка во всех этих галлюцинациях была одна настоящая черная собака – зрительный образ, выпустивший на свободу фантазии, – точно так же, как была, наверное, и настоящая рыжеволосая женщина, которую он заметил у городского рынка в Оук-Хилле несколько недель назад, и в голове у него всплыла рыжеволосая секс-бомба из их класса, Мишель Стеффни.

«У Энн волосы золотисто-рыжие, при определенном освещении».

Дейл потер лицо, сознавая, что забыл не только кепку, но и перчатки. Кожа рук потрескалась и покраснела от холода.

«Гончие ада могут прямо сейчас идти у тебя за спиной, беззвучно двигаясь по снегу, выслеживая тебя». Он медленно обернулся, не ощущая на самом деле тревоги.

Пустые поля и падающий снег. И без того уже сумеречный, свет угасал. Дейл посмотрел на часы – половина пятого. Неужели уже так поздно? Через полчаса совсем стемнеет. Снега напало уже дюймов на семь-восемь, сырого, от которого промокли хлопчатобумажные брюки... те же самые испачканные кровью брюки, которые он надел вчера вечером. На них была его кровь, разумеется, он разбил голову о дверь, когда упал. «А отчего я упал? Кто помог мне упасть?»

Он шел обратно к невидимому в сумерках дому, срезая путь, прошел по диагонали через замерзшее поле, перелез еще через два забора в тех местах, где сетка прилегала к столбам. Он подходил к амбару с юга, брел вдоль забора, пока не показался дом, темно-серый силуэт на фоне темно-серого вечера.

На подъездной дороге стояла машина департамента шерифа, но машина была больше и намного старше тех, на которых ездили помощники шерифа. Машина самого шерифа.

Ка-Джей Конгден стоял рядом с курятником, поверх серого стетсона ^[24]у шерифа была надета непромокаемая защитная шляпа, какую в случае дождя или снега надевали патрульные и конная полиция округа. Конгден держал руку на кобуре пистолета, постукивая пальцами по белой перламутровой рукоятке. Он усмехался.

– Мне казалось, вам приказано сидеть дома, профессор, – произнес толстяк.

– Мне велели не покидать ферму, – сказал Дейл. – А ферму я не покидал. – У него снова отчаянно заболела голова. Собственный голос даже ему самому казался тусклым. – Удачно съездили отдохнуть на праздники, шериф?

Конгден усмехнулся еще шире. Зубы у него пожелтели от никотина. Дейл чувствовал, что от куртки толстяка несет дымом сигарет и сигар.

– Так вы тут всем рассказываете истории с привидениями, профессор?

Вдруг Дейл вздрогнул так, словно кто-то сунул ему за шиворот комок снега.

– Погодите-ка, – сказал он, протягивая руку, словно собираясь схватить Конгдена за форменную куртку. Шериф отступил на шаг, не позволяя дотронуться до себя. – Вы ведь там были!

– Где? – Ухмылка сошла с лица Ка-Джея Конгдена. Глаза смотрели холодно.

– На школьном дворе в ту ночь. Вы видели ее. Прессер почти убедил меня, будто я спятил, и я совсем забыл... вы тоже видели ее. Вы с ней говорили.

– С кем? – спросил Конгден.

Он снова слегка улыбался. Стемнело уже настолько, что Дейлу пришлось податься вперед, чтобы разглядеть выражение лица бывшего хулигана под полями его ковбойской шляпы. В доме не горел свет, и казалось, что высокая постройка исчезает вместе с догорающими зимними сумерками.

– Вы расчудесно знаете, о ком я говорю, – взорвался Дейл. – С Мишель Стеффни. Вы же, черт возьми, предлагали довести ее до дома.

– Правда?

– Твою мать, – сказал Дейл. Он проскочил мимо Конгдена и зашагал к дому. – Можете меня арестовать, если хотите. Хватит с меня этой галиматьи!

– Стюарт! – Этот звук походил одновременно и на лай, и на команду.

Дейл замер и медленно обернулся.

– Подойди-ка сюда на минутку, Стюарт. Хочу кое-что тебе показать. – Конгден сделал шаг назад, развернулся и прошел еще два шага. В сторону амбара.

– Что? – спросил Дейл.

Он вдруг испугался. На улице было уже темно, по-настоящему темно. Фонарика он не взял. Как-то раз, в то самое лето шестидесятого, Ка-Джей Конгден и его приятель – Арчи? – остановили Дейла на железнодорожных путях на окраине Элм-Хейвена, и Конгден навел на него винтовку двадцать второго калибра. Тогда Дейл Стюарт впервые в жизни ощутил абсолютный страх, от которого делаются ватными ноги и расслабляется мочевого пузырь.

Сейчас он ощущал его снова.

– Иди сюда, черт побери, – прорычал Конгден. – Сию секунду! Я не собираюсь ждать до ночи.

Нет.

– Нет! – сказал Дейл.

Иди к дому. Быстрее.

Дейл развернулся и быстро пошел, ожидая и опасаясь звука поспешных шагов за спиной или горящих в темноте собачьих глаз впереди.

– Стюарт, черт бы тебя разодрал, иди сюда! Я хочу показать тебе кое-что в амбаре!

Дейл перешел на неуклюжий бег, не обращая внимания на головную боль, которая вспыхивала каждый раз, когда его ботинки касались промерзшей земли под слоем снега. Он не видел дома. Было слишком темно.

Дейл едва не влетел со всего разгона в проволочный забор, понял, что находится за курятником, побежал налево, а потом снова направо. Силуэт дома выступил из темноты. Дейл обернулся через плечо, но не

увидел Конгдена из-за темноты. Снег бил в глаза, угрожая ослепить его.

– Стюарт, ты слабак! – донесся голос шерифа из темноты откуда-то справа от Дейла, голос приближался. – Неужели ты не хочешь узнать, что произошло?

Дейл взбежал по бетонным ступенькам, распахнул дверь, захлопнул ее за собой, запер на замок и навесил тяжелую цепочку. Голова трещала, он медленно развернулся в темной кухне, прислушиваясь, нет ли в доме какого-нибудь движения или дыхания. Если бы и были, он не расслышал бы из-за собственной одышки и грохочущего в ушах пульса. Он посмотрел в окно, но даже машины шерифа не было видно в темноте и за пеленой снега. «Господи, у этого сукина сына ведь есть оружие. А у меня нет. И он еще безумнее, чем я!»

Не зажигая света, Дейл спустился в подвал и нащупал стену рядом с ящиками-полками. Большое консольное радио негромко наигрывало хиты пятидесятых, единственным источником света была его горящая настроечная таблица. «Вот она». Дейл поднял битую «Луисвилль Слаггер» и понес ее в кухню. Конечно, бита не сравнится с громадным «кольцом» сорок пятого калибра, который лежит в кобуре у Конгдена, но, может быть, в темноте...

В темноте. Дейл вглядывался в окно, стоя сбоку, чтобы не увидели его самого. Вдруг он увидел лицо Конгдена, прижатое к оконному стеклу в каком-то дюйме от его лица, желтые зубы, желтая кожа, вывалившийся язык.

«Твою мать!» – подумал Дейл, инстинктивно хватаясь за битую. Никакого лица в окне не было. Конгдена не было нигде на расстоянии нескольких футов от окна, настолько мог видеть Дейл в темноте. «Может, он уехал, пока я ходил за битой, а я не услышал, как отъезжала машина».

«А может, не уехал».

«Может быть, он уже в доме, рядом с тобой».

Дейл понял, что его колотит дрожь, руки сжимают битую «Луисвилль Слаггер» с такой силой, что пальцы сводит судорога. «Господи, боже мой! Я совсем рассыпаюсь. Трещу по чертовым швам».

Дейл соскользнул по стене рядом с плитой, сжимая битую, сел на старые плитки пола и прижался щекой к холодному металлу плиты. Он чувствовал, как растаявший в волосах снег сбегает ручейками по голове и щекам. «Холодное кольцо дула». Дейл был рад, что Прессер не отдал ему «саваж», в данный момент он был так измотан и напуган, что возможность спустить курок казалась ему едва ли не счастливым избавлением. «Выстрелило бы ружье на этот раз? – подумал Дейл. – Выстрелило».

Что-то грохало дверью в нескольких дюймах от Дейла, пытаюсь войти в дом. Дейл дернулся и проснулся, еще в полусне провел рукой по линолеуму, нашарил бейсбольную битую и поднял ее, вставая на ноги.

Дневной свет лился сквозь занавески на кухонной двери. Дейл проспал всю ночь. Кто-то снова постучал, Дейл выглянул и увидел зеленую форменную куртку шерифа, звезду, стетсон. Это не Ка-Джей Конгден. Во дворе стояла с заведенным мотором машина департамента шерифа, более современная. Сугробы нападали больше фута высотой, единственный след, который тянулся по снегу, – параллельные колеи от шин полицейской машины.

Шериф, человек лет тридцати, с худощавым лицом, заметил Дейла и кивком головы указал ему на замок, предлагая открыть дверь.

Дейл заморгал, поставил битую между стеной и кухонной плитой. У него ушло несколько секунд на то, что бы отпереть замок. Порыв ледяного ветра ворвался в дом, когда Дейл открыл дверь, и человек на крыльце – гораздо меньше Конгдена, стройнее и ниже ростом, чем Дейл, – шагнул назад, словно вышколенный как следует продавец энциклопедий, демонстрирующий товар хозяину дома.

– Профессор Стюарт?

Дейл потер подбородок и кивнул. Он догадывался, что волосы у него, наверное, стоят дыбом, что на нем до сих пор грязные и измятые хлопчатобумажные брюки, рубашка и свитер, которые он надел двумя днями раньше ради рождественского ужина.

– Я шериф Билл Маккоун, – представился человек в форме шерифа. – Вы позволите мне войти?

Дейл закивал головой и отступил назад. Полицейский говорил неторопливо, звучным голосом, в нем ощущалась уверенность в себе. Дейл же чувствовал себя так, словно был сделан из рваной бумаги и

битого стекла, и был готов закричать в любую секунду. Он глубоко вдохнул и попытался успокоиться.

Шериф Маккоун снял свой стетсон, улыбнулся и огляделся вокруг, вроде бы небрежно, но Дейл понял, что этот человек успел заметить все.

– Сегодня утром все здесь было в порядке, профессор Стюарт?

– В порядке, – ответил Дейл. Маккоун снова улыбнулся.

– Просто я заметил, что вы вышли открывать дверь с бейсбольной битой в руках. А до того, кажется, спали прямо на полу.

Дейл ничего не мог возразить на это и не стал возражать.

– Хотите кофе, шериф?

– Только если будете готовить для себя.

– Буду. Я еще не пил сегодня кофе. – «Это и без того очевидно», – подумал Дейл. – Присаживайтесь, я сейчас все приготовлю, – сказал он вслух.

Маккоун молча наблюдал, как Дейл извлекает банку с кофе «Фолгерс», наполняет кувшин водой, заливает ее в кофеварку, промывает под краном фильтр, отмеривает шесть ложек кофе и включает прибор. Пальцы Дейла, затекшие и неловкие, казались ему самому бесполезными раздутыми сардельками.

– На Рождество вы сделали довольно любопытное заявление, – произнес шериф, принимая у Дейла чашку с кофе.

– Сливки, сахар? – спросил Дейл.

Маккоун отрицательно покачал головой и отхлебнул глоток.

– Вкусно.

Дейл отпил из своей чашки и решил, что на вкус это похоже на грязную водичку из какого-нибудь трюма.

– Вам сейчас уже лучше? – поинтересовался изящный человек со звездой шерифа.

– Что вы имеете в виду?

– Вашу голову. Я слышал, вам наложили девять швов, наверное, есть небольшое сотрясение. Сейчас лучше?

Дейл дотронулся до головы и ощутил под старой повязкой запекшуюся кровь.

– Да, – сказал он. – Сегодня утром голова болит уже не так сильно. – Это была правда.

– Не хотите поговорить насчет вашего заявления? О пропавшей, как вы сообщили, женщине? О собаках? Обо всем остальном?

Дейл отхлебнул кофе, чтобы выиграть время. Может, рассказать Маккоуну о визите Конгдена?

Нет. Не надо ему ничего рассказывать.

– Я догадываюсь, насколько ненормально все это прозвучало, – произнес в итоге Дейл. – Ненормально даже для меня. Полагаю, ваши помощники сообщили вам, что я принимаю некоторые лекарства от депрессии...

Маккоун кивнул.

– У вас была возможность позвонить вашему психиатру в Монтану? Как его фамилия?

Скажи ему правду.

– Его зовут Чарльз Холл. Нет, пока что у меня не нашлось времени, чтобы ему позвонить.

Маккоун отпил еще кофе и поставил чашку.

– Мы сами позвонили ему, профессор Стюарт. Просто чтобы проверить, являетесь ли вы его пациентом.

Дейл попытался выдавить улыбку, догадываясь, насколько гнусной она выглядит.

– И как, являюсь?

– Уже нет, – ответил шериф. – У меня для вас плохие новости.

Дейл молча ждал. Он понятия не имел, о чем толкует ему этот человек.

– Доктор Чарльз Холл умер девятнадцатого декабря, – сказал Маккоун. – Мы говорили с регистратурой, а потом нам ответил дежурный врач, доктор Вильяме. Это женщина, доктор Вильяме.

Дейл молча смотрел на шерифа. Когда он обрел способность говорить, он спросил:

– Его убили?

Маккоун поднял свою чашку с кофе, но не успел отпить из нее.

– Почему вы так думаете, профессор Стюарт?

– Сам не знаю. Просто все вокруг складывается таким образом... погодите-ка, вы это серьезно? Чарльз Холл умер?

– Девятнадцатого декабря погиб в автокатастрофе, – подтвердил шериф Маккоун. – Известно, что он возвращался домой после выходных, катался на лыжах в Теллуриде, штат Колорадо, когда какой-

то пьяный выехал на середину шоссе. – Маккоун достал розовый квадратик бумаги для заметок из своего жесткого задубевшего нагрудного кармана и положил на кухонный стол. – Это телефон доктора Вильяме. Она просила вас позвонить как можно скорее, она хочет поговорить с вами, убедиться, что вам продлевают рецепты на лекарства, или что-то в этом духе.

Дейл взял со стола листок и уставился на него.

– А вы рассказали ей... о Рождестве? Обо мне?

– Мы убедились, что вы являлись пациентом доктора Холла, и спросили у доктора Вильяме, от чего вас лечили. Она не захотела отвечать нам на этот вопрос – у них там все конфиденциально, – но мы объяснили ей, что речь, возможно, идет о похищении человека и мы просто хотим уточнить, не страдаете ли вы галлюцинациями. Она заглянула в документы доктора Холла, касающиеся вас, – она забрала себе половину пациентов доктора Холла, остальных забрал другой врач, – и подтвердила, что вас лечили всего лишь от депрессии и повышенной нервозности.

– Всего лишь? – удивился Дейл.

– Ну да, – сказал шериф Маккоун. – Так вот, значит, она хочет, чтобы вы ей позвонили, и как можно скорее. Хотя, наверное, отсюда вы не можете позвонить.

– Не могу, – подтвердил Дейл. «Чарльз Холл мертв. А его милый кабинет с окнами, выходящими на кроны деревьев? Кто станет теперь хозяином этого кабинета?»

– Мои помощники сообщили, что вы, кажется, помните, как мы с вами вместе ходили в школу, профессор Стюарт.

– Что? – Дейл оторвался от созерцания розового листка, зажатого в руке. – Простите?

Маккоун повторил предложение.

– О... – начал Дейл и осекся.

Он знал, его считают не вполне нормальным, почти психом, но голова его была настолько забита противоречивой информацией, что он был не в силах сейчас расставлять все по местам.

– Должно быть, вы имели в виду моего дядю, Бобби Маккоуна, – сказал шериф. – Он окончил среднюю школу в шестьдесят шестом году, должно быть, он приблизительно вашего возраста.

– Я помню Боба Маккоуна, – чистосердечно подтвердил Дейл. – Он играл с нами в мяч. И ходил с нами исследовать Цыганскую дорогу. Шериф отхлебнул кофе и чуть заметно улыбнулся.

– Дядя Бобби все время рассказывал нам, когда мы были маленькими, о «Велосипедном патруле», который вы у себя учредили. Бобби очень хотелось, чтобы его тоже приняли, но, наверное, у вас и без него хватало желающих.

– Я не помню, – признался Дейл.

– А вы помните что-нибудь еще о предыдущей ночи, профессор Стюарт? Что-нибудь о собаках?

Дейл набрал воздуха в грудь.

– Я совершенно уверен, шериф, что видел поблизости настоящих собак. Последние недели повсюду попадались отпечатки их лап...

Лицо у шерифа Маккоуна было довольно благодушное, но Дейл видел, что этот человек наблюдает и прислушивается ко всему очень внимательно.

– У меня никогда раньше не было видений или галлюцинаций, шериф, – продолжал Дейл, – но я уже готов поверить, что они у меня есть. Я все еще... в депрессии, как я понимаю. Я давно уже нормально не спал. Пытался работать над книгой, но работа складывается не слишком удачно...

– А что за книга?

– Я не знаю, как ее охарактеризовать, – сказал Дейл, сердито усмехаясь самому себе. – Провальная, наверное. Книга о детях, о взрослении.

– И о лете шестидесятого года? – спросил Маккоун. Сердце Дейла застучало с удвоенной скоростью.

– Насколько я себе это мыслил, да. А почему вы спросили, шериф?

– Наш дядя Бобби время от времени рассказывал о том лете – очень нечасто, – но гораздо чаще отказывался о нем говорить. Создавалось впечатление, что быть мальчишкой в Элм-Хейвене в те времена было сплошным удовольствием, за исключением того лета.

Дейл кивнул, но, поскольку молчание затягивалось, он понял, что Маккоун ждет от него чего-то еще.

– Боб Маккоун знал Дуэйна Макбрайда... – Дейл жестом обозначил дом, в котором они находились. – Смерть Дуэйна в то лето

явилась настоящим потрясением для многих мальчишек. Мы приняли ее с трудом, если вообще приняли.

– Я читал это дело, – сказал Маккоун. – Не возражаете, если я выпью еще вашего замечательного кофе?

Дейл начал было подниматься, но Маккоун замахал на него, чтобы он сидел, подошел к столу, наполнил свою чашку, принес кофейник, чтобы подлить кофе и Дейлу тоже, а потом отнес кофейник обратно.

– Как вы думаете, кто убил вашего друга Дуэйна, профессор Стюарт?

– Тогдашний шериф и мировой судья... Джей-Пи Конгден, отец Ка-Джея Конгдена... признали это несчастным случаем, – произнес Дейл, голос его срывался.

– Да, я читал об этом. В их отчетах и в отчете следователя сказано, что ваш друг Дуэйн начал зачем-то заводить кукурузный комбайн среди июльской ночи – хотя на комбайне даже не было защитной крышки на жатке, – а затем Дуэйн, о котором все говорили, будто бы он настоящий гений, каким-то образом умудрился выпасть из кабины комбайна, после чего машина наехала на него и разорвала на части. И вы поверили этому, профессор Стюарт? Вы тогда купились на это?

– Нет, – сказал Дейл.

– И я тоже. Комбайну пришлось бы описать полный круг, чтобы наехать на того, кто его вел. Жатка находится спереди. Даже паралитику хватило бы времени, чтобы убраться с пути комбайна, пока он описывает полный круг. Полагаю, следователь по делам об убийствах должен был знать об этой особенности комбайна, как вы считаете?

Дейл ничего не ответил.

– Тот самый следователь, – продолжал Маккоун, – был добрым приятелем мирового судьи Джея-Пи Конгдена. Вы помните, что дядя Дуэйна Макбрайда, Арт, погиб в то же лето? Автокатастрофа на Джубили-Колледж-роуд?

– Я помню, – сказал Дейл.

Сердце его билось так сильно, что ему пришлось отставить чашку с кофе, чтобы не расплескать.

– Подчиненные шерифа, кто-то из них, нашли на «кадиллаке» дяди Арта следы голубой краски, – продолжал Маккоун. – Голубая

краска. Угадайте, кто тогда водил большую старую машину, выкрашенную голубой краской?

– Джей-Пи Конгден, – произнес Дейл. Губы у него пересохли.

– Мировой судья, – согласился шериф Маккоун. – Мой дядя Бобби говорил, что у этого Джея-Пи была привычка устраивать гонки перед такими мостами, с какого упала машина дяди Дуэйна: он ехал бок о бок с другой машиной, и, когда его жертва прибавляла газу, лишь бы не свалиться в кювет, и первой выезжала на однополосный мост, папаша Конгден догонял свою жертву и выписывал штраф на двадцать пять долларов. Двадцать пять долларов были приличной суммой в шестидесятом году. Вы, наверное, слышали подобные истории, профессор Стюарт?

– Да, – подтвердил Дейл.

– С вами все в порядке, профессор?

– Да. А что такое?

– Вы как-то побледнели. – Маккоун поднялся, нашел чистый стакан, налил в него воды из-под крана и поставил на стол перед Дейлом. – Выпейте.

Дейл выпил.

– Мой дядя Бобби хорошо знал этого Джея-Пи Конгдена, и его отпрыска тоже, – продолжал шериф, пока Дейл допивал воду. – Он говорил, оба они были хамы и скоты, Ка-Джей тоже.

– Вы предполагаете, что Джей-Пи или же Ка-Джей загнали дядю Дуэйна Макбрайда в опору моста? – спросил Дейл, прилагая усилия, чтобы голос не дрожал.

– Я полагаю, что это был папаша Джей-Пи Конгден, это дерьмо в его духе, – сказал Маккоун. – Сомневаюсь, что он на самом деле хотел убить Артура Макбрайда. Просто потрепать ему нервы, скорее всего. Только вот в его планы вмешался тот мост.

– И кто-нибудь обвинял его в убийстве?

– Ваш друг Дуэйн, – ответил шериф.

Дейл покачал головой. Он ничего не понимал.

– В рапорте говорится, что Дуэйн Макбрайд, одиннадцати лет от роду, позвонил в полицию штата – вы же помните, что тогдашний шериф, Барнаби Стайлз, был старым добрым приятелем Джея-Пи Конгдена, – еще в рапорте говорится, что означенный Дуэйн Макбрайд

сообщил о том, что остатки краски на машине его дяди Арта совпадают с краской на машине мирового судьи.

– И они завели дело?

– У Конгдена было безупречное алиби, – сказал Маккоун. – Напивался в Кикапу еще с пятью приятелями.

– Поэтому дело закрыли.

– Точно.

– После чего шериф Барни рассказал Джею-Пи Конгдену, что Дуэйн выдвигал против него обвинение.

Маккоун прихлебывал кофе, ни малейшим жестом не выдавая, насколько горькое это поило.

– А у Джея-Пи Конгдена есть алиби на ту ночь, когда был убит Дуэйн? – спросил Дейл.

Голос у него дрожал, но ему было уже наплевать.

– Разумеется, есть, – подтвердил Маккоун.

– Наверное, опять пятеро выпивох, – предположил Дейл.

Маккоун покачал головой.

– Нет, на этот раз Конгден, Джей-Пи Конгден, был в Пеории на какой-то выездной сессии суда. По меньшей мере дюжина поборников закона видели его в тот вечер. Однако же сколько лет было в тот год Ка-Джею Конгдену, профессор Стюарт?

– Шестнадцать, – сказал Дейл. Он с усилием выталкивал слова из пересохшего рта. – А что случилось с Ка-Джеем Конгденом, шериф Маккоун?

Маккоун широко улыбнулся.

– О, он кончил так, как кончает большинство обитающих в маленьких городках паразитов... его четыре раза избирали здесь окружным шерифом.

– Но сейчас он уже умер? – спросил Дейл.

– О да. Ка-Джей сунул в рот дуло своего «кольта» сорок пятого калибра с инкрустированной перламутром рукояткой еще в девяносто седьмом году – нет, даже летом девяносто шестого – и вышиб себе мозги. – Маккоун поднялся. – Профессор Стюарт, вы не находитесь под арестом, ни в чем не обвиняетесь, был бы рад поговорить с вами еще, но все-таки, мне кажется, вам стоит позвонить доктору Вильяме в Мизулу. У вас усталый вид, сэр. Может быть, примете душ и

побреетесь, а я отвезу вас в Оук-Хилл? Вы сможете позвонить со станции. А потом я сам отвезу вас обратно. Ну, что скажете?

– Прекрасно, – сказал Дейл.

Он поднялся на ноги, словно старик.

– Вы не будете возражать, если я бегло осмотрю этот дом, профессор Стюарт?

– Обыщите его? – уточнил Дейл. – Я не возражаю. Ваши помощники уже обыскивали.

Маккоун засмеялся. У человека такого хрупкого сложения оказался здоровый раскатистый смех здоровяка.

– Нет, я не стану его обыскивать, профессор. Просто осмотрюсь. Я никогда здесь не был... ну, вы меня понимаете. Мы жили на ферме в четырех милях отсюда, когда я был ребенком; после всех местных легенд, рассказов дяди Бобби, да еще и после той сумасшедшей леди, которая жила здесь после смерти мистера Макбрайда, этот дом стал местным домом с привидениями.

Маккоун вошел в столовую.

– Здесь пустовато, но привидений что-то не видно.

Дейл отправился в кабинет за чистой одеждой, чтобы затем спуститься в подвал принять душ. От предыдущего дня на экране компьютера остался вопрос, а под ним светилась еще одна строка.

>Я что, свихнулся?>Совершенно верно.

Шериф прошел через парадную прихожую и вышел в коридор к кабинету. Дейл отключил питание компьютера и захлопнул крышку.

– Я буду готов через минуту, – сказал Дейл, спускаясь по ступеням. – Допивайте пока кофе.

Глава 24

В течение двух недель после того, как Клэр его бросила, Дейл звонил на ее домашний номер и вешал трубку, как только она подходила к телефону. Он включил у себя антиопределитель номера, поэтому, даже набрав *69, она никак не могла выяснить, кто звонил. После недели почти еженощных звонков подобного рода ее телефон отказался принимать звонки от заблокированных номеров. Дейл выключил антиопределитель и позвонил еще раз на следующий вечер. Попал на автоответчик. Он звонил с промежутком в полчаса всю ночь. Ему неизменно отвечал автомат. Дейл напряженно вслушивался в тишину за механическими шумами автомата, гудками и шипением, но не находил даже намека на присутствие там Клэр. На следующий вечер повторилось то же самое. Дейл начал названивать каждые пятнадцать минут в эту третью ночь. Телефон дозванивался. Отвечал робот. Дейл начал верить, что все эти ночи ее действительно не было дома.

На следующий день, в пятницу, у Дейла не было занятий. Он сознательно потрудился сообщить нескольким коллегам, что собирается в свою ежегодную осеннюю поездку в Национальный парк Глейшер. Он даже позвонил в свой бывший дом, когда, как он точно знал, Энн там не было, и оставил сообщение на автоответчике – Энн сделала новую запись вместо прежней, на которой был его голос, – в котором говорилось, что он отправился в поход в Глейшер, на случай если он вдруг не вернется на работу во вторник. Он долгие годы оставлял подобное сообщение – единственный раз он позабыл оставить его в первую поездку в парк и резервацию «черноногих» с Клэр, – Энн поймет, что это просто застарелая привычка.

Дейл полетел в Филадельфию, переехал через реку в Нью-Джерси и доехал до Принстона как раз на закате. Он никогда не был здесь раньше, поэтому нашел квартиру Клэр – она оставила ему адрес еще в июле, когда только нашла жилье, – не без труда. Ее квартира находилась в небольшом доме на две семьи в нескольких милях от университетского общежития. Дейл просидел во взятой напрокат машине минут пятнадцать, прежде чем собрался с духом, перешел

улицу и нажал кнопку звонка. Ее не было дома. Она не вернулась домой в ту ночь. Дейл знал наверняка, потому что сидел в машине до четырех утра, наблюдая за домом, сползая с сиденья дважды, когда по улице проезжала патрульная машина, и справляя малую нужду через пассажирскую дверь на заросший сорняками газон, вместо того чтобы поехать и найти уборную.

Около половины одиннадцатого утра – в прелестное, свежее осеннее утро, расцвеченное красными листьями, – Клэр приехала на «шевроле сабурбан», которого, насколько знал Дейл, у нее не было. За рулем машины сидел молодой человек, моложе тридцати, светловолосый молодой человек, с очень длинными волосами и нордическим лицом. Он вместе с Клэр вошел в дом. Они не держались за руки и не обнимались, вообще никак не касались друг друга, пока Дейл наблюдал за ними из машины, скрытой лишь тенью от деревьев, но Дейл сразу ощутил между ними интимную связь. И то, что они явно провели ночь вместе.

Он сидел в машине, поигрывал своей прекрасной зажигалкой «Данхилл» и пытался решить, как предстать перед ней, предстать перед ними, что сказать, чтобы не показаться самым большим неудачником на свете и куском дерьма. Он ничего не смог придумать.

Минуть пять спустя Клэр и ее блондин вышли из дома. У нее был с собой все тот же зеленый нейлоновый вещевой мешок, который она столько раз привозила на ранчо, и выдавший виды рюкзак, с которым она отправилась в их первую поездку в Глейшер и в резервацию. Они с молодым человеком смеялись и оживленно болтали, пока грузили вещи на заднее сиденье «шевроле», ни разу не поглядев через улицу туда, где сидел Дейл, потом забрались в высокую машину и уехали.

Дейл поехал за ними, не делая никаких попыток скрыть свое присутствие. Преследовать кого-нибудь гораздо проще, чем это показывают в кино. Они поехали по той дороге, по какой он приехал из Филадельфии, свернули на объездную дорогу 1–295 вокруг Трентона, проехали около двадцати миль на юг по шоссе 206, постепенно забирая на восток, к шоссе 70. К тому времени, когда большой «сабурбан» повернул на юго-восток, на дорогу 72, поток машин значительно поредел. Дейл смутно понимал, куда они приехали, или вот-вот приедут, – в относительно безлюдную часть Нью-Джерси, называемую Сосновыми пустошами.

Клэр со своим любовником еще раз повернули на юг, на дорогу 563, и проехали еще одиннадцать миль – Дейл посмотрел по одометру взятой напрокат машины, – а потом свернули налево, на стоянку между кучкой обшарпанных домиков. На вывеске перед въездом значилось:

ПРОКАТ КАНОЭ СОСНОВЫХ ПУСТОШЕЙ

Дейл проехал еще с миллю, прежде чем нашел хороший разворот в крошечном придорожном городке Четсворт, а затем медленно покатил обратно. Слева от шоссе в этом месте протекала река, и он успел увидеть Клэр и ее любовника в каноэ, движущемся на юг, вниз по течению, прежде чем они скрылись за поворотом. Он свернул на стоянку проката каноэ и остановил машину рядом с пустым «шевроле». Дейл прошел мимо главного здания, заметил рядом с ним высокую поленницу, широкий пень и торчащий в нем колун, и еще кучу щепок и нерасколотых поленьев – судя по всему, хозяева готовились к долгой зимовке; а потом ему пришлось ждать, пока подросток в штанах цвета хаки и зеленой фирменной куртке «Прокат каноэ Сосновых пустошей» помогал двум дамам выгрести на стремнину.

– Здравсьте, – произнес парень, внимательно рассмотрев Дейла, заметив его костюмные брюки и городские ботинки и решив, что он точно не станет брать каноэ напрокат. – Могу вам чем-нибудь помочь?

Дейл оглядел каноэ и каяки, сложенные в прицепах и выстроившиеся вдоль берега.

– Сколько стоит взять каноэ напрокат?

– Тридцать баксов, – ответил подросток. – В цену входят спасательные жилеты и весла. Подушки за дополнительную плату в пятьдесят центов. Еще по три бакса сверху за третьего и четвертого человека. Если вас больше четырех, придется брать два каноэ.

– Я один – сказал Дейл, впервые почувствовав, насколько правдиво это утверждение.

Мальчишка пожал плечами.

– Тридцать баксов.

– А насколько далеко может уплыть каноэ?

Парнишка оторвался от пересчитывания денег и улыбнулся.

– Ну, они могут уйти и в океан, но мы предпочитаем возвращать их на базу до того.

– Ладно, насколько далеко уплывают обычно туристы? Вот те две женщины, которые только что отчалили? Насколько далеко они заплывут?

– До косы у Эванс-бридж, – сказал парень так, словно Дейл обязан был знать, где это. – Им еще повезет, если они доберутся туда до темноты.

– А та пара, что отправилась перед ними? – спросил Дейл. – Они тоже доберутся до Эванс-бридж?

– Угу. Они собирались с ночевкой. Часа через четыре с половиной, через пять они будут в лагере Годфри-бридж. Завтра они собирались спуститься еще ниже, к Бодин-филд, а уже оттуда мы их заберем.

– Откуда ты знаешь, что они остановятся в лагере Годфри-бридж?

– Необходимо разрешение на стоянку, если берешь каноэ на двое суток. Они показали мне такое разрешение. – Парнишка посмотрел на Дейла. – Вы что, коп?

Дейл постарался рассмеяться как можно естественнее.

– Это вряд ли. Просто интересуюсь путешествиями на каноэ. Мы с моей девушкой подумываем отправиться вниз по реке.

– Тогда вам лучше сделать это до следующих выходных, если, конечно, вы собираетесь брать каноэ у нас, – сказал парень скучным голосом, снова потеряв к Дейлу интерес. Он поднимал каяки на прицеп. – Через неделю мы закрываемся на зиму.

– А у вас есть карта, чтобы я мог оценить расстояние до стоянок и вообще посмотреть, где тут что?

Парень достал из заднего кармана смятый ксерокс и протянул Дейлу, не обращая на него больше внимания.

Дейл поблагодарил его и побрел обратно к машине.

Проселочная дорога на лагерь Годфри-бридж отходила от дороги 563 всего в каких-то десяти милях южнее этого места. Дейл ожидал увидеть благоустроенный лагерь, но проселок упирался прямо в реку, под деревьями стояло несколько металлических жаровен и два биотуалета. Густой лес подступал со всех сторон. В лагере было пусто. Дейл поглядел на часы. Чуть больше двух. Клэр со своим любовником появятся между шестью и семью часами вечера. День стоял ясный и тихий, не жужжали насекомые, не шуршала мелкая живность, не

шумели птицы. Несколько белок скакало по деревьям, но даже их осенние игры были какими-то приглушенными. Время от времени группки каноэ или одинокий каяк проплывали мимо, люди в них были либо преувеличенно шумными, либо молчаливыми, как отсутствующие насекомые. Ни в одном каноэ не было Клэр.

Дейл вернулся к арендованной машине, проехал несколько сот метров до заросшей лесной дороги, которую заметил раньше, загнал на нее машину, подальше от посторонних глаз, и открыл багажник. Некоторое время он стоял и смотрел в багажник, на топор, который прихватил с собой со станции проката каноэ.

– Профессор Стюарт? Вы дозвонились в Монтану своему психиатру?

Дейл поднял взгляд от стола, за которым пил из пластикового стакана дрянной кофе. Шериф привел его в маленькую комнатку с голым столом и телефоном, и вышел, чтобы Дейл мог позвонить. В стене не было полупрозрачного зеркала, но в двери имелась узкая прорезь, и Дейл догадался, что все это – за исключением телефона – примыкает к комнате для допросов в департаменте шерифа Оук-Хилла.

– Да, – ответил Дейл.

– Никаких осложнений?

– Никаких осложнений, – подтвердил Дейл. – Доктор Вильяме сказала мне ровно то же самое, что и вы, по поводу несчастного случая с доктором Холлом и согласилась позвонить в аптеку Оук-Хилла, чтобы продлить мой рецепт. На самом деле я практически уверен, что у меня на ферме еще остались лекарства.

– Очень хорошо, – сказал Маккоун. Шериф уселся в единственное кресло и положил на стол бумажную папку. В папке была книга в мягкой обложке, но Дейл не видел названия.

– Вы не уделите мне еще минуту? – спросил шериф.

– А разве у меня есть выбор? – Дейл страшно устал.

– Разумеется, есть. Я даже могу позвонить адвокату, если вы захотите.

– Я арестован или подозреваюсь в чем-то более страшном, чем обычное сумасшествие?

Маккоун натянуто улыбнулся.

– Профессор Стюарт, я лишь хотел попросить вас помочь разобраться с одной небольшой проблемой, с которой мы столкнулись.

– Продолжайте.

Шериф вынул из папки пять лоснящихся фотографий и разложил их перед Дейлом, словно предлагая ему заняться пасьянсом.

– Вам знакомы эти парни, профессор? Дейл вздохнул.

– Я их не знаю, но я их видел. Вот это племянник Сэнди Уиттакер, Дерек. – Он постучал по портрету самого младшего.

– Хотите узнать, как зовут остальных?

– Не особенно, – ответил Дейл.

– Вот об этом вам стоит узнать, – сказал Маккоун, выдвигая из общего ряда фотографию старшего скинхеда. – Его зовут Лестер Бонер. Родился в Пеории. Ему двадцать шесть. Уволен из армии за недостойное поведение, шесть приводов, включая угрозу жизни и здоровью, вооруженное нападение и поджог. Привлекался только один раз, за угон автомобиля, отсидел всего одиннадцать месяцев. Он открыл для себя Гитлера четыре года назад, как люди обычно открывают Христа. Остальные хулиганы просто... хулиганы. А Бонер опасен.

Дейл ничего не говорил.

– Где вы в последний раз видели этих пятерых парней? – Взгляд светло-голубых глаз Маккоуна был слишком пристальным, из него не получился бы хороший игрок в покер.

– Я не... – начал Дейл.

Говори ему правду. Расскажи ему всю правду.

Взгляд шерифа делался все пристальнее по мере того, как затягивалось молчание Дейла.

– Я не знаю, как называется это место, – заговорил Дейл, произнося совершенно не то, что собирался изначально, – это заброшенный грязный карьер приблизительно в миле к востоку от Страстного кладбища.

В детстве мы называли тамошние невысокие холмы горами Билли Гоут.

Маккоун заулыбался.

– Да, мой дядя Бобби всегда называл старый карьер Ситона именно так. – Улыбка исчезла. – А что вы делали там с этими негодьями, профессор?

– Я ничего не делал там с ними. Эти пятеро парней на двух пикапах гнались за мной. Я был на своем «лендкрузере».

– А почему они за вами гнались?

– Спросите их сами, – сказал Дейл. Взгляд шерифа не сделался дружелюбнее. Дейл положил ладони на стол.

– Послушайте, я даже не знаю, кто такие эти бритоголовые, за исключением его... – Он снова постучал по изображению младшего. – Сэнди Уиттакер сказала мне, что ее племянник входит в местную неонацистскую группировку. Они угрожали мне, когда я только приехал сюда в октябре. И потом еще раз...

«За день до того, как Мишель Стеффни пришла ко мне накануне Рождества».

– За день до сочельника они обступили меня на стоянке у супермаркета «Квик». Можете спросить жирную девицу, которая там работает. Я запрыгнул в «лендкрузер» и уехал. Они погнались за мной на своих пикапах. Я свернул с Джубили-Колледж-роуд и поехал кружным путем, оторвался от них в грязи около старого карьера.

– «Кружным путем» – это верно, – произнес шериф. – Там повсюду частные владения. Почему вы поехали вот так, по пересеченной местности, когда за вами гнались эти паршивцы?

Дейл пожал плечами.

– Я вспомнил о Цыганской дороге. Это старая заросшая дорога, по которой мы раньше...

– Я знаю, – перебил шериф. – Дядя Бобби рассказывал о ней. И что там произошло?

– Да ничего, – сказал Дейл. – Мой джип выбрался из грязи. А их – нет. Я вернулся обратно на ферму Макбрайдов.

– Все парни были живы, когда вы уезжали оттуда? – негромко спросил Маккоун.

У Дейла едва не отпала челюсть.

– *Естественно*, они были живы! Только выпачканы в грязи. А разве теперь они не живы? Я имею в виду...

Маккоун убрал фотографии обратно в папку.

– Мы не знаем, где они, профессор Стюарт. Один из фермеров нашел вчера днем брошенные в грязи машины. Один из пикапов лежал на боку...

– Да, – подтвердил Дейл. – Я видел. Зеленый «форд» поехал вслед за мной на грязевую кручу, а внизу завалился на бок. Но все парни, все пассажиры, выбрались из него. Никто не пострадал.

– Вы уверены в этом, профессор?

– Да, уверен. Я видел, как они скакали по машине и орали мне вслед проклятия. Кроме того, хоть машина и завалилась, все происходило очень и очень медленно. Скорость была недостаточной, чтобы кто-нибудь пострадал.

– А зачем, как вы думаете, они гнались за вами?

Дейл сдержал приступ гнева, вызванный этим допросом.

– Сэнди Уиттакер сказала, что Дерек и его дружки прочитали в Интернете некоторые мои статьи о правых группировках в Монтане, – медленно проговорил он. – Оба раза, когда скинхеды напали на меня, они выкрикивали одни и те же ругательства: «иудейский прихвостень» и что-то в этом же духе, – поэтому я решил, что они собираются сделать со мной что-то нехорошее.

– Вы полагаете, в тот день они собирались причинить вам вред, профессор?

– Полагаю, в тот день они убили бы меня, шериф Маккоун. Если бы догнали.

– А вы хотели сделать с ними что-нибудь?

Дейл ответил на пристальный взгляд шерифа таким же холодным тяжелым взглядом.

– Я с радостью прикончил бы их в тот день, шериф Маккоун. Но я не сделал этого. Если вы были на том месте, вы должны это знать. Они наверняка выбрались из грязи, оставив следы.

– Да, следы остались, – подтвердил Маккоун. – Но мы потеряли их около кладбища.

Дейл едва не засмеялся.

– Вы предполагаете, что я подкараулил их возле кладбища? И перебил всех? Закопал где-нибудь трупы? Один справился с пятью бритоголовыми, каждый из которых вполонину моложе меня?

Маккоун снова улыбнулся.

– У вас было ружье.

– Вертикальный дробовик? – уточнил Дейл, не веря в реальность этой беседы. – Я не возил его с собой.

Маккоун кивнул, не поверив ему до конца.

– Кроме того, это однозарядное ружье, – произнес Дейл, закипая. – Вы предполагаете, что я съездил домой, взял дробовик, вернулся на кладбище и перестрелял их? Вы предполагаете, что они просто стояли передо мной и ждали, пока я перезаряжу ружье и расстреляю их по очереди?

Маккоун ничего не ответил.

– И тогда стал бы я звонить в полицию, рассказывать о собаках и Мишель... обо всех моих наваждениях... прямо на следующий день? – Дейл продолжал, растеряв свой запал, почти вопросительно: – Чтобы отвести от себя подозрения в убийстве пятерых скинхедов?

– Звучит не так уже неправдоподобно, верно? – примирительно произнес Маккоун.

– Человек, находящийся в здравом уме, не станет делать ничего подобного. – Голос Дейла показался ему самому слишком уж суровым.

– Не станет, – сказал Маккоун.

– Вы собираетесь арестовать меня, шериф?

– Нет, профессор Стюарт, я собираюсь отвезти вас обратно на ферму Макбрайдов и оставить вас в покое. По дороге можно остановиться у аптеки, вы сможете купить нужные лекарства. Но я попрошу вас никуда не выезжать из округа, пока мы не разберемся во всем происходящем.

Дейл смог только кивнуть.

– Да, и вот еще что.

Дейл ждал. Он помнил, что Питер Фальк в роли Колombo всегда произносит именно эту фразу, прежде чем загнать подозреваемого в угол и заставить его сознаться.

– Не будете ли вы так любезны, не подпишете это для меня? – Маккоун раскрыл папку и пододвинул к Дейлу по обшарпанному столу экземпляр его книги «Кровавая луна: Джим Бриджер, человек с гор». Шериф расстегнул пуговицу на нагрудном кармане и достал шариковую ручку. – Я буду по-настоящему польщен, если вы напишете: «Биллу, племяннику Бобби». Мы оба ваши большие поклонники.

Дейл оказался дома уже вскоре после полудня. Шериф на прощание коснулся края своего стетсона и уехал, не заходя в дом. Внутри было холодно. В кабинете стоял открытый и включенный компьютер.

>Ты в самом деле убил Клэр, Дейл?

Глава 25

Пять черных собак вернулись вскоре после полуночи. Дейл смотрел из темного дома через кухонное окно, а потом из темной столовой, и еще сквозь занавески в гостиной, и из кабинета, как собаки рыщут вокруг дома: на их клыках и в глазах играл звездный свет, но сами они вырисовывались лишь темными силуэтами на фоне мягко поблескивающего снега.

Дейл тихонько похлопывал битой по ладони и вздыхал. Он страшно устал. Он не спал весь день и вечер, а предыдущую ночь проспал, сидя в кухне на полу. Сейчас, как и раньше, он прекрасно понимал, что если собаки захотят войти, они войдут. Они стали еще больше, чем прежде. Крупнее, чем широкогрудые эскимосские лайки, выше, чем волкодавы. Если они захотят войти, кухонная дверь их не сдержит.

Ощущая некий зуд, схожий с желанием страдающего акрофобией человека спрыгнуть с высоты, Дейл думал, что было бы здорово распахнуть дверь, выйти в ночь и позволить им растерзать себя, утащить в темноту. «Тогда, по крайней мере, с ожиданием было бы покончено».

Он пошел в темный кабинет. Единственным источником света были горящие на экране слова, на которые он никак не реагировал вот уже двенадцать часов.

>Ты в самом деле убил Клэр, Дейл?

Он решил, что сделает это. Поддержит разговор. Он склонился над компьютером и набрал:

>А ты правда Дуэйн?

Разумеется, ответа не появится, пока он здесь, поэтому Дейл подхватил битку и сделал малый круг по коридору в кухню и обратно, убедившись по дороге, что пока ни одна из собак не ворвалась в дом через какое-нибудь из незащищенных окон. Его вопрос остался без ответа. На самом деле он не слишком рассчитывал на ответ.

Он попытался еще раз, набирал слова, ходил, на этот раз получал ответ, снова набирал слова, опять ходил, читал, думал, и снова набирал слова. И таким образом получился вот такой сумасшедший разговор:

>Я не убивал Клэр.

>Тогда почему ты помнишь, что сделал это?

>Это не воспоминание. Скорее, фантазия. Откуда тебе знать, что я помню, а что вообразил себе?

>А разве ты не дошел до той точки, Дейл, когда сам не в состоянии отличить свои фантазии от воспоминаний?

>Не знаю, мистер Призрачный Следователь. Может быть, дошел.

А ты кто, фантазия или воспоминание?

Когда Дейл вернулся, на экране не было ответа. Он попытался ответить иначе.

>Слушай, если бы я убил Клэр Ту-Хартс, я бы уже давно сидел в тюрьме. В воспоминании – фантазии – я последовал за ней в Нью-Джерси и убил ее и ее любовника прямо на лагерьной стоянке в общественном месте. Если все было так на самом деле, я повсюду оставил бы улики: билеты на самолет, разговор с подростком на станции проката каноэ, счета за прокат машины, подписи на чеках, может, даже отпечатки пальцев и отпечатки ног. Я летел бы обратно в Монтану весь испачканный кровью. Нельзя зарубить кого-нибудь топором и не испачкаться, видишь ли. Копы арестовали бы меня в течение суток. Бывшие любовники всегда первыми попадают под подозрение.

>Если полиция знает о существовании этих бывших любовников. Зачем бы Клэр в ее новой жизни в Принстоне рассказывать всем о тебе, Дейл? Как там она высказалась о тебе однажды, когда ты думал, что она шутит? «Мой первый набег на лагерь седоволосых»? К чему ей рассказывать о тебе в своей новой жизни?

>Волосы у меня не такие уж и седые!

Дейл совершил свой круг почета, не обнаружил на экране новых слов, прочитал то, что уже получилось, и громко засмеялся в темноте пустого дома.

– Господи боже мой, я конченный псих!

Тихий голос наверху произнес что-то неразборчивое.

Дейл схватил фонарик и побежал по лестнице, сгибаясь под ледяным сквозняком, дующим вниз. Наверху горел свет. Он поднял биту, чувствуя, как быстро забило в груди сердце, но все-таки не ощущая настоящего страха. Что бы там ни было, оно уже там.

Оставленная перед кроватью свеча снова была зажжена. Пламя метнулось, когда он вошел, и его тень заплясала на покрытых плесенью обоях.

– Мишель? – Ответа не было.

Он ударил по свече бейсбольной битой – огонек скакал по деревянному полу, прежде чем погаснуть, – а затем спустился вниз, светя себе фонариком.

Снаружи завывала собака.

Дейл включил на кухне свет, нашел на столе желтый блокнот и принялся составлять список покупок на утро: листы пластмассы, гвозди. После минутного размышления он добавил: новый дробовик и пули.

Еще одна собака завывала в темноте, вой донесся откуда-то издалека, с запада, со стороны амбара. Дейл проверил хлипкие замки на двери, выключил свет и отправился вниз, в подвал.

Здесь было теплее. Он включил неяркую лампу рядом с кроватью, влез в свою пижаму и забрался под толстое одеяло. Простыня была чистая, подушка мягкая. Он начал читать раскрытую книжку в бумажной обложке, «В сторону Сванна», открытую на части «Любовь Сванна», но он слишком устал, чтобы понимать смысл слов. Большое консольное радио вполголоса наигрывало танцевальную музыку, только Дейл слишком устал, чтобы встать и выключить его. Кроме того, огоньки на широкой настроечной шкале в темноте действовали очень успокаивающе.

Звезды блестели в узких высоких окнах под потолком. Вдруг какой-то темный силуэт заслонил звезды, потом мимо проскользнул еще один, но Дейл ничего не заметил. Он храпел во сне.

В эту ночь мой друг Дейл упустил последнюю возможность вернуться. Чему предстояло произойти, того было уже не миновать. Он сознавал это даже во сне. Пути назад больше не было.

Дейл чувствовал себя совсем не так, как тупоумный персонаж какой-нибудь дурацкой истории. Это была его *жизнь*. Все события последнего года или даже двух, казалось, вели его сюда: в этот дом, к этой ситуации, к давно назревшей необходимости разрешить все сомнения. Он был в том возрасте, когда его ровесники стараются спрятаться от реальности за имитацией и надуманным жизненным опытом, Дейлу пришлось на себе выяснить, что же такое *реальность*.

Что было воспоминанием, а что – фантазией? Кроме того, оставался простой факт, что, несмотря на все, Дейл не верил в дома с привидениями и в призраков. Его неверие глубоко въелось во все его существо, и его вера в собственное неверие была неколебима. Дейл верил в умственное расстройство, в шизофрению, в некое непонятное смятение разума, но только не в привидений.

Но больше всего на его решение ни в коем случае не уезжать в эти последние дни жизни в «Веселом уголке» повлияло убеждение – его понимание, – что все происходящее с ним должно прийти к логическому завершению именно здесь. Этот водоворот безумных событий был для него вихрем, в котором зарождается нечто живое, накапливаются энергии, идет подготовка к появлению на свет. Или же подготовка к уходу из него. В любом случае, верил Дейл, родовые схватки будут иметь место в холодном фермерском доме, здесь, на задворках Иллинойса, и некая неведомая тварь уже приближается к «Веселому уголку», чтобы обрести здесь рождение или смерть.

И наконец, был еще один момент: Дейл знал, что не может сейчас вернуться домой, не может показаться Энн, Маб и Кэти в таком виде, не может возвратиться к обломкам и останкам своей бывшей жизни в Мизуле раньше, чем все это завершится и будут получены ответы на все вопросы.

Однажды, когда он беседовал с Клэр во время долгого перехода через парк Глейшер, он спросил, на что, по ее мнению, должна быть похожа топография человеческой жизни. Она предположила, что жизнь должна быть похожа на перевернутый конус, измеренный в единицах потенциальных возможностей: бесконечность наверху и полный ноль внизу, – а уходящий по спирали вниз внешний слой этого конуса можно измерить ускорением времени, по мере того как человек стареет, приближается к смерти и разложению. Дейл подумал тогда, что это чертовски пессимистично. Он предположил, что, скорее, человеческая жизнь больше похожа на обычную параболу, причем человек никогда не знает, когда же будет достигнут апогей, самая высшая точка, пик.

– Может, это и есть твой апогей, – сказала Клэр, обводя рукой сосновый лес, озеро, далекие горы и себя. С какого-то из ближайших деревьев их обругала ореховка.

– Но не твой? – спросил он, останавливаясь, чтобы поправить лямку рюкзака, трущую ему плечо.

– Уж точно не мой, – отрезала Клэр тем пренебрежительным и даже намеренно оскорбительным тоном, который тогда казался ему странно привлекательным, каким-то космополитическим.

Но Дейл продолжал размышлять об этой самой топографии жизни и позже, до и после ухода Клэр, и уверенность в своей нормальности покинула его. В последнее время его забавляла мысль, что лента его жизни может перекручиваться безумной лентой Мёбиуса, замыкаться на самое себя и проходить насквозь, внутреннее может делаться внешним, теряя всякое измерение, пусть даже и приобретая взамен невозможную непрерывность.

Рождество в тот год пришлось на вторник. Дейл был практически уверен, что к выходным его уже арестуют или заточат в сумасшедший дом; но, хотя помощник шерифа Прессер и явился в субботу с проверкой – убедиться, что Дейл не уехал, – а в воскресенье вечером приехал и сам шериф Маккоун, никто его не хватал, не надевал на него наручники и не заталкивал его в смирительную рубашку.

Оба раза, когда Дейл замечал приближающуюся по заснеженной дороге машину шерифа, он был уверен, что пожаловал Ка-Джей Конгден. Что делать, если это он? Дейл понятия не имел. И каждый раз, когда машина подъезжала достаточно близко, чтобы рассмотреть ее в подробностях, Дейла охватывало что-то вроде разочарования, что это не Конгден.

– Как вы здесь поживаете, профессор? – спросил его в воскресенье вечером шериф Маккоун. Дейл только вышел на прогулку, и шериф нагнал его у большой бензиновой цистерны за сараем с генератором. – Все в порядке? – спросил Маккоун.

Дейл кивнул.

– Какие у нас нынче снегопады, и это после стольких теплых бесснежных зим, а?

Дейл спросил:

– Вы нашли пятерых скинхедов?

Шериф снял свой стетсон и потер пальцами оставшуюся от шляпы полоску на лбу, этот жест напомнил Дейлу привычку Конгдена. Может, так делают все полицейские, которые носят ковбойские шляпы?

– Нет, – ответил шериф. – Их родные тоже понятия не имеют, где они могут быть. Но есть одна любопытная новость.

Дейл ждал.

– Севернее вашей фермы живет один старый холостяк, так вот, он пропал, – сообщил Маккоун. – Бэб Ларсен. Пропал он сам и его старый «шевроле сабурбан», за день до сочельника.

– Вы полагаете, я убил его вместе со скинхедами? – спросил Дейл.

Маккоун медленно надел на голову стетсон.

– На самом деле я подумал, что мистер Ларсен мог натолкнуться на ваших приятелей на Шестом окружном, и, возможно, они прихватили его машину, а может быть, и его самого.

– Вы считаете, эти парни способны на похищение человека? – уточнил Дейл.

– Я считаю, Лестер Бонер способен на что угодно, – ровно проговорил шериф Маккоун. – А остальные идут у него на поводу.

Дейл пожал плечами.

– Я хотел съездить в Оук-Хилл на неделе, закупить провизии, – сказал он, удивляясь самому себе за это слово «провизия». Еще немного, и он начнет разговаривать, как персонажи его книг о горцах.

– Ничего страшного, поезжайте, – позволил шериф. – Я уверен, вы останетесь здесь, пока мы не разберемся со всеми делами.

– Это разбирательство со всеми делами подразумевает возвращение моей собственности, шериф? Я говорю о своем дробовике.

Маккоун потер подбородок.

– Полагаю, нам лучше подержать оружие у себя, пока мы не найдем этих парней, профессор Стюарт. – Полицейский на мгновение замялся. – А вы принимаете свой прозак?

– Да, – солгал Дейл.

– И остальные прописанные вам лекарства?

– В них нет нужды, – сказал Дейл. – Я сплю, как ребенок. – «Как покойник».

– Вы больше не разговаривали с доктором Вильяме?

– Я пока не уезжал из «Ве...», с фермы, – ответил Дейл. – Телефона нет.

– Что ж, может быть, вы позвоните ей из Оук-Хилла.

– Может быть, – согласился Дейл.

Когда шериф сел обратно в машину, Дейл наклонился и постучал по стеклу со стороны водителя. Стекло опустилось.

– Шериф, – сказал Дейл, – вы со своими помощниками собираетесь навещать меня каждый день?

– Да, мы беспокоимся о вас, сэр. Кроме того, существует это ваше из ряда вон выходящее заявление.

Дейл ничего не ответил. Снежинки мягко опускались на его непокрытую голову, садились на ресницы.

– Почему бы вам не зайти ко мне, когда будете в Оук-Хилле, просто сказать, что возвращаетесь обратно на ферму? А мы навестим вас здесь в конце недели, чтобы убедиться, что все у вас в порядке. – Дейл молча кивнул, а Маккоун добавил: – Ну что ж, если не увижу вас до вторника, счастливого вам Нового года, профессор Стюарт.

Дейл отошел назад, посмотрел, как машина шерифа разворачивается под быстро падающим снегом и едет по заметенной дороге. Он заметил, что колеса машины шерифа катятся по свежим отпечаткам собачьих лап.

Тем вечером Дейл передумал покупать листы пластика на второй этаж и просто прибил гвоздями к дверному проему две простыни. Тонкая хлопчатобумажная ткань почти никак не сдерживала холодный воздух, спускающийся по лестнице, но эта преграда позволяла вздохнуть посвободнее.

Весь оставшийся день и вечер Дейл работал над своим романом, забыв поесть, забыв даже выйти в уборную. В доме сделалось совсем холодно с наступлением ночи, но Дейл с головой ушел в жаркое лето своего детства, поэтому ничего не замечал. Он написал уже почти триста страниц текста романа, и, хотя ясного сюжета у него так и не обрисовалось, он рассказал на бумаге о зеленых летних деньках, о ребятах из «Велосипедного патруля», вольно бродящих по всему Элм-Хейвену, по окрестным полям и лесам, об их увлекательных бесконечных играх на пыльной школьной площадке для игры в мяч и об игре в прятки в густых лесах рядом со Страстным кладбищем. Дейл написал о пещере бутлегеров – так и не решив, найдут ее его друзья или нет, – он написал о самой дружбе, о дружбе одиннадцатилетних ребят в те далекие, полные событий дни, когда умирала их невинность.

Когда он оторвался от компьютера, было уже за полночь. Компьютер и настольная лампа оставались единственными

источниками света во всем доме. Холодный сквозняк врывался в кабинет Старика. Дейл сохранил свой роман на жесткий диск и на дискету, вошел в DOS на предмет появления писем от призрака – писем не оказалось – и пошел по темному дому к кухне, чтобы приготовить суп, прежде чем лечь спать.

– Дейл. – Шепот был такой тихий, почти неразличимый за шумом колонки и громким бурчанием обогревателя. – Дейл. – Он доносился с верхней площадки темной лестницы.

Нет, уже не темной! На втором этаже горел свет, там, наверху, за туго натянутой белой стеной из простыней. Не оглядываясь в поисках оружия, даже не думая о том, чтобы прихватить с собой бейсбольную битку или лом, Дейл пошел вверх по промерзшей лестнице.

Свет был всего лишь неясным свечением, исходящим из-под двери первой спальни. «Опять свеча». Тень двигалась между дверью спальни и стеной почти прозрачной белой ткани. Дейл наблюдал, как середина простыни пошла волнами, словно под порывом сильного ветра, а потом чуть выгнулась наружу. Он поднялся на последнюю ступеньку и придвинулся ближе. В шести дюймах от его лица в простыне отчетливо проступили очертания носа, лба, глазниц, полных губ.

«Мишель или Клэр?»

Прежде чем он успел уловить сходство, выпуклость пропала, но новое движение всколыхнуло тонкую простыню, на этот раз ниже. Три волны, затем пять. Пальцы. Дейл опустил глаза и увидел идеально очерченную женскую руку, тянущуюся ладонью к нему, ее пальцы натягивали ткань. Он ждал, что простыня вот-вот прорвется под ногтями. Она не прорвалась, тогда он сам протянул левую руку и застыл в дюйме от этой медленно движущейся руки, обтянутой белой тканью. Меньше чем в дюйме. Его пальцы застыли в нескольких миллиметрах, прежде чем он успел коснуться натягивающих ткань пальцев.

– Нет, – прошептал Дейл.

Он развернулся и медленно пошел вниз. Когда он снова посмотрел вверх на лестницу, свет погас, и простыня висела, гладкая и вертикальная, как край какого-нибудь древнего ледника. Он пошел в кухню и приготовил томатный суп, наполовину разбавив остатки

молока водой, в точности так, как мать научила его, когда ему было всего десять лет.

Он только задремал в подвале, слушая, как обычно, биг-бэнд, когда наступившая вдруг тишина заставила его очнуться.

Дейл сел на край старой кровати Дуэйна. Панель консольного радио погасла. Разве он его выключал? Он не помнил. Настольная лампа по-прежнему горит, значит, электричество в доме не отключилось. Внезапно его охватила дрожь.

– О нет, – шепотом сказал он темному подвалу.

Выскользнув из-под одеяла и аккуратно поставив томик Пруста, который читал, на полку-ящик, Дейл приблизился к большому консольному радио и с трудом отодвинул его от стены.

Внутри было пусто. Ни проводов, ни ламп, ни лампочек для настроечной таблицы, вообще ни одной работающей детали. Дейл заглянул в остальные приемники, которые слушал последние два месяца. Во всех пусто.

Он отошел обратно к кровати и сел на край.

– А это, – сказал он, ни к кому не обращаясь, – это просто глупо.

Подозревая где-то в глубине души, что, возможно, он в последний раз ночует в доме Дуэйна Макбрайда, Дейл скользнул обратно под одеяло, лежал и слушал, как ветер все сильнее шумит в темноте.

Глава 26

Солнце в последний день старого года, старого века, старого тысячелетия не вошло, оно просочилось наружу неким рассеянным плевком болезненного света, и это пятно серого света медленно растекалось на фоне темно-серого савана. Дейл наблюдал за ним с кухни, где сидел с пяти утра, прихлебывая кофе, глядя в небольшие окна, как падают снежинки за промерзшими рамами, и чувствуя, как где-то неподалеку рыщут черные псы.

Снега навалило уже на десять дюймов, и его все прибывало. Корявые деревья, вытянувшиеся вдоль длинной подъездной дороги, сделались изысканными, словно перекрученные бонсаи, обмакнутые в японскую акварель, отягощенные шапками снега, нереальные. Дворовые постройки, не успев прорисоваться в слабеньком утреннем свете, тут же попытались исчезнуть во все усиливающейся метели. Даже белый «лендкрузер» был засыпан снегом по черные подножки, а на крыше и окнах у него повисли снежные карнизы.

Дейл осмотрел запасы провизии – снова улыбнулся этому слову – и решил, что у него хватит консервов и хлеба, чтобы продержаться несколько дней. Какая-то часть его знала – ему не потребуется запасов на несколько дней, но он старательно не замечал предательский голосок.

Стоял отличный день для работы, и Дейл писал, вызывая к жизни летние дни, пока зимний холод все сильнее льнул к одинарным рамам окна кабинета. Когда он прервался на поздний ленч, где-то в три часа пополудни, дневной свет уже угасал, вытекал из дня, словно грязная водица из раковины. Дейл вернулся за компьютер, но уже не смог сосредоточиться на происходящих у него в главе событиях, которые всего несколько секунд назад казались такими яркими. Он вышел из Windows и уставился на черный DOS-овский экран.

>ponon yo-geblond up 3st4ge0 won to wolcum, ponne wind
styrep lao gewidru, oOplt lyft orysmap, roderas reotao. Nu is se
raed geland eft aet pe anum. Eard git ne const, frecne stowe, o aer
pu findan miht fela-sinnigne secg; sec gif pu dyrre.

Дейл невольно улыбнулся. Его потусторонний собеседник делался все менее изобретательным, разумеется, это послание было на староанглийском, но у привидения (или у Дейлова компьютера) ощущалась явная нехватка диакритических знаков и правильных староанглийских букв. Например, Дейл сразу же понял, что написанное компьютером (к которому был подключен лазерный принтер HP 4M) слово «3st4ge0» надо понимать как «astigeo», а то, что выглядело как «oOrlt», должно читаться как «оорает». Гораздо важнее было то, что, даже ничего не переводя, Дейл тотчас же понял, что это цитата из «Беовульфа».

Дейл привез с собой в Иллинойс блистательный перевод Шитмуса Хини двухтысячного года и теперь отправился в подвал, чтобы принести его. Он нашел процитированный отрывок, строки 1373–1379, где описывалась страшная картина:

Когда же буря тлетворным ветром дышит над водами, вздымаются волны, мрачнеет воздух, небо плачет. И вновь на тебя лишь мы уповаем! Подвигнись на поиск, если отважен, найди злотворящую в землях неведомых, в краю неизвестном!

Дейл начал придумывать ответ на это послание, решил, что ответа здесь не нужно, и протянул руку, чтобы выключить компьютер. Потом помедлил, запустил вместо этого Windows, выделил значок Word. Вместо того чтобы открыть папку со своим романом, над которым работал изо дня в день последние два месяца, Дейл открыл новый документ и начал набирать текст.

«Всем, кого это может касаться!

Все, что я потерял, я потерял по собственной вине. Никто не виноват, кроме меня. Мне кажется, я потратил жизнь, то ли пытаюсь стать кем-то другим, то ли дожидаясь, пока стану самим собой, хотя и понятия не имел как. И я зашел по этой дорожке слишком далеко, я не могу найти пути назад.

По крайней мере, в нескольких вещах есть хоть какой-то смысл. Спустя много лет мне наконец-то удалось прочесть “A la recherche du temps perdu” Пруста, в этом издании заглавие переводится как “Воспоминание о прошлом”, но я помню, Клэр говорила мне, что более

точный перевод: “В поисках потерянного времени”. Позор для специалиста-филолога, к тому же писателя и преподавателя английского языка признаваться в том, что он никогда не читал такой классики, но я брался за эту книгу сотни раз за прошедшие десятилетия, и так и не смог прорваться через скучные вступительные пассажи. На этот раз, когда я лежал на кровати в подвале дома Дуэйна, я случайно открыл книгу на части “Любовь Сванна”, я прочитал ее от корки до корки. Это великолепное произведение, и с таким юмором! Над последними абзацами я смеялся так, что слезы брызнули у меня из глаз...

«Подумать только, я потратил годы своей жизни, пытался убить себя, растратил величайшую любовь, и все ради женщины, которая мне не привлекательна, которая даже не принадлежит к моему типу!»

Когда человек низводит свою жизнь до серии бессмысленных навязчивых идей, то на последней стадии он звергает в одержимость и окружающих.

Мне жаль, что я не сумел стать хорошим отцом и мужем. Мне жаль, что я не сумел стать хорошим учителем и писателем. Мне жаль, что я не сумел стать хорошим человеком.

Кто знает? Может быть, вселенная, или жизнь, или нечто важное, чего мы не можем увидеть, в конце концов, всего лишь лента Мёбиуса, возможно, скользя вниз по одной стороне, мы сумеем оказаться на другой. А может быть, нет. Я слишком устал».

Закончив письмо, Дейл перечитал его и сохранил на жесткий диск. Он поглядел на часы, поглядел еще раз. До полуночи оставалось двенадцать минут. Вечер, ночь, год и столетие почти прошли, пока он писал. Дейл подумал, не распечатать ли текст. Но в принтере не оказалось бумаги, а он слишком устал, чтобы заправлять новую.

– Это не важно, – произнес он вслух.

Если кто-то станет искать записку, он посмотрит в компьютере. Он оставил машину включенной и спустился в подвал, поискал на верстаке моток бельевой веревки, который видел там раньше, в день

приезда. Это была обычная бельевая веревка, футов тридцать-сорок, но прочная и мастерски свернутая. Дейл задумался, кто это, сам Дуэйн или его Старик, сложил веревку с мастерством человека, привыкшего всю свою жизнь работать руками. Это тоже не важно.

Дейл отнес веревку в кухню, высвободил один конец и большим ножом отрезал от мотка фута три. Он свернул отрезок в кольцо, оставил большой моток на столе, захватил нож, фонарик и короткий кусок веревки и пошел по лестнице на второй этаж.

Дейл остановился, когда дошел до белой стены простыни наверху, затем всадил в натянутую ткань нож, полоснул вертикально, уводя руку вбок, словно выпуская кишки из врага. Первая простыня разошлась на две части, посередине остался длинный разрез, но на второй простыне оказалась только небольшая дырка. Отбросив нож и сунув фонарик с веревкой в карман, Дейл руками и ногтями расширил дыру, тащил, рвал, в итоге даже кусал, пробивая себе путь сквозь тонкий хлопок, как какой-нибудь хищник прогрызает себе путь, выбираясь на свет из утробы.

На втором этаже было темно и холодно. Никакого движения. Не обращая внимания на первую спальню, Дейл включил фонарик и пошел во вторую комнату.

Здесь все было так, как он видел в последний раз: детское кресло-качалка посреди комнаты, нелепая люстра над ним, многолетнее водяное пятно, расплзшееся по потолку в десяти футах от пола.

Пытаясь не думать и практически преуспев в этом, Дейл вошел в комнату, поставил плоский фонарик на пол, чтобы от него на потолок падало пятно света, и сосредоточился на завязывании конца веревки в скользящую петлю, которая не развяжется. Когда с петлей было покончено, он устался на люстру. Люстра выглядела достаточно надежной, способной выдержать человек пять его веса. Расплзшееся водяное пятно вокруг люстры дрожало в желтом свете, какой-то миг оно было похоже на фреску с изображением сражающихся всадников, затем превратилось в грозовые тучи, потом перестало походить на что-либо, кроме растекшейся лужи крови. Дейл заморгал и отвернулся, взял веревку с узлом в ладони.

«Я блуждаю между мирами с той ночи, когда ружье дало осечку. Настало время выбрать тот или иной мир».

Детское кресло-качалка выдержало его вес, когда он встал на него на носочках, перебросил свободный конец веревки через центральный стержень металлической люстры, завязал тройным узлом, который точно не развяжется, подергал, поджал ноги и повисел минуту на руках, затем снова нащупал ногами кресло-качалку. Даже с вытянутыми ногами он повиснет в паре футов от пола.

Дейл сунул голову в скользящую петлю, затянул ее и оттолкнул кресло-качалку ногами. «Это неправильно. Мне не нужно...»

Бельевая веревка тут же глубоко врезалась ему в шею, лишив доступа воздуха. Цветные пятна замелькали перед глазами. Дейл инстинктивно брыкался и раскачивался, цеплялся за веревку у себя над головой, но скользящая петля только сильнее затягивалась, его пальцы соскальзывали с веревки, у него не хватало сил удержать в воздухе свой собственный вес дольше чем на пару секунд, а потом он снова начинал задыхаться.

Казалось, комната вокруг него ожила: тени кинулись из растекшегося по потолку мокрого пятна по углам, темные призраки заплясали рядом и под ним, словно индейцы, извивающиеся в ритуальном танце у костра. Комната наполнилась голосами, множеством шипящих звуков, жарким шепотом.

Дейл чувствовал, как темнота окутывает его, словно вороновы крылья, хлопающие по лицу, старающиеся обхватить его. А затем хлопанье вороновых крыльев перешло в торжествующий вой гончих ада. Он пытался схватиться за веревку, еще раз подтянуться на ней, но руки окончательно лишились силы, немеющие пальцы не слушались, даже когда веревка еще глубже врезалась в горло. Перед глазами у Дейла все заволкло красным, а потом черным, а он все брыкался и кашлял.

Последнее, что сохранила его память, – некое мощное движение, оглушительный взрыв вокруг него, острые палки или руки скелета, бьющего по нему, царапающие его, а затем он полетел в ночь и провалился в темноту.

Глава 27

Дейл кашлял, моргал, пытался вдохнуть. Он лежал на полу, на нем лежало что-то тяжелое, фонарик упал, его луч бил прямо в дверной проем спальни. Дейлу удалось глотнуть немного воздуха, но веревка до сих пор душила его, врезалась прямо в горло.

Дейл протянул руку и рванул веревку, царапнул ногтями уже и без того ободранную кожу на шее. В итоге ему удалось ослабить удавку, он снял петлю, протащил веревку через узел и отшвырнул в сторону, в холодную темноту. Он встал на колени, обломки дранки и куски побелки посыпались с его плеч и головы, облако пыли поднялось вокруг него. Дейл с трудом поднялся на ноги, поднял фонарик, осветил комнату, затем потолок.

На него свалилась огромная тяжелая люстра. Нет, чуть ли не весь проклятый потолок рухнул на него. Металлический трос от люстры по-прежнему змеей уползал на чердак, а болты по-прежнему были крепко ввинчены в тот кусок потолка, который обрушился вниз, однако трос в значительной степени ослабил удар и спас Дейла от смерти. Поводив фонариком, Дейл внимательно рассмотрел растерзанную и прогнившую крышу в двадцати футах у себя над головой. Вода просачивалась сквозь щели в крытой гонтом крыше долгие годы, десятилетия, капля за каплей, пропитывала штукатурку, от нее гнила сетка, на которой держалась штукатурка, потолок провисал. Дейлу показалось, что конвульсии и медленное умирание растянулись на часы, тогда как на самом деле всей конструкции хватило нескольких секунд, чтобы рухнуть.

Он засмеялся было, но от смеха тут же заболело горло. Он провел пальцами по шее – синяк, содранная кожа, но вроде бы ничего серьезного.

– Господи, – хрипло сказал он темноте. – Какое подлое надувательство!

Эта фраза показалась ему невыносимо смешной, он захохотал, уже не обращая внимания на больное горло. А потом начал рыдать. Дейл упал на колени и плакал, как дитя. В этот миг он сознавал лишь одно – *он хочет жить*. Смерть сама была непристойностью, и тем

более было непристойно добиваться ее таким способом, какой избрал он. Смерть обкрадывала его, забирая себе каждый шанс, каждый вдох, каждую вероятность, предоставленную ему будущим, и боль, и надежду, а Дейл Стюарт всегда ненавидел воров. Смерть была ледяным молчанием короля Лира, она была тем самым *никогда, никогда, никогда, никогда*, от которого у него с детства шел мороз по коже. С того самого дня, когда погиб Дуэйн.

Дейл с трудом понимал, что делать дальше, но он покончил не только с попытками поторопить приход смерти, он покончил и со своей жаждой холода и одиночества в тоскливой симуляции смерти при жизни. Он хотел домой – где бы ни был этот дом, он не здесь, не такой, не так далеко от любого настоящего дома, который может у него быть.

Дейл поднялся на ноги, вытер с лица слезы и сопли, взял фонарик и вышел из комнаты, пошел вниз по лестнице, не оглядываясь назад. Надо поспать. Что делать дальше – он решит утром. Он зашел в кабинет и успел лишь выключить компьютер и погасить свет.

Внезапно яркий свет фар осветил его через покрытое морозными узорами окно кабинета, белый свет, нарезанный на кусочки планками жалюзи. Дейл подошел к окну, но увидел только горящие фары, пронзительные и яркие, в самом начале подъездной дороги, словно машина только-только свернула с Шестого окружного шоссе. Пространство между этими фарами и домом было заполнено густыми хлопьями снега.

Дейл пробормотал себе под нос:

– Снега напало слишком много. Они ни за что не проедут. – Но, однако, думал он при этом: «Вот что видел Дуэйн той ночью, когда остался один, ночью, когда его убили».

Дейл вышел в коридор, прошел через кухню, зажигая по дороге свет, потом вышел на заднее крыльцо. Может быть, это едет шериф, у него есть новости. «Ага, в первом часу ночи в Новый год. Вряд ли».

Свет фар приближался, в нем хорошо было видно, насколько глубоки сугробы, насколько густой валит снег, затем машина свернула в сторону, осветив занесенный «лендкрузер», а потом выехала обратно на дорогу. Каким-то образом большому автомобилю удалось преодолеть нанесенные сугробы.

Это не Ка-Джей Конгден. Дейл видел, что это «шевроле», такой же как у него «автомобиль повышенной вместимости для активного отдыха», огромный, темный, с включенным полным приводом.

«Это парень Клэр на своем «сабурбане»».

Он выбросил эту мысль из головы. Этот «сабурбан» гораздо старше, потрепанный. А разве Маккоун не говорил ему что-то по поводу...

Левое заднее стекло опустилось, и в тот же миг сверкнула вспышка и раздался грохот. словно острые камешки впились в правый бок Дейла, разодрали в клочья рубаху, заставили его развернуться и упасть на одно колено; лампочка на крыльце взорвалась, стало темно. Что-то порезало Дейлу лоб, укололо в правое ухо, но не успел он понять, насколько сильно ранен, как все дверцы «шевроле» распахнулись, и оттуда высыпали темные фигуры, неясные силуэты на фоне освещенной машины. Бритоголовые. Они привезли с собой винтовки или дробовики.

Истекая кровью, раненый, Дейл распахнул дверь в кухню и бросился туда, в освещенное пространство, пополз по линолеуму, когда второй ружейный выстрел высадил стекло во входной двери и повсюду запрыгали осколки.

Дейл пинком закрыл дверь и защелкнул замки, вжался спиной в стену, уходя с линии огня. При разбитом стекле скинхеды уже через пять секунд ворвутся сюда, достаточно просунуть руку и отпереть замок. Или же они просто вышибут расстрелянную дверь ногами.

Он осмелился выглянуть. Никто не ломал дверь. Фары машины до сих пор горели, все дверцы распахнуты, в салоне тоже горит свет. Ни одного из пятерых не было видно, зато в глубоких сугробах было полно спутанных следов.

Прогремело еще два выстрела. Кухонное окно с южной стороны разлетелось, по столу запрыгали новые осколки, упали в раковину. Дейл опустился на корточки и закрыл лицо.

Еще выстрел – с восточной стороны, на этот раз винтовочный, одновременно с ним прогремел следующий выстрел, от которого посыпалось стекло в гостиной.

«Где же бейсбольная бита? Где лом?» Он не мог вспомнить. Вместе с мощной волной адреналина накатило абсолютное осознание того, что он хочет жить. Он привстал настолько, чтобы хлопнуть

ладонью по выключателю, а затем выполз в коридор и выключил свет и там. В коридоре окон нет. Если он сможет переждать атаку здесь или же...

Разлетелось окно в столовой, и на этот раз послышалось громкое «у-ух», а вслед за ним полыхнуло жаром и светом. Распластавшись по полу – правая рука кровоточила от попавшей в нее дробы, локоть левой был порезан разбитым стеклом, – Дейл заглянул в комнату и увидел, что занавески объаты пламенем, обои на стенах начинают тлеть.

«Молотов-коктейль!» Эти скоты заявили сюда с серьезными намерениями.

Очередной выстрел, и вылетело следующее окно. Кто-то подергал дверь парадного входа, запертую и заколоченную, затем выстрелил в замок. Голоса доносились со всех сторон от дома. Смех. Потом взорвалась еще одна бензиновая бомба, на этот раз в кухне, пламя выплеснулось в коридор и в столовую, в десяти шагах от того места, где сидел, скорчившись, Дейл.

Теперь у него есть выбор: вверх или в подвал.

Дейл пополз к лестнице, ведущей в подвал, когда вдруг вспомнил о компьютере. «Письмо. Роман!» Вскочив на ноги, он помчался в кабинет, понимая, что его прекрасно видно на фоне освещенной комнаты, схватил свой ноутбук, выдернув из него все шнуры, и бросился обратно в коридор как раз в тот миг, когда грянул выстрел, разнесший стекло, разодравший жалюзи и пропахавший обои у Дейла над головой.

Выстрелы. Дикий хохот. Столовая и кухня к этому времени уже были в огне, пути отступления к задней двери не осталось, разве что если пробиваться сквозь пламя.

«Если на то пошло, – успел он подумать, – мне больше нравятся собаки и привидения».

Прижимая компьютер к груди, Дейл скатился по ступенькам в подвал, и все новые выстрелы и взрывы гремели в комнатах у него над головой.

Он оставил в подвале зажженный свет, и место показалось ему безопасным и уютным после безумия, бушующего наверху. План «А» был: протиснуться в одно из узких высоких окон – однажды он уже делал так, когда ему было одиннадцать, – но одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять – сейчас ему не пролезть. Второго взгляда

хватило, чтобы заметить грубый сапог, бьющий по окну в южной стене как раз над пустым консольным приемником, затем винная бутылка с бензином влетела внутрь, задела кровать Дуэйна и разбилась на цементном полу. Фитиль вылетел из нее где-то по дороге, поэтому «коктейль Молотова» не занялся, лишь залил бензином одеяло, кровать, книги и пол, но Дейл понимал, что через секунду-другую прилетит новая бомба. От осознания этого факта он впал одновременно в ярость и тоску. Этот подвал и пролежавшие в нем сорок лет вещи – последнее, что осталось от жизни его друга Дуэйна.

Еще одно окно разлетелось вдребезги, на этот раз от ружейного выстрела. Должно быть, они заметили свет. Свет придется погасить, но сначала Дейл попробовал отыскать молоток и свой лом, не для того, чтобы драться, а чтобы использовать по назначению.

Молоток лежал на верстаке под восточной стеной. А вот лом и фонарик он найти не смог. Наплевать. Дейл засунул молоток за пояс, напрягая силы, выдернул кирпич из сложенной на верстаке кучи, метнул его через комнату – лампа разбилась, и комната погрузилась в темноту как раз в ту секунду, когда очередной «Молотов-коктейль» влетел в южное окно. Этот разорвался, расплескивая горящий бензин по всему верстаку, а Дейл уже во весь опор неся в противоположный конец подвала, протиснулся за обогреватель и пролез через дыру в угольный бункер. Он едва не выронил компьютер, но успел прижать левой рукой к груди, пока правой выдирает молотком гвозди и шурупы из фанерной заслонки в стене угольного бункера. Подвал уже затягивало дымом, наверху раздавался грохот, хотя Дейл так и не смог определить, топают ли это бритоголовые, разыскивающие его в горящем доме, или же рушится сам дом.

Фанера отлетела в сторону, Дейл снова засунул молоток за ремень и полез за своей зажигалкой «Данхилл». В правом кармане джинсов, куда он всегда клал ее, зажигалки не оказалось, и на какой-то момент Дейла охватил настоящий ужас, но, быстро похлопав по карманам, он обнаружил зажигалку в левом. Пламя загорелось с первого щелчка, как обычно.

Дейл уже лез по вонючему туннелю, не обращая внимания на осколки старых бутылок под ногами и на кровоточащую правую руку и голову. Самое забавное, что это был вовсе не туннель бутлегеров, скорее какой-то незавершенный проект перестройки подвала, годов

сороковых-пятидесятых, однако Дейл чувствовал дуновение того же самого сквозняка, вой которого слышал несколько недель назад, значит, этот лаз обязан вести *куда-то еще*.

«Наверняка к отверстию, в которое ты не сможешь протиснуться».

Не имеет значения. Даже если он окажется в двадцати футах от горящего подвала и горящего дома, это лучше, чем ничего.

«Глупости. Чертов туннель все равно наполнится дымом». У Дейла не было шанса просто отсидеться здесь, дожидаясь, пока скинхеды сожгут дом дотла, и надеясь, что они не станут потом раскапывать руины. Огонь – он ощутил у себя за спиной его жар, когда опустился на колени – уже выжигал кислород в туннеле. Он умрет от удушья гораздо раньше, чем сгорит. Этот туннель обязан привести куда-нибудь, иначе ему конец.

В мерцающем свете зажигалки Дейл увидел, что стена, которую он заметил, когда заглядывал в туннель в первый раз, была еще не концом туннеля, он заворачивал на северо-запад и тянулся футов шесть-восемь, а затем снова поворачивал и уходил в необозримую даль прямо на запад. Только теперь, чем дальше от фундамента дома, тем больше этот старый ход делался похож на пещеру. Потолок прохода понизился с четырех футов до трех, а потом туннель и вовсе превратился в лаз в пятнадцать дюймов высотой. Дейл не стал раздумывать, он лег на спину, крепко прижал компьютер к груди, поднял зажигалку над головой и пополз в узкую дыру, отталкиваясь ногами, скользя подметками по земле. Все здесь воняло канализацией, и на какой-то миг его охватила уверенность, что сейчас от пламени его зажигалки взорвется метан, от взрыва горящий дом взлетит на воздух, сорвавшись с фундамента, и накроет собой изумленных скинхедов.

Метан не взрывался, зато по ногам, по груди и лицу Дейла пробежали крысы, явно чувствующие, что в подвале пожар. Он не обращал на них внимания и продолжал толкаться ногами и извиваться, с каждым движением на дюйм сдвигаясь к западу.

Лаз снова перешел в участок туннеля, который производил впечатление того самого, древнего, Дейл опять встал на колени и пополз дальше. Зажигалка освещала подгнившие доски, грязь и каменную кладку над головой, Дейл понял, что это в самом деле туннель, нечто вроде примитивной шахты, и что рассказ Дуэйна о бутлегерах был вполне правдивым.

Еще два-три минуты на четвереньках, и туннель уперся в стену из камня и грязи. Никаких поворотов и ответвлений. Дейл тяжело дышал, вода перед собой зажженной зажигалкой. Хотя порезы на голове охладили ледяной воздух, дым все равно заползал в туннель вслед за Дейлом, клубился вокруг него.

«Холодный воздух у меня над головой». Дейл поднял зажигалку и посмотрел наверх. Узкая щель, не больше трех дюймов в ширину, тянулась над ним. А в футах восьми над Дейлом виднелось что-то вроде трех очень слабых полос света.

Здесь ему никак не выбраться. Ни лестницы, ни скоб, ни переключателей – только земля, камень и темнота.

Но для Дейла не прошли даром почти двадцать лет жизни в горах Запада. Погасив зажигалку и сунув ее в карман, он достал из-за пояса молоток, развернул узкой частью вперед и всадил в твердую глину так высоко, насколько смог достать, затем уперся в противоположную стенку ногами и начал подниматься. Все было бы намного проще, если бы у него были свободны обе руки, но он по-прежнему прижимал к груди компьютер, зажатым в раненой руке молотком врубался в глину, подтягивал вверх туловище, упирался вытянутыми ногами, а затем все повторялось.

Он ударился головой во что-то твердое. Напрягая, как ему казалось, последние силы, чтобы удержаться в узкой трубе, он переложил молоток в левую руку и огляделся вокруг. Доски. Очень твердые доски. Похоже было, что он лез-лез и добрался до крышки своего гроба.

«Нет!»

Упираясь в стенки ногами и спиной, он снова перехватил молоток правой рукой и принялся бешено колотить в твердый потолок, не задумываясь, сколько шума он производит. Все что угодно лучше смерти в вонючей шахте, которую все сильнее заволакивало дымом.

Молоток не помог. Он уронил его в темноту и решил нажать всем своим весом, уперся правой ногой в скользкую стену позади себя, дотянулся правой рукой до щели, ухватился, подтянулся наверх, насколько смог, вытянулся почти горизонтально, судя по всему, под деревянным полом над собой, вжимаясь спиной и плечами в доски. И с последним мощным выбросом адреналина Дейл растянулся в обе стороны, чувствуя, как рвутся мышцы в покалеченной правой руке, но

не обращая на это внимания, едва не выронил компьютер, но вовремя подхватил и принялся вжиматься в темноту над собой, упирался, пока позвонки на шее не хрустнули явственно, а на лбу не проступили вены.

Гнилые доски над головой затрещали, поддались, снова затрещали. Едва не теряя равновесие, Дейл сжал руку в кулак и ударил, пробивая себе путь наверх сквозь гнилую древесину, ударил еще раз, подтянулся, уперся локтем в край щели, уже почти падая вниз. Он расширил щель, используя компьютер в качестве тарана, и просунул голову и плечи в образовавшуюся дыру.

Он оказался в курятнике. Дейл поглядел на щели в восточной стене, щели в двери, все они светились ярким желтым и красным светом, светом пламени от горящего в ста футах отсюда дома. Он толкнул компьютер по грубому полу, выбрался из дыры и прищипнул глазом к щели в двери рядом с петлей.

«Веселый уголок» был полностью охвачен пламенем. Части крыши уже провалились внутрь, и, пока он смотрел, столбы огня разом вырвались из окна кухни на первом этаже и из углового окна на втором этаже. Силуэты двигались на фоне горящего дома, скакали с оружием в руках. Пятеро бритоголовых бегали, играя в догонялки, хлопали друг друга руками, подпрыгивали в воздух. Кажется, их несколько не волновало, что из Элм-Хейвена наверняка приедет пожарная бригада, и, если учесть, что сегодня был праздник, шли первые часы Нового года, им действительно было не о чем волноваться. Дейл видел блестящий череп фашиста, Лестера Бонера, вожака этих скинхедов, видел, как он приказал двоим из них обойти горящий дом спереди, явно надеясь, что этот иудейский прихвостень, обожатель ниггеров, убежит, охваченный пламенем, из дома и тогда они смогут его подстрелить.

И скинхеды не сводили глаз с устроенного ими пожарища. Дейл лежал на животе, стараясь успокоить дыхание и унять колотящееся сердце. Все, что ему остается, – прятаться здесь, пока скоты не уберутся прочь или пока огонь не утихнет настолько, что он сумеет выбраться, пересечет заснеженное поле, доберется до фермы Джонсонов и позвонит от них, прося помощи. Замерзнуть насмерть он не успеет. Жар от огня ощущался даже здесь, в сотне футов от горящего дома. Скинхеды не смогут безнаказанно торчать здесь всю ночь, фермерский дом все равно рухнет минут через пятнадцать-

двадцать, они решат, что Дейл мертв, так что у них не останется повода обыскивать курятник и прочие постройки.

Все, что требуется от Дейла, сидеть здесь и ждать.

– Даже не надейся на это, Стюарт, ты, трусливый ублюдок!

Голос был бесконечно холодным и совершенно мертвым и раздавался прямо за спиной Дейла.

Глава 28

Ка-Джей Конгден сидел у задней стенки курятника, меньше чем в десяти футах от Дейла. Даже в пляшущем красном свете, просачивающемся в щели восточной стены, было видно, что кожа на лице Конгдена мертвенно-белая с прозеленью. У него были запавшие глаза, затянутые белой пленкой, словно усеянные личинками мух. В эту ночь бывший шериф явился без шляпы, и, когда Конгден немного повернул голову, Дейл увидел выходное отверстие от пули «кольта» сорок пятого калибра, оставшееся у него на затылке, клочок волос и кусок черепной кости нависали над этим отверстием, словно в стыдливой попытке скрыть его.

Конгден ухмыльнулся, продемонстрировав черную дыру на месте нёба, к которому он когда-то приставил ствол пистолета, и отсутствующие передние зубы. Сам пистолет до сих пор был у него в руке, и теперь он целился из своего оружия в Дейла, его белые пальцы могильными червями лежали на курке и перламутровой рукоятке «кольта». Рот Конгдена не двигался, когда он выговаривал слова, и казалось, что голос выходит прямо из прогнившего живота.

– Пора выйти наружу и присоединиться к вечеринке, Стюарт.

Дейл потянулся к молотку за ремнем, но вспомнил, что выбросил его в дыру вниз.

– Да пошел ты, Конгден, – шепотом произнес он. Он не имел желания идти куда-либо, не выяснив, может ли призрак из ада причинить ему вред, насчет того, что это могут сделать скинхеды, у него не было сомнений. – Пошел ты, – повторил он.

Казалось, Конгдена это удивило. Его рот раззявился в усмешке и продолжал раскрываться все шире, растягиваясь до невероятных, жутких пределов, жирные щеки и скулы тряслись, словно от сильного ветра. Пасть призрака превратилась в огромную дыру, такую же грязную, как та дыра, из которой выбрался недавно Дейл, только вместо разбитых досок были сломанные зубы. На какой-то миг сердце у Дейла буквально замерло в груди, когда он осознал, что может заглянуть через череп Конгдена в его гнилую утробу, а через дыру в нёбе разглядеть заднюю стенку его черепа.

И тут Конгден стал издавать звук, сначала просто шипение, словно чайник, объявляющий о том, что уже вскипел, но затем шипение усиливалось, пока не превратилось в шум и рев пожарного гидранта, а потом в гудок паровой трубы и, наконец, в вой сирены.

Дейл скорчился, стоя на коленях, и зажал руками уши. От этого звук не сделался тише. Ничто не могло бы заглушить этот рев. Конгден задрал свое развороченное лицо к потолку залитого кровью сарая и словно завыл в пустоту через выходное отверстие от пули, а из распяленной пасти все это время продолжал вырываться звук парового гудка. Скинхеды просто обязаны это услышать.

Дейл сдался, он развернулся, распахнул дверь сарая и вывалился на снег, в яркий свет от горящего дома.

Один из бритоголовых заметил его и с воплями пустился в погоню, не успев Дейл сделать и тридцати шагов в сторону черного поля. Дейл был ранен и, конечно, предпочел бы рискнуть и попробовать добраться до «лендкрузера», поехать за помощью на машине, снова понадеявшись, что полный привод поможет ему уйти от преследователей. Но ключи от машины остались в кармане куртки, а сама куртка осталась висеть на крючке в кухне.

Сейчас та сторона «Веселого уголка», где находилась кухня, представляла собой сплошную стену пламени, от которой отлетали алые огни, освещавшие, словно прожекторами, дорогу перед Дейлом, пока он бежал в сторону амбара, петляя из стороны в сторону по высоким сугробам, стараясь, чтобы его прикрывал от скинхедов курятник и прочие постройки. Два раза он падал, каждый раз оставляя на снегу кровавые разводы. Оба раза с усилием поднимался на ноги и продолжал брести дальше по колено в снегу. Даже летящие снежинки казались кроваво-красными в свете пожарища.

«Насколько серьезно я ранен? Сколько крови я потерял?»

Боль не становилась сильнее, но к этому моменту вся правая часть рубахи от воротника до манжеты пропиталась его собственной кровью. В голове у Дейла звенело, он превозмогал головокружение с каждым новым трудным шагом.

Теперь подальше от огня, налево, мимо цистерны с бензином, и в поле. Там гораздо темнее, и если удастся проскочить незаметно, потом надо идти к ручью и в лес, еще милью на юго-запад.

«Они запросто найдут меня по следам на снегу». Дейл оглянулся и увидел не только след, который он оставлял в сугробах, но и пятна крови, похожие на нарисованные краской стрелки.

Скинхеды улюлюкали как ковбои, распахивая двери сараев и зашвыривая внутрь последние «коктейли Молотова». Старый сарай, где были сложены допотопные обучающие машины мистера Макбрайда, взлетел на воздух в шаре пламени.

Бритоголовые стреляли из своих дробовиков и винтовок по теням за сараями, вспышки от выстрелов казались особенно яркими на фоне темных построек. Одна из темных фигур наткнулась на след Дейла в снегу, бритоголовый принялся перекрикивать общий шум.

«Мне ни за что не перейти это поле». Дейл знал, что у него нет сил бежать дальше, он не смог бы, даже если бы на поле не лежало снега, затрудняющего движение. Негодяи догонят его через пять минут.

Он остановился посреди заснеженного поля. Амбар поднимался справа от него. Может быть, ему удастся забраться на верхний ярус, спрятаться в путанице балок, затаиться в темноте.

Один из бритоголовых зажег фонарик, и свет тысячи свечей воплотился в одном слепящем луче, шарящем по полю. Но Дейл все равно побежал к амбару. Он был не в силах придумать что-нибудь другое.

«С помощью фонарика ослепить воробьев под балками, а потом расстрелять их из «воздушек». Черные глаза смотрят, не отрываясь». Он поскользнулся и упал, подминая под себя замороженные кукурузные стебли, потом с трудом встал на колени, поднялся и побрел вперед.

Видимо, где-то в доме рванула газовая труба, вверх взметнулся закручивающийся огненный гриб, раздался грохот. Темные силуэты бритоголовых на миг замерли у сараев, обернулись назад, на своих рук дело. Дейл тоже посмотрел в ту сторону, мечтая увидеть горящие красные огоньки мигалок, увидеть машину шерифа Маккоуна, мчащегося ему на помощь. На востоке все было темно, все терялось в пелене снегопада.

До амбара ему оставалось еще футов сто, когда Дейл снова остушился и упал. Он тяжело завалился на правый бок, и на этот раз боль была сильная. Дейл встал на колени и обернулся назад, на

горящий дом, отметив, но не задумываясь особенно, что там гибнут все его пожитки и все книги.

«Как там в «Эдде» говорилось о погребальном костре героя?»

Hrot-gaimr. «Завывающий пес». Пламя, словно воющий пес.

zi-ik-wa UR.BAR.RA ki-sa-at. «Тебе суждено обратиться в волка».

Опустившись на колени, слушая выкрики убийц и вой, доносящийся справа, Дейл понимал, что он совсем не герой, а просто раненый и напуганный человек средних лет, непривычный к дракам и боящийся смерти, но при этом он все равно мечтал превратиться в волка. Если бы он стал волком, он перерезал бы горло ближайшему скинхеду раньше, чем остальные застрелили бы его. Если бы он стал волком, он напился бы их горячей крови, пусть даже потом они убили бы его.

Он не превратился в волка.

Дейл просто снова поднялся на ноги, и тут створки громадных ворот амбара поехали в стороны, покатались по железным рельсам, вспахивая снег и медленно надвигаясь на Дейла. Затем они упали, и Дейл увидел, что это громадный комбайн надвигается на него, жатка в тридцать футов шириной расшвыривает по сторонам снег, словно адский плуг, заградительных щитков на ней нет, и в жерле разъявленной пасти видны подъемные цепи и режущие ножи.

«Вот что видел Дуэйн Макбрайд в последние минуты жизни».

Стеклянная водительская кабина, вознесенная на двенадцать футов над вращающимися ножами и летящим в стороны снегом, была слабо освещена изнутри, и Дейл посмотрел на лицо водителя, меняющее форму, словно плохо сделанный цифровой эффект в кино: сначала гнусная физиономия Бонера, самого старшего фашиста, потом лицо трупа Конгдена, потом снова Бонер, и снова Конгден. Свет внутри кабины погас. Дейл развернулся и побежал.

Сорок один год назад Дуэйн побежал в поле и там погиб. Дейл повернул налево, обратно к горящему дому и надворным постройкам, отчаянно выискивая что-нибудь, что угодно, отделяющее его от лязгающей челюстями машины за спиной.

На полпути к ближайшему сараю Дейл понял, что бежать к курятнику и другим сараям нельзя. По доносящимся из темноты крикам было ясно, что там его ждут остальные скинхеды. Опережая всего на тридцать футов заржавленные ножи и вращающиеся

подъемные цепи, Дейл рванулся вправо, застревая в сугробах, бросился к цистерне с горючим. Оставался шанс, всего лишь шанс, что ему удастся забраться по боковой лесенке на двухсотгаллонную бочку с бензином, а оттуда перепрыгнуть на спасительную крышу ближайшего сарая.

Дейл подпрыгнул, схватившись за металлическую перекладину, разрезая ладони о ржавое железо, подтянулся, упираясь для надежности ногами в огромную овальную цистерну, и успел забраться на десять футов над землей, когда гигантский комбайн врезался в цистерну, вырвал опорные решетки из земли и протащил все это через заднюю стенку сарая с генератором. Дейла подкинуло в воздух на пятнадцать футов, и только благодаря счастливой случайности и законам баллистики его швырнуло на двадцать футов в сторону от комбайна, вместо того чтобы уронить головой вниз прямо на вращающиеся ножи. После чего гигантская машина проехала еще несколько ярдов вперед, застряв зубами в заржавленном металле цистерны, бензин из которой лился, заливая комбайн и снег вокруг него. Уже по инерции допотопный комбайн разнес в щепы заднюю стену сарая с генератором, а с подъемных цепей для кукурузы на разбитые доски и ржавое железо хлестал, словно из гейзера, бензин.

Ошарашенный, совершенно задохнувшийся, несмотря на толстый снег, смягчивший удар, Дейл лежал на спине и смотрел, как лицо Бонера превращается в лицо Ка-Джея Конгдена, оба лица хитро поглядывали на него с высоты водительской кабины. Дейл услышал, как заработала старая трансмиссия, комбайн попятился назад от руин сарая, но цистерна по-прежнему торчала, застряв в подъемных цепях, словно ржаво-рыжая крыса, свисающая из пасти терьера. Комбайн отъехал еще футов на тридцать назад, стряхивая и выплевывая измятую цистерну из своей пасти, а затем развернулся в сторону Дейла.

Дейл отполз еще на несколько футов, подальше от покрасневшего, залитого бензином снега, но он прекрасно понимал, что у него не осталось сил, чтобы подняться и снова бежать. Он просто стоял на коленях и глядел в лицо гигантской машине.

У комбайна загорелись фары, пригвождая Дейла к земле лучами безжалостного света.

– На этот раз не выйдет, – прохрипел Дейл.

Он вынул из кармана подаренную Клэр зажигалку «Данхилл» и щелкнул ею. Тут же вырвалось пламя. Почти ленивым жестом Дейл кинул зажигалку в пятно пропитанного бензином снега в шести футах от себя.

Пламя тут же взлетело на десять футов, заревело вокруг комбайна, охватило залитые бензином подъемные цепи, вскарабкалось огненным плющом на высокий бункер для зерна и облитую горючим кабину. Стекло кабины почернело и покособилось. Затем огонь добрался до остатков топлива в перекрученной цистерне, и взрыв швырнул землю перед комбайном на пять футов вверх, отбрасывая Дейла на двадцать футов в сторону.

Дейл катался по сугробам, хватая руками пригоршни снега и кидая себе на обожженные брови и волосы.

Минуту комбайн просто горел ровным пламенем, огонь еще не добрался до его топливного бака, снег вокруг таял, краска закручивалась, старый металл нагревался с шипением, заполняющим собой ночь.

«Хрот-гармр, – рассеянно подумал Дейл. – Погребальное пламя, словно воющий пес». Жар от пламени шел сильный, но это было даже приятно после мокрого снега.

И потом медленно, таинственно открылась дверца кабины, человеческая фигура, охваченная огнем, выбралась на горящий бункер для зерна, прыгнула, упала лицом вниз и так и горела, лежа в снегу.

Дейл с трудом сознавал присутствие остальных скинхедов в пятидесяти футах у себя за спиной, темные силуэты на фоне другого пожара – горящего «Веселого уголка», – ни один из этих силуэтов не двинулся с места.

– Твою мать, – сказал Дейл, поднимаясь на ноги.

Он побежал, как сумел, к горящему человеку, вытащил его из пятна полыхающего бензина и кидал пригоршни снега ему на спину, на горящую куртку и горящую плоть, пока от того не повалил дым. Он перевернул человека. Лицо фашиста Лестера Бонера обгорело до красного мяса, глаза закатились, словно в эпилептическом припадке.

Стоя на коленях рядом с Бонером, Дейл развернулся и заорал на застывших у сараев бритоголовых:

– Бога ради, вызовите же «скорую помощь»! Никто из них не шевельнулся и ничего не ответил. Обгорелое тело перед ним вроде бы

очнулось, перекатилось, поднялось на колени.

– Создается впечатление, что со всеми делами придется разбираться мне самому, – прошипел труп Ка-Джея Конгдена и полез на Дейла, опрокинул его на спину, схватил его за горло.

Сиплое дыхание Дейла вырывалось в холодный воздух клубами пара, пока он пытался отцепить хваткие пальцы Конгдена. Никакого дыхания не вырывалось из разорванного, широко разинутого рта Конгдена. Труп оказался чудовищно силен, он давил на Дейла всей своей разлагающейся массой, и Дейл чувствовал, как остатки собственных сил покидают его вместе с последним воздухом.

– Пошел ты, – выдохнул Дейл в искаженную предсмертную гримасу Конгдена, и вот тогда Дейл сдался – не Конгдену, не этим ублюдкам у себя за спиной, он сдался после сорока лет упорного сопротивления, позволив стене, возведенной в его мозгу, раскрошиться, словно мелок. На последнем выдохе Дейл прокричал в ночь:

– Гифр! Гери! Хуркилас! Анубис, это он из земли, где живут люди с песьими головами, это он имеет голову пса!

Пальцы Конгдена все сильнее впивались в горло Дейла, врезались в плоть его шеи, рот вытягивался трубочкой, словно он собирался высосать из Дейла последнее дыхание, если не получится убить его по-другому. Дейл же в ответ на последнем дыхании выкрикивал призывы:

– Анубис! Кеста! Хапи! Дуамутеф! Кебехсенуф! Потом у него уже не осталось воздуха ни на крик, ни на дыхание, и тут мертвый Конгден навалился всем весом на Дейла, который чувствовал, но не видел, как пять черных собак разметали по сторонам четверых скинхедов, прыгнув не на них, а сквозь них, и затем первый, самый большой, невозможно огромный пес из пяти похожих на шакалов животных, ударил Конгдена с таким звуком, словно кувалда размозжила гнилой арбуз, и откусил голову Конгдена, один лишь раз сомкнув могучие челюсти.

Руки и пальцы Конгдена продолжали душить Дейла.

Теперь за Конгдена взялись все пять собак, раздирали неодоушевленное тело, безглавый труп, конечность за конечностью, отрывая их от туловища, черные собаки выбегали из пламени от горящего комбайна и возвращались в него, словно никакого пламени

не было вовсе, они завывали, рычали, отталкивали друг друга, со свойственной собакам яростью сражаясь за искореженное тело и оторванные конечности.

– Мать твою, – заорал один из стоящих в отдалении скинхедов, и Дейл смутно услышал, как все они бегут в сторону горящего дома, к своему «шевроле сабурбан».

Дейл встал на четвереньки, стряхивая останки Конгдена с ног и груди. Псы с горящими глазами опрокинули Дейла на бок и слизали с него ошметки гнилой плоти: ногу в ковбойском сапоге, выпавшие из грудной клетки внутренности, полусгнившую челюсть, – а затем протащили его через круг огня и исчезли во тьме позади него. Дейл перекатился на бок и посмотрел туда, где на утоптанном снегу до сих пор лежал Бонер. Дым столбом поднимался от почерневшего тела. Дейл так и не смог понять, дышит ли он.

Дейл силился подняться на ноги, понимая, что в любую секунду может взорваться топливный бак горящего комбайна, но оказалось, он больше не в состоянии подняться, даже встать на колени. Он перекатился на живот и пополз по запятнанному снегу в сторону сараев и горящего дома.

Мигающие красные огни, мигающие синие огни. Полдюжины машин, все с зажженными фарами, во дворе перед домом, и еще несколько машин с мигалками на подъездной дороге. Перед глазами Дейла мелькнули бритоголовые, которые поднимают руки, роняют оружие, потом пожарная машина, люди бежали с пожарными шлангами, еще какие-то люди бежали, спотыкаясь в сугробах, к нему и горящему комбайну, и тогда Дейл решил, что было бы замечательно минутку отдохнуть. Лежа животом на снегу, он положил обожженную голову на окровавленные руки и закрыл глаза.

Глава 29

На третий день я поднимаюсь и покидаю это место: больницу, ферму, округ, штат.

Но в первый день я почти вовсе не прихожу в себя. Позже, уже вечером, врач признается мне, что все были уверены – по всем признакам дело идет скорее к коме, нежели к благополучному выздоровлению, и этого они совершенно не понимали, поскольку мои раны оказались по большей части поверхностными и затянулись уже за ночь. Я мог бы объяснить, чем вызвано это близкое к коме состояние, но не исключено, что тогда я в итоге оказался бы в смиренной рубашке. В первый день и первую ночь помощник шерифа Брайан Прессер и помощник шерифа Тейлор дежурили в больнице, оба они выводили из себя врачей, настаивая на необходимости заснять на пленку мое заявление, будто я на самом деле стоял уже одной ногой в могиле. Я рассказал им правду, в общих чертах, хотя и сказал, что не помню ничего из произошедшего после первого взрыва комбайна.

Когда настает моя очередь, я спрашиваю их:

– Кто-нибудь погиб?

– Только старик Ларсен, – отвечает Тейлор.

На какой-то миг на моем лице, должно быть, отражается недоумение, потому что помощник шерифа Прессер поясняет:

– Бэб Ларсен, тот человек, у которого они отняли «шевроле сабурбан» за день до Рождества. Дерек и еще один из парней подтвердили, что они были здорово на взводе в тот вечер, когда выбрались из карьера. Они слегка обработали старика, прежде чем связать его и закинуть в багажник. Он был мертв, когда они доехали до дома сестры одного из них, которая живет в Гейлсберге.

– Сердечный приступ, – говорит помощник шерифа Тейлор. – Но скинхеды-то этого не знали.

– А Лестер Бонер? – спрашиваю я.

Ладони у меня забинтованы из-за ожогов. Правый бок и правая рука болят в тех местах, откуда вынимали дробь, на голове с этой же стороны швы. Брови и ресницы начисто спалило, волосы укоротились

на три дюйма в огне пожара, и большая часть лица покрыта слоем мази. Ощущения просто великолепные.

– Бонер до сих пор жив, – бурчит помощник шерифа Прессер, – но он здорово обгорел и находится без сознания. Завтра утром его переводят в ожоговый центр Святого Франциска в Пеории. Врачи говорят, он выживет, но впереди его ждет чертова пропасть пересадок кожи.

– Да, профессор, – говорит помощник шерифа Тейлор, возвращаясь к вопросу, который раньше уже задавали во время записанной на пленку беседы, – а что это был за человек, там, на пожаре... один из парней говорит, все его видели? Тот, который был похож на мертвеца?

Я закрываю глаза и делаю вид, что заснул.

На второй день является шериф Маккоун, с журналами, чтобы я читал, с молочным коктейлем в пакете, чтоб я пил, и с портативным компьютером.

– Это нашли в курятнике, – говорит он. – Предполагаю, что это ваше.

Я киваю.

– Мы его не включали и вообще ничего с ним не делали, так что не знаю, работает ли он, – говорит Маккоун, пододвигая стул и довольно элегантно усаживаясь на него. – Я думаю, что в компьютере нет никаких доказательств... во всяком случае, ничего относящегося к цепочке этих странных происшествий.

– Нет, – отвечаю я совершенно правдиво. – Только один скверный роман и кое-что личное. – Включая предсмертное письмо самоубийцы, но это я опускаю.

Маккоун и не настаивает. Он уверен, что я уже достаточно здоров, чтобы ответить еще на несколько вопросов, поэтому достает диктофон и блокнот и в течение следующего часа задает мне очень точные и очень последовательные вопросы. Я отвечаю настолько правдиво, насколько могу, выдавая часто расплывчатые и крайне редко последовательные ответы. Несколько раз к тому же мне приходится лгать.

– А вот эти следы от веревки у вас на шее, – говорит он. – Вы не помните, откуда они взялись?

Я невольно касаюсь содранной кожи на горле.

– Я не помню, – отвечаю я.

– Может быть, зацепились, пока ползли по тому туннелю, – произносит Маккоун, хотя я знаю, что он знает – это полная ерунда.

– Да.

Когда с записью уже покончено, блокнот убран и диктофон выключен, он говорит:

– Доктор Фостер считает, что завтра вы вполне уже можете выписываться. Я принес вам подарок.

Он кладет одинокий ключ на столик на шарнирах, подвешенный над кроватью.

Я беру ключ. Он почернел от копоти, пластмассовая головка слегка оплавилась, но в целом он не пострадал.

– И ваш «крузер» по-прежнему отлично им заводится, – говорит шериф Маккоун. – Я велел Брайану пригнать машину. Сейчас она на стоянке у больницы.

– Поразительно, что ключ уцелел после пожара и что вы нашли его, – говорю я.

Маккоун чуть заметно пожимает плечами.

– Металл, как кости и некоторые воспоминания... трудно уничтожить.

Я гляжу на шерифа из-под опухших, раздутых век. Уже не в первый раз мне напоминают, что обладатели высокого интеллекта встречаются в самых неожиданных местах. Я говорю:

– Полагаю, мне придется остаться здесь еще на какое-то время.

– Для чего? – спрашивает шериф Маккоун.

Я начинаю пожимать плечами, но передумываю. Правый бок и ребра слишком туго замотаны бинтами, даже вздохнуть глубоко – и то уже больно.

– Обвинение? – предполагаю я. – Еще допросы? Расследование? Суд?

Маккоун тянется за своим стетсоном, лежащим на моей кровати, берет шляпу и принимается поправлять и без того отличную складку на доньшке.

– Еще одна беседа с помощником шерифа Прессером сегодня вечером, – говорит он, – и, я думаю, у нас уже будет вся необходимая информация. Вашего присутствия не требуется для выдвижения

обвинения против этих парней, и я сомневаюсь, что суд вообще будет... я имею в виду, по делу о сгоревшем доме и нападении на вас.

Я сижу на больничной кровати и жду дальнейших объяснений.

Маккоун пожимает плечами и постукивает своей шляпой по колену. Стрелки на его серо-зеленых форменных брюках очень острые.

– Из признаний Дерека, Тоби и Базза явственно следует, что они условились в канун Нового года приехать на ферму, сжечь дом и причинить вам телесные повреждения. Вы же не применяли против них никакого смертельного оружия... все, что вы делали, – пытались спастись бегством. И не ваша вина, что этот Бонер оказался таким болваном и въехал на комбайне в цистерну с горючим.

Я киваю и ничего не говорю.

– Кроме того, – продолжает шериф, – настоящим пострадавшим здесь является погибший Ларсен. Но я сомневаюсь, что и это дело будет передано в суд. Трое из парней несовершеннолетние, будет сделка между обвинением и защитой, они проведут какое-то время в центре для несовершеннолетних преступников, а потом их распустят по домам на испытательный срок под мой надзор. Оставшимся двоим предъявят обвинение, но только не в преднамеренном убийстве. Если Бонер выживет, а насколько я понимаю, он выживет, ему придется отсидеть какой-то срок. Могу я задать вам один вопрос, профессор?

Я снова киваю, уверенный, что он собирается спросить еще об одном персонаже, которого видели скинхеды, который дрался со мной в свете пожарища, хотя я и заявлял уже на куче допросов, что это был Бонер, он пытался задушить меня перед тем, как снова потерял сознание.

– Собаки, – произносит он, к моему удивлению. Никто не упоминал собак ни в одной из официальных бесед за последние двадцать четыре часа.

– Куча народу и машин наследили на снегу еще до начала следующего дня, но там все равно сохранились отпечатки лап, – говорит он, кладет стетсон на колено и смотрит на меня.

Я отваживаюсь пожать плечами. И думаю: «Хвала тебе, о правитель Дома богов. Жертвенная пища да будет дарована тебе, да низвергнешь ты всех своих врагов, да ступишь на них своею пятою в присутствии твоих летописцев и перед лицом Усаха и Пта-Сокара, что стоят на твоей стороне».

Почему девятилетний мальчишка, живущий в уединении на стоящей на отшибе ферме в Иллинойсе, в конце пятидесятых годов избрал для поклонения Анубиса, почему зашел настолько далеко, что изучил язык древнего божества и соответствующие обряды? Может быть, потому что его единственным другом был Виттгенштейн, старый колли, и мальчишке нравилась голова и уши бога с шакальей головой? Кто знает? Возможно, боги сами выбирают своих почитателей, а вовсе не наоборот.

Вопрос, стоило ли рассказать Дейлу, что Гончие ни в коем случае не причинили бы ему вреда. Хранители царства мертвых, похожие на шакалов, очищающих гробницы от ненужной падали, они являются стражами приграничной зоны на стыке двух миров. Словно фагоциты в кровотоке живого организма, они не только являются психопомпами, проводниками душ умерших, их защитниками во время перехода, но и падальщиками, они выслеживают и возвращают души, пересекшие границу не в том направлении, души, уже не принадлежащие восточному берегу бытия, как бы ни были велики страдания, приведшие эти души обратно. Но кто скажет, что Дейл вовсе ничем не рисковал? В конце концов, он по собственной воле пробовал перебраться на западный берег, в царство мертвых, когда пытался убить себя, вынуждая, таким образом, Осириса взвесить его сердце на весах в Зале Двух Истин.

– Профессор, вы хорошо себя чувствуете? Такое впечатление, будто вы как-то отключились от действительности.

– Со мной все в порядке, – поспешно отвечаю я. – Просто устал. Бок болит.

Маккоун кивает, берет свой стетсон, поднимается. Он разворачивается, чтобы уйти, но возвращается. «Коломбо», – думаю я, вспомнив, как недавно об этом думал Дейл. Но вместо того, чтобы задать последний, самый проникновенный, вопрос «на засыпку», Маккоун вдруг сам выдает информацию.

– Да, кстати, я просмотрел дела следователя Стайлза за 1960–1965 годы и нашел кое-что любопытное за шестьдесят первый год.

Я снова молча жду.

– Судя по всему, доктор Стеффни, отец Мишель, хирург, позвонил в конце того года Барни Стайлзу и потребовал, чтобы Ка-Джея Конгдена, его закадычного друга Арчи Крека и еще парочку местных

шалопаяев арестовали по обвинению... в изнасиловании. Согласно сбивчивому рапорту Барни, доктор Стеффни заявил, что эти мальчишки, хотя Конгдену было тогда уже семнадцать, так что не такие уж и мальчишки, эти негодяи затолкнули в машину его дочь, увезли в пустой дом Макбрайдов – мистер Макбрайд тогда уже уехал в Чикаго, и дом стоял пустой, пока в него не въехала его сестра, – так вот, увезли в пустой дом Макбрайдов и несколько раз изнасиловали. Вы что-нибудь знали об этом, профессор?

– Нет, – чистосердечно признаюсь я. Маккоун качает головой.

– Доктор Стеффни на следующий день забрал заявление, и, насколько мне известно, ни он, ни Барни больше не упоминали об этом случае. Мишель была тогда в седьмом классе. Я предполагаю, что Джей-Пи Конгден, папаша Ка-Джея Конгдена, угрожал доктору Стеффни.

Оба мы некоторое время молчим. Затем шериф Маккоун произносит:

– Что ж, я подумал, вам следует знать об этом. – Он идет к двери, все еще держа шляпу в руке, но на мгновение задерживается. – Если у вас здесь не осталось никаких дел, я полагаю, вы уедете от нас, когда выпишетесь завтра из больницы.

– Да.

– Вернетесь обратно в Монтану, профессор?

– Да.

Маккоун надевает шляпу и немного сдвигает на лоб. Проницательный взгляд его светлых глаз кажется холодным под этой форменной шляпой.

– И если суда и всего остального не будет, вы вряд ли еще раз приедете сюда, верно?

– Верно.

– Прекрасно, – говорит Маккоун, еще раз поправляя шляпу, прежде чем уйти. – Прекрасно.

На третий день меня довозят на кресле-каталке до дверей больницы – видимо, таковы больничные правила, – а потом позволяют мне самому дойти до «лендкрузера». День холодный, но совершенно безоблачный. При таком солнце и синем небе верится в возможность весны, хотя идет еще только первая неделя января. Помощник шерифа Тейлор привез для меня спортивную куртку из красной шерсти,

поскольку вся моя одежда и остальные пожитки сгорели вместе с домом, и я оценил его любезность, пока шел по морозу сто метров до того места, где припарковали мою машину. Я задумываюсь на миг, не налогоплательщикам ли я обязан этой огромной одеждой – куртка болтается на мне, на два размера больше, чем нужно, – но потом догадываюсь, что ее пожертвовал мне сам широкоплечий помощник шерифа.

Не в силах противиться соблазну, я еду на «лендкрузере» обратно в «Веселый уголок» по старой Каттон-роуд, объезжая Элм-Хейвен. Никакой желтой ленты, запрещающей подъезжать к ферме, нет, поэтому я сворачиваю на подъездную дорогу.

Как странно ехать такой знакомой дорогой, когда впереди нет дома. Все, что осталось от «Веселого уголка», – кирпич и каменный фундамент, остатки одной закопченной стены кухни в четыре фута высотой и искореженная, обгорелая грязная масса, провалившаяся в открытый и черный подвал. Огонь не пощадил ничего, и я удивлен, что нашелся ключ от «лендкрузера».

Снег повсюду вокруг руин дома примет следами колес от машин и человеческими следами. Далеко за курятником и остальными сараями я вижу черный стальной скелет старого комбайна. Множество машин пропахало борозды в снегу, проезжая туда и сюда. Огромный амбар кажется беззащитным теперь, когда у него больше нет массивных ворот.

Я даже не думаю о том, чтобы выйти из машины.

Когда я уже еду обратно по подъездной дороге, я слегка вздрагиваю при виде машины шерифа, поворачивающей с Шестого окружного. Я сдаю вправо, освобождая дорогу, и опускаю стекло, когда полицейская машина останавливается и из нее выходит помощник шерифа Прессер. Он вглядывается через мое лобовое стекло с профессиональным любопытством полицейского, остановившего автомобиль.

– Уезжаете от нас, профессор Стюарт?

– Да.

– Вижу, ваш компьютер работает. – Он кивает на ноутбук, раскрытый и включенный, лежащий на пассажирском сиденье, он работает в режиме сбережения энергии.

– Мне всегда с трудом удается развернуть дорожную карту, – поясняю я и трогаю клавишу.

Скрин-сейвер исчезает, и на экране возникает макнолиевская дорожная карта Соединенных Штатов. Мой путь со Среднего Запада в Мизулу отмечен яркой зеленой линией.

Прессер смеется, потом вынимает длинный, завернутый в ткань предмет.

– Шериф Маккоун сказал, я смогу застать вас здесь. Он сказал, возможно, вы захотите забрать это.

Разумеется, это вертикальный дробовик «саваж». Скорее всего, даже только что вычищенный и смазанный, насколько я успел узнать шерифа Маккоуна.

– Нет, – говорю я. – Это мне не понадобится. Передайте шерифу мою благодарность и попросите его отправить ружье на полицейскую распродажу или еще куда-нибудь.

Прессер секунду выглядит смущенным, но затем отдает мне честь, касаясь края своего стетсона, укладывает ружье на заднее сиденье своей машины и едет к «Веселому уголку», чтобы там развернуться.

Я еду на юг по Шестому окружному шоссе, мимо старого дома дяди Генри и тети Лины, вверх по первому холму, мимо Страстного кладбища. Одинокая фигура торчит вдалеке за заметенными снегом надгробиями, хотя перед черными железными воротами не стоит ни одной машины. На человеке, кажется, военная форма, оливковая или хаки, и армейского образца шляпа. Я достаиваю его только одним взглядом. Если здесь остались еще привидения, они уже не мои.

Выезжая на дорогу Джубили-Колледж, я решаю заглянуть напоследок в Элм-Хейвен, но потом отбрасываю эту мысль.

Я еду вперед по короткой дороге к границе штата. Меньше чем через милю, на пересечении с шоссе 150А, я останавливаюсь и минуту жду, пока мимо проедет несколько грузовиков, направляющихся в Пеорию.

Черный экран компьютера мигает.

>Долго, как ты думаешь?

Дорога уже свободна, но я не еду, я протягиваю руку и набираю:

>Нет, недолго. Я уверен.

У меня имеется особый план на ближайшие недели и месяцы. Все время, пока Дейл будет восстанавливаться и выздоравливать, чтобы снова стать собой, я собираюсь... не жить вместо него, ни в коем случае не жить вместо него... но сделать все от меня зависящее, чтобы его жизнь сдвинулась с мертвой точки.

Полагаю, через некоторое время после возвращения я увижусь с Энн, и с Маб, и с Кэти, надеюсь, я сумею сделать что-нибудь, чтобы помочь и при этом не навредить планам самого Дейла на этот счет. Его планов я еще не знаю.

В ближайшие недели я начну звонить в Принстон, переговорю кое с кем, затем дождусь, пока в трубке не раздастся голос Клэр, и тогда уже повешу трубку. Он не собирался ни о чем разговаривать с ней, но, возможно, Дейл будет лучше спать, когда вернется, если будет уверен, что она жива и здорова.

И если дарованные мне недели – а это дар, полученный мною не просто так, ведь я сам дважды даровал Дейлу второй шанс, – если дарованные мне недели сложатся в месяц или два, думаю, я приступлю к работе над Дейловым романом. Описания солнечного света, и лета, и детской дружбы сделаны им достаточно правдиво, но только все они слишком уж искренни, намеренно серьезны и вычурны, как мне кажется. Наверное, я добавлю игровые моменты, а также тайны помрачнее и недомолвки помолчаливее, из тех, о которых побоялся или постеснялся рассказать Дейлу. Может быть, я позабавлю самого себя – превращу это в «ужастик». Дейл всегда сможет исправить потом, если твердо вознамерится внести вклад в литературу. Или, может быть, мы вместе, он и я, сумеем перекрутить реальность лентой Мёбиуса.

Я пересекаю шоссе 150А, поворачиваю направо и еду под горку мимо супермаркета «Квик», не оглядываясь. Шериф Маккоун залил мне бак под завязку, и, даже с аппетитами этого механического чудовища, я успею доехать до Дез-Муана или даже дальше, прежде чем настанет время подумать об остановке.

И вот уже шоссе 1–74 расстилается передо мной, прямое и свободное, ведет на запад, и на запад я еду по нему.

Примечания

Херст Уильям Рэндольф (Hearst, William Randolph; 1863–1951) – американский газетный магнат, прославившийся пристрастием к заголовкам на всю полосу и щедро иллюстрированным изданиям с сенсационными публикациями. Послужил прототипом главного героя в фильме режиссера Орсона Уэллса «Гражданин Кейн».

2

Гонт – дранка, используемая для кровли или обшивки домов.

День благодарения – официальный праздник, установленный в честь первых колонистов, отмечается в последний четверг ноября.

Эль-Ниньо – теплое сезонное течение поверхностных вод пониженной солености в восточной части Тихого океана, влекущее за собой разного рода необычные природные явления.

«Инстаматик» (Instamatic) – фирменное название полуавтоматического фотоаппарата компании «Кодак».

«Meals on Wheels» – система доставки горячей пищи престарелым и инвалидам.

Бакелит (Bakelite) – фирменное название по имени изобретателя Л. Бакеланда (L. H. Baekeland, 1863–1944) – синтетической смолы, применяемой для изготовления электроизоляционных материалов и пластмассовых изделий.

«Филко» – товарный знак бытовых электротоваров, а также радио- и телевизионной аппаратуры и магнитофонов компании «Филко-Форд» (американской дочерней компании голландской фирмы «Филипс» и филиала корпорации «Форд-мотор»), обанкротившейся в 1962 г.

«Safeway» – название фирменных продовольственных магазинов самообслуживания и универсамов, принадлежащих одноименной компании.

«Kwik save» – сеть фирменных продовольственных магазинов самообслуживания и универсамов, предназначенных в основном для тех, кто путешествует на машинах (искаженное образование от quick – быстро и save – сберегать).

11

Salve (*ut.*) – здравствуйте, приветствую.

«Jeremiah Johnson» (1972) – фильм Сидни Поллака с Робертом Редфордом в главной роли.

«Gentleman's Agreement» (1947) – фильм режиссера Элиа Казана – экранизация романа Лоры З. Хобсон. Чтобы собрать разоблачительный материал об антисемитизме, писатель (актер Грегори Пек) выдает себя за еврея. Премия «Оскар» за режиссуру и лучшую женскую роль (Селест Холм).

«Deliverance» (1972) – фильм режиссера Джона Бурмана с Джоном Войтом, Бертом Рейнолдсом и Недом Битти в главных ролях.

Колоноскопия – медицинская процедура, во время которой врач с помощью гибких эндоскопов исследует состояние слизистой оболочки толстой кишки. «Рото-Рутер» – американская компания по производству унитазов и другого сантехнического оборудования.

Американский актер, снимался в фильмах «Кей Ларго» (1948), «Пегий жеребенок» (1964) и многих других.

Тсуга – американское хвойное дерево.

Этот тест был очень популярен среди американских психологов в 1950–1960-х гг. Психолог показывал пациенту какое-либо пятно или кляксу и спрашивал у него, какие ассоциации оно вызывает. А потом исходя из полученного ответа якобы определял, в чем состоит проблема пациента.

Популярный американский писатель-фантаст, сценарист, лауреат премии «Хьюго».

Two hearts (*англ.*) – буквально: два сердца.

Персонаж древнеегипетской сказки «Чудесные превращения Баты» («Сказка о двух братьях»).

Эксклюзивные кораблики наподобие речных трамвайчиков в Петербурге.

Дерьмо.

Ковбойская шляпа.